This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

А. Писарева.

КРАТКІЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Часть I—до XIX вѣка.

Библіотека
Общественной Пользы".
Серія II. № 37.

Библіотека „Общеественной Пользы“:

Серія I:

Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи . Ц. 1 р. — к.
Каутскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій, т. I. » 2 » — »
» » » » » т. II. » 1 » 50 »
Голлосъ. Письма изъ Берлина . . . . . » 2 » — »
Кауфманъ А. Переселеніе и колонизація . . . . . » 2 » — »
Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня . . . » 2 » — »
Корниловъ А. Очерки по ист. обществ. движенія и крест. дѣла въ Россіи . . . . . » 2 » — »
Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія . . » 1 » 50 »
Арсеньевъ К. Свобода совѣсти и вѣротерпимость . » 1 » 50 »
Скалонъ В. По земскимъ вопросамъ, т. I. . . . . » 1 » 50 »
Рейснеръ. Государство и вѣрующая личность . . » 2 » 50 »
Бургэнъ М. Современныя соціалист. ученія и экономическая эволюція. Пер. съ франц. . . . » 2 » 50 »
Политическіе памфлеты. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисл. Н. Кудрина . . . . . » 1 » 60 »
Вейль Ж. Исторія соціальнаго движенія во Франціи 1852—1906 г. . . . . » 1 » 80 »
Хилкуитъ М. Исторія соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ . . . . . » — » 75 »
Конштэдтъ. Аграрный вопросъ въ германск. соціал-демократіи . . . . . » — » 75 »
„Соціализмъ въ Англіи“, сборн. ст. англійск. соціалистовъ, составл. **С. Веббомъ** . . . . . » 1 » — »
Милюковъ П. „Годъ борьбы“. Публицистич. хроника 1905—1906 г. . . . . » 2 » — »
Штурмъ Р. Бюджетъ, со статьей Фридмана: Наше законодат. о бюджетѣ. . . . . » 2 » — »
Полонскій Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ » 1 » 50 »
Луи Бланъ. Исторія французской революціи 1848 г. » 3 » — »
Сувировъ Н. Безработица и страхованіе отъ ея послѣдствій въ Западной Европѣ . . . . . » — » 75 »
Леруа М. Эволюція Государств. власти (Синдикаты чиновниковъ) . . . . . » — » 70 »
Поль Луи. Рабочій и Государство . . . . . » 1 » 50 »
Шингаревъ, А. Вымирающая деревня. Изд. 2-е. . . » 1 » — »
Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. къ Зорге и др. » 2 » — »
Лоу С. Государственный строй Англіи. . . . . » 1 » 50 »

Печатаются.

Зелигманъ. Основанія политической экономіи.
Іпрингеръ Борьба національностей въ Австріи.
ѕскюръ Ж. Общіе и период. промышл. кризисы.
Ѧльборнъ О „свободныхъ“ профес. рабоч. союзахъ.

Рус. ист. Писарева, А

А. Писарева.

Краткій курс

КРАТКІЙ КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Часть I—до XIX вѣка.

HOOVER LIBRARY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1908.

DK 41
P5
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи краткаго курса Русской исторіи я имѣла въ виду главнымъ образомъ взрослыхъ учащихся въ различныхъ вечернихъ классахъ. Часто такимъ учащимся удается прослушать лишь какую-нибудь часть всего курса Русской исторіи, а между тѣмъ у нихъ является совершенно понятный интересъ получить свѣдѣнія по всему курсу. Наши краткіе гимназическіе учебники даютъ почти исключительно фактическую исторію, о самой же интересной сторонѣ—внутренней жизни русскаго народа—говорятъ лишь вскользь и часто въ совершенно превратномъ толкованіи. Прочесть же, что нибудь болѣе подробное и основательное учащіеся вечернихъ классовъ не имѣютъ возможности по вполнѣ понятной причинѣ: они удѣляютъ своему образованію лишь самую незначительную часть времени, большую часть котораго принуждены отдавать тому или иному труду.

Въ своемъ курсѣ я старалась дать внутреннюю исторію русскаго народа т. е. представить въ самомъ краткомъ, сжатомъ видѣ ходъ экономическаго и умствен-

наго развитія народа и вызванныхъ имъ правительственныхъ реформъ. Вслѣдствіе этого курсъ совершенно не удовлетворитъ тѣхъ, кто разсчитывалъ бы въ немъ найти живые занимательные разсказы изъ Русской исторіи.

Выпуская въ настоящее время часть I своего курса до XIX вѣка, я разсчитываю въ самомъ непродолжительномъ времени представить читателямъ и II часть: XIX вѣкъ.

А. Писарева.

ВВЕДЕНІЕ.

Русское государство занимаетъ въ настоящее время огромное пространство, очень разнообразное по своему виду. Въ срединѣ русской равнины—поля, кое-гдѣ смѣняющіяся небольшими лѣсами, на сѣверѣ—дремучіе лѣса, богатые дичью и пушнымъ звѣремъ, на югѣ—необозримыя степи, весной покрытыя густой травой, усыпанной цвѣтами, а лѣтомъ унылые, выжженные солнцемъ пустыри; еще южнѣе, ближе къ морямъ Черному и Каспійскому, солончаки, т. е. пустыри, покрытые солью; есть и высокія горы по окраинамъ русской равнины: на югѣ—Крымскія и Кавказскія, на востокѣ—Уральскія; а за Ураломъ тянется еще обширная и тоже разнообразная по своей природѣ Сибирь.

Большія пространства Россіи легко переѣзжать по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ: почти всѣ губернскіе города соединены другъ съ другомъ удобными путями сообщенія; мало осталось теперь и такихъ захолустныхъ уѣздныхъ городковъ, куда не каждый день приходитъ почта, привозя газету съ извѣстіями о томъ, что дѣлается во всѣхъ концахъ Россіи; многія даже деревни стоятъ вблизи желѣзныхъ дорогъ или пароходныхъ пристаней. Люди быстро переѣзжаютъ изъ одного

мѣста въ другое, везутъ товары, какъ продукты земледѣлія, такъ и промышленныя произведенія фабрикъ и заводовъ. Всего этого нельзя было сказать о русской жизни полстолѣтіе тому назадъ. И чѣмъ дальше отъ насъ время, тѣмъ меньше было у русскихъ людей удобствъ жизни, которыя составляютъ культуру народа. Чѣмъ больше люди сообщаются другъ съ другомъ, чѣмъ чаще попадаютъ они въ разнообразныя условія жизни, тѣмъ быстрѣе развивается ихъ культура. Самымъ же сильнымъ толчкомъ къ ея развитію служитъ знакомство людей съ болѣе образованнымъ народомъ. Знакомство это заключается въ обмѣнѣ товаровъ, при чемъ менѣе культурный народъ вымѣниваетъ на свои неотдѣланные сырые продукты промышленныя издѣлія болѣе образованной страны. Такимъ образомъ, потребности народа растутъ и заставляютъ его перенимать производство болѣе культурной страны. Безъ всякой культуры не живетъ ни одинъ народъ, ни одинъ человѣкъ въ мірѣ. У самыхъ дикихъ людей все же найдутся кое-какія удобства жизни: есть лукъ для охоты за звѣремъ, есть жилье, сдѣланное руками человѣка, есть и кое-какая посуда. Но и культурные народы разнятся между собою по степени культурности, т. е. по количеству тѣхъ удобствъ, которыми они обставляютъ свою жизнь. Объ этой степени культурности правильнѣе всего судить по тому, какими удобствами пользуется большинство населенія страны, а не по тому, что существуетъ для самыхъ богатыхъ. Такъ, напримѣръ, русскіе богатые люди пользуются такими же удобствами жизни, какъ нѣмцы или англичане, тогда какъ существуетъ громадная разница между жизненными удобствами большинства населенія Россіи и хотя бы Англіи. Но мы не будемъ раз-

сматривать причины отсталости русской культуры по сравненію съ другими европейскими государствами. Намъ интересно прослѣдить, какъ и отъ какихъ причинъ развилась въ Россіи та культура, которую мы видимъ въ настоящее время. Какъ боролись за нее различные слои народа? Почему одни достигали быстрѣе своей цѣли, а другіе медленнѣе? Почему одни были всегда въ выигрышѣ, а другіе, наоборотъ, въ проигрышѣ?

I. Кіевская Русь.

Древнѣйшій бытъ славянъ.

Тысячу лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Россія, не только не было ничего похожаго на современную культуру, но даже сама природа была совершенно иной, и въ теченіе многихъ лѣтъ измѣнялась подъ вліяніемъ человѣка. Современная русская равнина лѣтъ тысячу тому назадъ рѣзко дѣлилась на двѣ половины: сѣверную лѣсную, и южную степную. Граница между этими неравными половинами проходила по нынѣшнимъ губерніямъ: Кіевской, Харьковской, Воронежской, Тамбовской и дальше за Волгу—Саратовской. Въ сѣверной же части теперешней Кіевской губерніи и во всѣхъ губерніяхъ нынѣшней средней полосы, гдѣ лишь изрѣдка попадаются небольшіе лѣса,—въ старыя времена—въ VII, VIII вѣкахъ, были настоящіе дремучіе лѣса, гдѣ не было ни проѣзда, ни прохода, вѣковые лѣса, какіе рѣдки теперь даже въ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ Вологодской, Вятской и Костромской. Въ этихъ дикихъ мѣстахъ ютились не менѣе дикіе люди финскаго племени. Изъ нихъ до

сихъ поръ уцѣлѣли (но конечно измѣнились) лишь немногіе народцы: зыряне въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ и мордва по Волгѣ. А по южной степи рыскали лихіе наѣздники—кочевники [1]) монгольскаго племени, которые большими ордами приходили изъ Азіи и пробирались въ степи Западной Европы, а по дорогѣ останавливались въ степяхъ теперешней южно-русской равнины. Многіе изъ этихъ кочевниковъ исчезли теперь безслѣдно, и только татары, появившіеся всѣхъ позднѣе, существуютъ до сихъ поръ, но ведутъ вполнѣ осѣдлый и культурный образъ жизни.

А гдѣ же въ тѣ времена были наши предки?— т. е. тѣ племена, отъ которыхъ произошли русскіе? Русскіе считаются по своему происхожденію славянскаго племени, хотя чистой славянской крови не осталось, такъ какъ славянское племя смѣшалось съ другими племенами. Кромѣ русскихъ есть еще народы славянскаго племени, напримѣръ: поляки, сербы, болгары. Племенное родство легче всего замѣтить по сходству языка. Такъ русскимъ кажется, что поляки говорятъ русскимъ испорченнымъ языкомъ, а полякамъ,—что русскіе портятъ польскія слова. На самомъ же дѣлѣ и тѣ и другіе испортили свой первоначальный языкъ. Тотъ языкъ, которымъ говорили когда-то всѣ славяне, сохранился и до сихъ поръ, это церковно-славянскій. У всѣхъ народовъ языкъ съ теченіемъ времени измѣняется, вслѣдствіе того, что при-

---

[1]) Кочевниками называются такіе народы, которые не живутъ осѣдло на одномъ мѣстѣ, не строятъ городовъ или деревень, раскладываютъ лишь походные шалаши вмѣсто домовъ, не распахиваютъ полей, перемѣняютъ мѣсто, когда скотъ—главный ихъ источникъ дохода—объѣстъ всю траву кругомъ. И теперь въ Россіи есть кочевой народъ, это цыгане.

бавляются новыя понятія по мѣрѣ развитія культуры, кромѣ того заимствуются иностранныя слова. У нашихъ же предковъ языкъ сильно измѣнился еще и вслѣдствіе смѣшенія съ чужими племенами.

Наши предки, древніе славяне, жили въ VI и VII вѣкахъ около Карпатскихъ горъ, которыя въ настоящее время отдѣляютъ Россію отъ Венгріи. Съ Карпатъ славянскія племена мало-по-малу стали разселяться въ разныя стороны. Тѣ славяне, которые стали потомъ называться русскими, подвигались все на востокъ, къ рѣкамъ Бугу и Припяти.

Въ это время славяне были совершенно дикими. Ни о какомъ государственномъ устройствѣ у нихъ и помину не было. Жили отдѣльно большими семьями-родами. Всѣ родичи безпрекословно должны были подчиняться старшему въ родѣ, который разбиралъ всѣ распри между родичами и пользовался неограниченною властью надъ ними. Имущество принадлежало всему роду и весь родъ пользовался имъ, но распорядителемъ пользованія имъ былъ родовой старшина. Каждый родъ прокладывалъ себѣ дорогу въ лѣсу, устраивалъ жилье изъ вѣтвей и бревенъ и добывалъ себѣ пищу охотой, рыбной ловлей и пчеловодствомъ. Главной пищей древнихъ славянъ было сначала сырое, а позднѣе поджаренное на кострѣ или сваренное мясо; главнымъ напиткомъ былъ медъ, въ который славяне издавна научились подмѣшивать хмѣль. Одежду тоже доставляла охота, такъ какъ лучшей защитой отъ холода были звѣриныя шкуры. Каждый родъ отъ другого рода оберегался, какъ отъ врага, да и не мудрено: въ тѣ дикія времена каждый заботился лишь о добычѣ себѣ пищи и не останавливался ни передъ какими средствами; добывать пищу было трудно, удачная

охота зависѣла не столько отъ личной ловкости, сколько отъ случая. Опредѣленнаго заработка, дохода у дикаго человѣка не было, всякій могъ вырвать у него кусокъ. Помогали люди въ добычѣ всего необходимаго только своимъ кровнымъ родственникамъ, потому что каждая добыча была общей, и только ихъ защищали отъ обиды и насилія со стороны чужихъ. Родъ даже считалъ себя обязаннымъ мстить за убійство родственника убійствомъ же убійцѣ, и даже всему его роду. Случалось, что эта родовая месть длилась безъ конца и переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, такъ какъ родъ убійцы мстилъ роду убитаго, если изъ того рода удавалось убить убійцу и такъ далѣе. По мѣрѣ того, какъ славяне продвигались ближе къ степямъ, имъ приходилоось все больше и больше терпѣть отъ кочевниковъ, которые нападали на нихъ и грабили. Отдѣльнымъ родамъ трудно было обороняться отъ лихихъ наѣздниковъ, и приходилось забывать ссоры другъ съ другомъ, чтобы соединенными силами отражать общаго врага. Роды стали соединяться въ общины. Въ битвахъ съ кочевниками понадобился и одинъ общій предводитель, военный вождь. Общины стали выбирать военнаго вождя изъ родовыхъ старшинъ. Такъ появились у славянъ князья. Власть князя въ это время, въ VIII вѣкѣ, была временная, только для войны, выборная и только военная. Распорядокъ внутри каждаго рода оставался попрежнему въ рукахъ родового старшины. Въ каждомъ родѣ имущество было общее—родовое, а потому имущественнаго неравенства между отдѣльными людьми, отдѣльными членами рода, не могло быть. Зато нельзя сказать, чтобы каждый родъ былъ совершенно равенъ другому по имуществу. Въ одномъ родѣ могло случиться больше взрослыхъ работниковъ,

могла лучше посчастливиться охота, наконецъ, онъ могъ поселиться на болѣе выгодномъ мѣстѣ, у него накапливалось больше звѣриныхъ шкуръ, меду, воску. Но сбывать излишекъ было некуда, а потому и особеннаго богатства не могло быть. Разница между родами была, но разница не большая: одинъ родъ жилъ лишь въ большемъ довольствѣ, чѣмъ другой, одному приходилось иногда и поголодать при неудачѣ, а у другого былъ запасъ на черный день,—вотъ и все.

Начало государственной власти.

Продвигаясь на востокъ, славяне находили болѣе разнообразную природу, которая учила ихъ увеличивать свои средства существованія, свой трудъ. Такъ, натыкаясь на луговыя пространства, они замѣчали, что выгодно разводить скотъ, который они похищали и раньше у кочевниковъ. Но похищать не всегда было возможно, и славяне стали входить съ кочевниками въ мирныя сношенія: на шкуры дикихъ звѣрей вымѣнивать у нихъ коровъ и лошадей. Селясь тѣснѣе нѣсколькими родами вмѣстѣ, славяне стали выжигать участки лѣса и сѣять на подсѣкѣ хлѣбъ и ленъ. Изъ льна научились прясть, ткать холстъ и дѣлать себѣ одежду. Но какъ бы много ни добыли славяне, сбывать все-таки было некуда: всѣ вокругъ занимались тѣмъ же самымъ, имѣли тѣ же продукты. Когда славяне добрались до рѣки Днѣпра, имъ случилось увидать кое-что новое, до тѣхъ поръ невиданное. По Днѣпру въ большихъ ладьяхъ ѣхали невѣдомые имъ люди, одѣтые въ рубашки изъ желѣзныхъ колечекъ, въ желѣзныхъ шапкахъ, вооруженные ножами. Въ лодкахъ они везли знакомые славянамъ товары: звѣ-

риныя шкуры, медъ, воскъ — это когда они ѣхали внизъ по Днѣпру, съ сѣвера на югъ, а когда возвращались, то товары были совсѣмъ иные: невиданныя до тѣхъ поръ славянами шелковыя ткани, матеріи, затканныя золотомъ и серебромъ (какъ теперь ризы священниковъ), металлическая посуда, разное оружіе. Эти незнакомые люди объяснили славянамъ, что они родомъ изъ-за моря, съ сѣвера и называютъ себя норманнами, ѣздятъ они по нѣсколькимъ рѣкамъ въ Черное море, въ Византію [1]), чтобы вымѣнивать тамъ свои сырые продукты на византійскія промышленныя произведенія. Жаловались норманны на то, что опасно имъ ѣздить по Днѣпру, особенно когда на порогахъ приходится тащить лодки волокомъ, тутъ нападаютъ на нихъ кочевники и грабятъ ихъ товары. Славяне могли быть полезными норманнамъ, такъ какъ лучше ихъ знали мѣстность и легче могли подстеречь кочевниковъ. Славянамъ же хотѣлось вымѣнять у норманновъ заморскіе византійскіе товары. Но какой же смыслъ норманнамъ было торговать съ славянами? Что могли дать славяне норманнамъ въ обмѣнъ на византійскіе товары? Звѣриныя шкуры, медъ, воскъ—тѣ сырые продукты, которыхъ у самихъ норманновъ было вдоволь? И вотъ, чтобы и тѣмъ и другимъ было выгодно, норманны и славяне стали соединяться большими компаніями и возить свои товары въ Византію для обмѣна на византійскіе товары. Византія была страною вполнѣ культурною, и торговыя сношенія съ нею заставили быстрѣе развиваться славянскую культуру. До тѣхъ поръ славяне одѣвались въ домотканные холщевые штаны и рубашки, отъ холода укрывались

---

[1]) Византія—современная Греція.

невыдѣланными шкурами, посуду дѣлали грубую деревянную да глиняную, жилища строили дымныя, неудобныя, темныя, съ крохотными отверстіями вмѣсто оконъ. Славяне навезли изъ Византіи разной одежды, посуды, инструментовъ, научились многому у болѣе культурнаго народа и стали перенимать у него разныя удобства. Кромѣ того, какъ только явился у нихъ сбытъ на свои сырые продукты, они стали усерднѣе работать, придумывать лучшіе способы, какъ добыть побольше продуктовъ, чтобы больше получить за нихъ византійскихъ товаровъ. Итакъ, знакомство славянъ съ норманнами послужило толчкомъ къ развитію славянской культуры подъ вліяніемъ торговли съ Византіей.

Посмотримъ теперь, какое еще послѣдствіе имѣло сближеніе славянъ съ норманнами?

Мы уже говорили, что норманны были хорошо вооружены и защищены своими кольчугами отъ вражескихъ стрѣлъ, а за славянами только то преимущество и было, что они хорошо знали днѣпровскіе пороги да привыкли ко всѣмъ повадкамъ кочевниковъ и потому могли быть путеводителями норманнъ. Норманны конечно всегда начальствовали въ стычкахъ съ кочевниками, а славяне подчинялись ихъ вождю, котораго норманны называли конунгомъ, а славяне переиначили по-своему— княземъ. Эти норманнскіе князья не вмѣшивались во внутреннюю жизнь славянскихъ общинъ, а были только военачальниками, т. е. такими же князьями, какъ и славянскіе князья. Случалось иногда, что норманнскія военно-торговыя дружины зазимовывали гдѣ-нибудь въ лѣсахъ теперешней русской равнины, жили вмѣстѣ съ славянскими общинами, и тогда славяне обращались къ князьямъ за разборомъ ихъ ссоръ между родами, потому

что ихъ тяготилъ при болѣе развившейся культурѣ обычай родовой мести, наносившій большой вредъ ихъ уже болѣе устойчивому хозяйству. Они рады были не мстить, а поладить какъ нибудь миромъ, взявъ, напримѣръ, выкупъ за убитаго. Посредникомъ для такого улаживанья ссоръ они и выбирали князя. Кромѣ того, съ развитіемъ торговли съ Византіей родовая связь у славянъ ослабѣвала, потому что явился личный заработокъ, который давалъ больше самостоятельности каждому отдѣльному члену рода. Съ ослабленіемъ власти родового старшины понадобилась какая-нибудь другая власть, которая разбирала бы ссоры и внутри рода. Такой властью стала княжеская власть. Итакъ, первыми князьями, вмѣшивающимися во внутренній порядокъ славянскихъ общинъ, явились князья норманны. Вмѣстѣ съ вмѣшательствомъ во внутренній порядокъ общинъ власть княжеская стала постоянною. У славянъ сложилось преданіе о своихъ первыхъ постоянныхъ князьяхъ. Въ этомъ преданіи первыхъ князей называютъ Рюрика, Синеуса и Трувора, которыхъ будто-бы славянскія общины призвали изъ-за моря, чтобъ прекратить раздоры между своими родами. Норманновъ славяне называли варягами [1]), Балтійское море, изъ-за котораго приходили норманны—Варяжскимъ. Такъ и въ исторіи сохранились эти названія: варяги, варяжскіе князья. Преданіе говоритъ еще, что первые князья были изъ варяжскаго племени „русь", оттого и славяне, подпавшіе подъ ихъ власть, стали называться русскими. На самомъ же дѣлѣ никакого племени „русь" у норманновъ не было, а русью ихъ назы-

---

[1]) Это названіе славяне впервые услыхали въ Византіи и перенесли его.

вали финскія племена, жившія у Балтійскаго моря и видавшія норманнскихъ купцовъ, ѣхавшихъ мимо нихъ.

Рюрика считаютъ родоначальникомъ всѣхъ слѣдующихъ князей и царей до Бориса Годунова. Преданіе говоритъ, что Рюрикъ поселился въ Новгородѣ въ 862 году. Не подумайте, что это былъ уже настоящій городъ вродѣ теперешнихъ городовъ. Дѣло въ томъ, что славяне, соединяясь въ общины, стали жить въ поселкахъ, деревняхъ. Тамъ у нихъ хранились и товары, привезенные изъ Византіи. За этимъ добромъ часто охотились или кочевники, или свои же славяне изъ чужихъ общинъ. Чтобы сколько нибудь защитить себя отъ разбоя, славяне стали окапывать свои поселки валомъ, огораживать, и такую огороженную деревню стали называть городомъ. Города увеличивались, потому что всякому хотѣлось укрыться въ болѣе безопасное мѣсто. Въ городѣ скапливалось больше всего товаровъ, въ городѣ же и жилъ князь съ своей военной дружиной, чтобы охранять свое богатство и добро своихъ подданныхъ.

Итакъ, главной обязанностью и главной заботой князей въ IX, X вѣкахъ была военно-торговая защита, какъ дома хранящихся товаровъ, такъ и во время путешествій съ товарами въ Византію. Такова была, напримѣръ, дѣятельность Олега, княжившаго послѣ Рюрика, но уже не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ. Олегъ не только охранялъ купцовъ на пути ихъ въ Византію и заключалъ торговые договоры съ византійскимъ императоромъ, по которымъ русскіе купцы могли безпрепятственно торговать съ Византіей, но и воевалъ съ византійцами опять же изъ-за торговыхъ выгодъ. Одинъ походъ его окон-

чился очень удачно, и въ народныхъ пѣсняхъ сохранилась о немъ память, какъ о храбромъ и могучемъ воинѣ-князѣ, который не только въ страхѣ держалъ кочевниковъ-хозаръ, но даже былъ силенъ въ глазахъ византійцевъ.

Каждый князь былъ первый воинъ и первый самый богатый купецъ. Потомъ шли его ближайшіе помощники, его дружинники. Князь въ удачныхъ войнахъ всегда получалъ лучшій кусокъ, остальное дѣлилъ между дружиной. Кромѣ того, у князя были и другіе доходы— дань съ покоренныхъ племенъ и дань съ своихъ подданныхъ, которыхъ онъ охранялъ отъ враговъ, которыхъ судилъ и у которыхъ водворялъ внутренній порядокъ. Князь собиралъ дань двумя способами: уговаривались такъ, что данники сами привозили князю опредѣленное количество шкуръ, хлѣба, меду, воску, холста—это называлось повозомъ; или князь самъ съ своими дружинниками ходилъ по городамъ и деревнямъ и собиралъ разные продукты—это называлось полюдьемъ. Повозъ данники больше любили: тутъ ужъ что привезешь по уговору, тѣмъ князь и доволенъ. А полюдье было разорительнѣе: бывали такіе князья, что собираютъ, собираютъ, все имъ мало. Правда, и славяне были не очень-то смирны: если черезчуръ князь зарвется въ своихъ поборахъ, такъ они съ нимъ круто расправятся. Такъ случилось съ княземъ Игоремъ, сыномъ Рюрика. Онъ княжилъ послѣ дяди своего Олега, много воевалъ съ кочевниками, много покорилъ себѣ и славянскихъ племенъ. Покорилъ онъ племя древлянъ и пошелъ къ нимъ за полюдьемъ. Набралъ много всякаго добра, дружинники уже стали его останавливать: „довольно, князь", а онъ все не можетъ успокоиться и отвѣчаетъ имъ: „похожу

еще". Разсердились древляне, схватили Игоря, пригнули верхушки двухъ деревьевъ, привязали князя къ каждой за ногу и отпустили. Игоря разорвало на-двое. Не смирнѣе древлянъ оказалась жена Игоря Ольга. Узнавъ о расправѣ съ мужемъ, она задумала отомстить древлянамъ, но не силою, а какъ женщина—хитростью. Она послала древлянамъ сказать, что не сердится за убійство мужа, а требуетъ лишь небольшой дани: по голубю, да по воробью изъ-подъ крыши каждаго дома города древлянъ Коростеня. Ей послали эту дань, и она велѣла къ ногамъ птицъ привязать просмоленой пакли и поджечь. Птицы полетѣли въ свои старыя гнѣзда подъ крыши и зажгли весь городъ, жители побѣжали, а Ольга приказала дружинѣ избивать ихъ.

Умственная жизнь древнихъ славянъ.

Подобная жестокость съ покоренными племенами бывала не рѣдко. Да и откуда было взяться болѣе человѣчнымъ, болѣе мягкимъ отношеніямъ у славянъ того времени? Они были еще совершенно грубыми дикарями и совершенно невѣжественными. Славяне считали месть своей священной обязанностью. Мы говорили уже, что обычай родовой мести убійствомъ сталъ постепенно исчезать и замѣняться выкупомъ, но все же близкій родственникъ смотрѣлъ, что онъ долженъ отомстить, потому что этого требуетъ вѣра, а вѣрили славяне въ души умершихъ предковъ, почитали ихъ, молились имъ и приносили жертвы. Они думали, что если не мстить за убійство предка, то онъ накажетъ родственниковъ, какъ и при жизни. У всѣхъ дикихъ народовъ находятъ это почитаніе предковъ и вѣру въ то, что умершіе

продолжаютъ вмѣшиваться въ жизнь своихъ родственниковъ. Откуда же является эта вѣра? Необразованный человѣкъ никакъ не можетъ понять, что такое смерть. Какъ такъ—былъ человѣкъ, жилъ, двигался, повелѣвалъ, всѣ его боялись, слушались, и вдругъ сталъ недвижимъ, и можно съ нимъ дѣлать, что угодно. Люди думали, что духъ отлетаетъ отъ тѣла и живетъ отдѣльно, и—когда слышали какой нибудь неопытный звукъ въ домѣ—думали, что это духъ умершаго родового старшины продолжаетъ наблюдать за своимъ домомъ и чѣмъ нибудь недоволенъ. Они боялись, что онъ можетъ нанести имъ какое нибудь зло, если онъ сердится на живыхъ родичей, и, наоборотъ, можетъ помочь имъ, если ими доволенъ. Чтобы умилостивать умершаго, родственники старались похоронить его, какъ можно лучше: положить въ могилу все нужное при жизни, устроить богатыя поминки, а потомъ приносить на его могилу пищу и жечь въ его память неугасимый огонь у себя въ домѣ. Славяне хоронили своихъ умершихъ такъ: покойника сжигали на кострѣ, кости его складывали въ большую глиняную миску, туда же складывали оружіе, украшенія, зарывали миску въ землю съ молитвами жрецовъ (священниковъ), пѣніемъ и громкими причитаніями и насыпали высокій бугоръ, который называли курганомъ. На похоронахъ славяне много ѣли и страшно перепивались. Эти поминки назывались тризной. Это почитаніе душъ умершихъ до сихъ поръ сохранилось въ вѣрѣ въ домовыхъ, лѣшихъ, русалокъ. Кромѣ почитанія предковъ славяне вѣрили и молились еще разнымъ силамъ природы. Они не могли объяснить, что такое солнце, а между тѣмъ видѣли, что безъ него не можетъ жить ни одно животное, ни одно растеніе, и солнце они считали

сильнымъ богомъ, дающимъ жизнь, и значитъ добрымъ. Солнце они называли Даждьбогомъ. Не понимали также славяне грома и молніи, но боялись ихъ и считали ихъ гнѣвающимися, наказывающими богами. Бога грома и молніи они называли Перуномъ [1]). Славяне дѣлали деревянныя изображенія своихъ боговъ, поклонялись имъ и приносили имъ жертвы, даже человѣческія жертвы, чаще всего плѣнниковъ. По своимъ грубымъ понятіямъ славяне не могли себѣ представить бога кроткимъ и прощающимъ, какимъ христіане представляютъ Іисуса Христа, а непремѣнно грознымъ, кровожаднымъ, мстительнымъ, какими они были сами въ то время. Такая вѣра въ силы природы, въ души предковъ, называется языческою.

Итакъ у славянъ не было правильныхъ представленій о природѣ, не было вообще никакихъ научныхъ свѣдѣній, не было даже грамоты. Когда Олегу, напримѣръ, приходилось заключать торговые договоры съ Византіей, онъ не могъ подписать ихъ, а ставилъ знакъ, который долженъ былъ означать его подпись, какъ теперь безграмотные ставятъ крестъ вмѣсто имени. Не было грамоты, значитъ не было и литературы, но поэтическое творчество устное существовало съ самыхъ древнихъ временъ. Всего древнѣе пѣсни-причитанія, которыя пѣлись на похоронахъ и на свадьбахъ. Позднѣе у славянъ появляются былины, т. е. пѣсни про славныхъ воиновъ, одаренныхъ непомѣрной силой и храбростью. Въ былинахъ разсказывается о такихъ подвигахъ богатырей, которыхъ никогда не могло быть, но въ нихъ всегда можно найти намекъ

---

[1]) Эта вѣра и до сихъ поръ еще держится въ простомъ народѣ: вѣдь говорятъ, что—когда громъ гремитъ—это Илья пророкъ катается на колесницѣ.

на историческую быль. Иногда въ былинахъ изображаются тѣ лица, которыя были на самомъ дѣлѣ, напримѣръ, князья какіе-нибудь, но очень часто спутывается время, въ которое жили эти лица, ошибки бываютъ лѣтъ на сто. Изображаются также и событія, происходившія на самомъ дѣлѣ, напримѣръ, войны съ кочевниками, но быль сильно прикрашивается вымысломъ. Въ нѣкоторыхъ былинахъ изображаются очень ярко какія-нибудь особенно выдающіяся черты изъ жизни того или иного города. Любимыми былинами славянъ и надолго остававшимися въ памяти были особенно былины объ Ильѣ Муромцѣ, о Садкѣ богатомъ гостѣ [1]), о Соловьѣ-разбойникѣ. Былины сочинялись неизвѣстными поэтами, именъ которыхъ никто не зналъ, былины разсказывались на распѣвъ, особыми „сказителями" подъ звуки гуслей. Ни одинъ пиръ у славянъ не обходился безъ сказителей, какъ не обходился также безъ скомороховъ (шутовъ).

Въ X вѣкѣ къ славянамъ стало проникать изъ Византіи христіанство. Многіе купцы, съѣздивъ въ Византію, принимали тамъ крещеніе и возвращались домой христіанами. Имъ нравилась роскошь византійскихъ храмовъ, стройность богослуженія, иные, конечно, смотрѣли и глубже: ихъ привлекало ученіе о любви къ ближнему, о прощеніи, о наградѣ въ будущей жизни за страданіе въ настоящей. Такіе христіане были крѣпки въ своей вѣрѣ и считали долгомъ ее распространять. Но язычники ихъ преслѣдовали и нѣкоторые христіане мученически погибли, отстаивая свои убѣжденія. Наконецъ, христіанство стало проникать и въ княжескія семьи. Княгиня Ольга, та самая, которая такъ безчеловѣчно

---

[1]) Гостемъ славяне называли купца.

сожгла Коростень, приняла христіанство и побуждала къ тому же своего сына Святослава. Но Святославу было не до духовныхъ дѣлъ: онъ всю жизнь свою проводилъ въ военныхъ походахъ, а во время передышекъ устраивалъ такіе пиры и попойки, что надолго сохранилъ о себѣ память, какъ о храбромъ и веселомъ князѣ. Сынъ Святослава Владиміръ, обладавшій такимъ же характеромъ, какъ и отецъ, все же принялъ христіанство, такъ какъ на него вліялъ примѣръ купцовъ и дружинниковъ, среди которыхъ было уже много христіанъ. Кромѣ того и въ Византіи его очень убѣждали принять христіанство, самъ императоръ вызвался быть его крестнымъ отцомъ. Владиміръ рѣшилъ креститься самъ и крестить всю ему подвластную Русь. Въ 988 году въ Кіевѣ силой сгоняли народъ въ рѣку и крестили тамъ, а потомъ давали серебряные крестики и новую одежду. Съ идолами — языческими изображеніями—поступали самымъ грубымъ образомъ, не думая о томъ, что многимъ они были дороги, какъ святыни. Идоловъ разбивали, привязывали къ лошадиным хвостамъ и стаскивали въ рѣку. Въ другихъ болѣе отдаленныхъ городахъ и деревняхъ съ обращеніемъ въ новую вѣру пришлось очень трудно справляться. Въ Новгородѣ, напримѣръ, славяне оказали вооруженное сопротивленіе. Но князь былъ сильнѣе, войско—дружина—было на его сторонѣ и онъ могъ силою заставить креститься мирныхъ земледѣльцевъ, торговцевъ или ремесленниковъ. Князь-христіанинъ преслѣдовалъ язычниковъ не менѣе жестоко, чѣмъ прежніе князья-язычники преслѣдовали христіанъ. Вновь обращенные христіане оставались въ душѣ язычниками. Они только перемѣнили имя бога, и Бога христіанскаго надѣляли тѣми же свойствами, что раньше Перуна и Даждьбога, на святыхъ

смотрѣли такъ же, какъ раньше на разныхъ мелкихъ боговъ, покровителей скота, жатвы. Такъ явился обычай молиться Георгію-Побѣдоносцу передъ выгономъ скота въ поле. Затѣмъ сохранились до сихъ поръ различныя гаданья и игры, которыя остались отъ языческаго богослуженія [1]). Трудно, конечно, было славянамъ принять и ученіе любви къ ближнему.

Владиміръ ознаменовалъ принятіе христіанства прежде всего постройкою храмовъ, которые ему такъ нравились въ Византіи. Онъ пригласилъ изъ Византіи архитекторовъ, иконописцевъ и другихъ мастеровъ, которые и украсили Кіевъ, самый богатый тогда изъ всѣхъ городовъ. Владиміръ привезъ съ собой изъ Византіи и духовенство, но такъ какъ ихъ языка славяне не понимали, то для обученія новой вѣрѣ Владиміръ пригласилъ болгарскихъ священникокъ. Болгары-славяне, и потому ихъ языкъ русскіе могли понимать. Эти священники стали обучать русскихъ мальчиковъ своей грамотѣ, чтобы приготовить изъ нихъ священнослужителей. Болгары привезли съ собой и церковныя книги. Грамотные понадобились для переписки этихъ книгъ, чтобы можно было всѣ церкви снабдить богослужебными книгами. Въ Кіевѣ было устроено для этой цѣли училище. Начали распространяться школы и по другимъ городамъ.

Съ введеніемъ христіанства начали появляться на Руси монастыри. Наши древніе монастыри совершенно не походили на нынѣшніе. Тамъ не могло быть сытыхъ, толстыхъ монаховъ, которые идутъ въ монастырь, чтобы

---

[1]) Напримѣръ, святочныя гаданья очень напоминаютъ богослуженіе въ честь Даждьбога, когда солнце поворачивало на весну.

не работать. Наши первые монастыри были основаны людьми сильно вѣрующими въ спасеніе души удаленіемъ отъ міра, искреннимъ постомъ и размышленіемъ о Богѣ. Изъ такихъ монаховъ бывали люди грамотные, они посвящали себя перепискѣ церковныхъ книгъ. Нѣкоторые стали записывать важнѣйшія, по ихъ мнѣнію, событія въ русской землѣ: походъ князя на кочевниковъ, смерть князя, нашествіе враговъ, построеніе новаго монастыря, голодъ, повальныя болѣзни. Наряду съ такими событіями, имѣющими значеніе общее для всѣхъ русскихъ славянъ, монахи часто записывали и событія, касающіяся личной семейной жизни князя: рожденія у него дѣтей, женитьбы сыновей князя и тому подобное. Этотъ интересъ монаховъ къ княжеской жизни объяснялся тѣмъ, что русская церковь была основана княжескою властью, монастырямъ также князья всегда покровительствовали, понятно, что и монахи чувствовали свою непосредственную зависимость отъ князя. Когда монахъ, записывавшій событія, умиралъ, его работу продолжалъ другой, и такимъ образомъ эта запись не прерывалась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Такая запись событій называется лѣтописью. Лѣтопись у насъ начинается съ XI вѣка и ведется въ нѣсколькихъ монастыряхъ. Извѣстны лѣтописи кіевская и новгородская.

Хозяйственный и политическій строй Кіевской Руси.

Мы видимъ, что при Владимірѣ, въ концѣ X и началѣ XI вѣка Русь уже достигла довольно высокаго культурнаго развитія, сравнительно съ тѣмъ, что было у славянъ, когда они жили еще въ карпатскихъ глухихъ лѣсахъ. Умственное развитіе могло подвигаться впередъ,

разумѣется, лишь при большемъ развитіи хозяйственной жизни Къ X вѣку у славянъ расширилась какъ внутренняя, такъ и внѣшняя торговля. Торговали большею частью на ярмаркахъ, которыя устраивались въ городахъ, большихъ селахъ или около монастырей и пріурочивались большею частью къ праздникамъ, раньше языческимъ, съ принятіемъ христіанства — къ православнымъ. Предметомъ внутренней торговли съ самыхъ древнихъ временъ была главнымъ образомъ соль, которой въ однихъ мѣстахъ русской равнины было изобиліе, въ другихъ же совсѣмъ не было. Затѣмъ позднѣе стали продавать разныя ремесленныя издѣлія: одежду, домашнюю утварь. Внутренняя торговля вызывалась лишь насущной необходимостью и — вслѣдствіе однообразія и незатѣйливости товаровъ — не могла обогатить торговцевъ. Другое дѣло — внѣшняя торговля. Мы говорили уже, что Русь очень оживленно торговала съ Византіей и сами князья были очень заинтересованы въ этомъ. Кромѣ мѣха и воска главнымъ предметомъ вывоза изъ Руси были рабы, или „челядь", какъ называли славяне. Откуда же брались эти рабы? А вотъ откуда: славяне воевали съ кочевниками и даже другъ съ другомъ, а въ войнѣ всегда бываютъ плѣнники. Въ самыя древнія времена плѣнниковъ просто убивали, приносили въ жертву богамъ. Но по мѣрѣ развитія хозяйственной жизни придумали извлекать изъ нихъ выгоду. Плѣнниковъ стали дѣлить между собою князь и дружинники и обращать ихъ въ рабовъ или холоповъ. Было еще и другое происхожденіе холоповъ: бывало, что почему-нибудь человѣкъ выбивался изъ колеи, должалъ и отдавался кому-нибудь въ кабалу. Какъ плѣнникъ, такъ и кабальный холопъ могли выкупиться на свободу, но пока не

выкупился, хозяева дѣлали съ нимъ что угодно: однихъ заставляли на себя работать, а другихъ продавали на чужую сторону. Изъ Византіи же славяне получали предметы роскоши. Кромѣ Византіи, Русь вела торговлю и съ городами Западной Европы. Южные города получали изъ Галиціи серебро, а сѣверные—Новгородъ и Псковъ—отъ нѣмцевъ разныя промышленныя произведенія. Съ городами Западной Европы, какъ и съ Византіей, Русь заключала торговые договоры, и князьямъ приходилось улаживать ссоры между русскими и иностранными купцами. Съ распространеніемъ торговли вошли въ обычай и деньги, такъ какъ неудобно было купить большое количество товаровъ, мѣняя ихъ на товары же. Деньги эти не были похожи на нынѣшнія монеты, это были неотдѣланные куски мѣди или серебра опредѣленнаго вѣса. Самая обычная монета была гривна. Для веденія крупной торговли нужны были большіе капиталы. Часто при большомъ оборотѣ у купцовъ не хватало денегъ, и имъ приходилось брать въ долгъ. Во время торговыхъ путешествій, купцовъ часто грабили и, слѣдовательно, кредиторы ихъ были очень мало обезпечены, а потому и давали въ долгъ деньги лишь за очень большіе проценты: 20 процентовъ были очень обычны въ тѣ времена. Кредиторами были тѣ, кто побогаче, а богаче всѣхъ были князья и они часто занимались отдачей денегъ въ ростъ, то же стали дѣлать и нѣкоторые монастыри.

Вмѣстѣ съ развитіемъ хозяйственной жизни усилилась и власть князя. Насколько князь былъ уже силенъ въ концѣ X вѣка, видно изъ того, какъ Владиміръ обращалъ въ христіанство своихъ подданныхъ. Къ тому времени выработался опредѣленный порядокъ во владѣ-

ніи князей русской землей. Со времени первыхъ князей у славянъ бывалъ и одинъ князь и нѣсколько по разнымъ городамъ. Владѣнія князей первое время были очень неопредѣленны. Всѣхъ важнѣе было Кіевское княжество, а вокругъ него жили племена и подвластныя Кіевскому князю, и самостоятельныя съ какимъ-нибудь славянскимъ [1]) княземъ, а то и совсѣмъ безъ князя. Ко времени Владиміра всѣ славянскія племена на большомъ пространствѣ добровольно или силою были подчинены Кіевскому князю.

Русская земля въ то время занимала довольно уже большое пространство: на западѣ отъ рѣки Прута и дальше на сѣверъ отъ верховьевъ Вислы, Нѣмана и его притоковъ, со средины теченія Западной Двины и отъ озера Чудского, на сѣверѣ дальше Новгорода, на востокѣ по верховьямъ Волги, Оки и Дона. На югѣ, близко отъ самаго Кіева жилъ вѣчный врагъ славянъ—кочевники; при Владимірѣ тамъ были печенѣги.

У Владиміра было очень много сыновей, и каждому изъ нихъ онъ далъ по городу во владѣніе. Старшему изъ нихъ онъ далъ Новгородъ, какъ самый большой и богатый послѣ Кіева. Другимъ сыновьямъ по старшинству и городъ: чѣмъ моложе князь, тѣмъ и городъ плоше. Когда Владиміръ умеръ, Кіевскій престолъ получилъ его старшій сынъ Святополкъ, княжившій въ Новгородѣ, а слѣдующій за нимъ братъ Ярославъ передвинулся въ Новгородъ, а на его мѣсто слѣдующій, и такъ всѣ братья по порядку, а самый худшій городъ получилъ сынъ Святополка. Этотъ порядокъ передвиженій князей по

---

[1]) Княземъ не варяжскаго происхожденія, не родственникомъ Рюрика.

старшинству назывался „лѣствичнымъ восхожденіемъ“. Князь не владѣлъ своимъ городомъ вѣчно, а лишь временно, до смерти старшаго родственника. Сыновья тѣхъ князей, которые умирали, не достигнувъ великаго княженія въ Кіевѣ, теряли право на великокняжескій престолъ и ихъ опережали младшіе. Они назывались изгоями. Изгои часто пытались все-таки достигнуть великаго княженія, и изъ-за этого происходили раздоры между князьями, доходившіе до военныхъ стычекъ. Раздоры случались и изъ-за другихъ причинъ: родство запутывалось съ теченіемъ времени, трудно было установить точный порядокъ, а каждому князю хотѣлось получить городъ получше, и онъ неправильно отстаивалъ свою очередь. Раздоры доходили до ужасныхъ жестокостей. Кромѣ открытыхъ стычекъ много было и различныхъ хитростей. Такъ, однажды, только что разъѣхались князья со съѣзда, на которомъ подѣлили всѣ города и поклялись не ссориться, какъ одинъ князь въ глухомъ мѣстѣ напалъ на другого и велѣлъ выколоть ему глаза. Иногда князья сами и не нападали, а посылали своихъ вѣрныхъ слугъ убить соперника. Такъ убиты были братья Борисъ и Глѣбъ.

Административный и общественный строй Кіевской Руси.

Во внутреннихъ дѣлахъ своего княжества каждый князь былъ совершенно самостоятельнымъ. Вся его зависимость отъ великаго кіевскаго князя выражалась въ томъ, что онъ долженъ былъ его почитать, какъ отца, отдавать ему часть дани и по первому зову являться къ нему съ своей дружиной на войну съ внѣшними врагами.

Каждый князь вѣдалъ въ своемъ княжествѣ прежде всего сборъ дани и торговой пошлины, которая взималась не только съ иностранныхъ товаровъ, но и со своихъ. Затѣмъ, князь былъ судьею и правителемъ своихъ подданныхъ. Князю помогали въ управленіи назначенные имъ чиновники—„тіуны“. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь самъ не жилъ, были назначенные имъ „посадники“ и „тысяцкіе“, которые его тамъ замѣняли въ судѣ, управленіи и сборѣ дани. Судились славяне очень просто, безъ всякихъ законовъ, а по обычаю. Истецъ и отвѣтчикъ клялись въ томъ, что будутъ говорить правду. Если обѣ стороны долго спорили, и не видно было, на чьей сторонѣ правда, тогда устраивали поединокъ, который назывался „полемъ“. Кто побѣдитъ въ поединкѣ, тотъ и считался правымъ. Писанные законы начали составляться лишь со времени Ярослава Мудраго [1]) и составлялись около 150 лѣтъ, начиная съ XI вѣка и до половины XIII. Эти законы стали называться „Русской Правдой“. „Русскую Правду“ составляли самые образованные въ то время люди—духовенство. Они руководствовались византійскими церковными законами, отдѣльными указами князей и обычаемъ. Но многіе обычаи, пережившіе потребности жизни, не вошли въ „Русскую Правду“; такъ, напримѣръ, тамъ нѣтъ родовой мести, „поля“ и тѣлесныхъ наказаній. За всѣ преступленія полагаются денежные штрафы: „вира“ въ пользу князя и „головничество“ въ пользу потерпѣвшаго. Каждое преступленіе разсматривается въ „Русской Правдѣ“ прежде всего, какъ нанесеніе убытка.

---

[1]) Ярославъ — второй сынъ Владиміра, княжившій въ Кіевѣ послѣ Святополка.

Такъ, убійство человѣка, какъ лишеніе семьи работника, увѣчье, какъ лишеніе человѣка его рабочей силы.

Штрафъ за убійство или увѣчье человѣка былъ строго опредѣленъ, и не за каждаго человѣка платилось одно и то же. Прежде всего взрослый человѣкъ цѣнился дороже ребенка, мужчина дороже женщины и знатный дороже простого. Кто же были эти знатные и простые? У древнихъ славянъ этого различія не было. Оно начинается вмѣстѣ съ появленіемъ имущественнаго неравенства, а имущественное неравенство явилось съ развитіемъ торговли. Самыми богатыми стали князь и дружинники, которымъ доставалась вся лучшая добыча. У нихъ же было много челяди, которую было выгодно продавать въ Византію, много денегъ, которыя можно было давать въ ростъ за большіе проценты. Богатые стали называться лучшими людьми и знатными. Среди дружинниковъ тоже появилось различіе: молодежь служила князю своей силой, а старики больше совѣтомъ. Старики и составляли „Княжескій Совѣтъ“, который былъ всегда съ княземъ. Они назывались „княжими мужами“, а позднѣе боярами. Бояре были самые богатые и считались самыми знатными, за ними шли простые дружинники и затѣмъ всѣ остальные, чѣмъ бы они ни занимались: торговлей, земледѣліемъ, ремесломъ—смерды. Какъ бояре, такъ и смерды могли обрабатывать землю, извлекать изъ нея доходъ, но земля не была ихъ собственностью, она считалась княжескою. Князь дарилъ землю боярамъ, но и смерды свободно пользовались ею, такъ какъ недостатка въ ней не было. Смерды сами, своимъ трудомъ, какъ теперешніе мелкіе крестьяне, обрабатывали землю своими собственными орудіями. Но были и такіе земледѣльцы, которые по какимъ-нибудь причинамъ не могли захватить для себя

достаточно земли, не имѣли и орудій. Тогда они брали въ пользованіе у другихъ участокъ земли, брали иногда въ долгъ у нихъ и орудія, а въ отплату обязывались обрабатывать ихъ землю. Эти зависимые, полусвободные земледѣльцы назывались „закупами". Закупы работали, какъ на болѣе достаточныхъ смердовъ, такъ и на бояръ. Боярамъ самимъ—разумѣется—не было никакой нужды работать: на нихъ, кромѣ закуповъ, трудились еще и холопы. Въ тѣ времена хозяева не обращались съ холопами такъ жестоко, какъ въ позднѣйшія времена съ крѣпостными, потому что при постоянныхъ междоусобныхъ войнахъ сами могли попасть въ плѣнъ и быть обращенными въ холоповъ. Но все-таки холопа не считали человѣкомъ, на него смотрѣли, какъ на вещь, или на скотъ, принадлежащій хозяину. Если холопъ совершалъ какой-нибудь проступокъ, то судили не его, а хозяина. Хозяинъ могъ его бить, но не убивать. Холопы не могли быть свидѣтелями на судѣ, не могли участвовать въ народныхъ собраніяхъ—„вѣчахъ", на которыхъ бывали всѣ свободные граждане.

Вѣче не походило на теперешнюю русскую Думу или парламентъ въ государствахъ Западной Европы. Это не было представительное учрежденіе всего государства, въ которое выбирались бы депутаты. Вѣче было собраніемъ въ каждомъ городѣ всѣхъ взрослыхъ свободныхъ гражданъ. Созывалось вѣче колокольнымъ звономъ на площадь по какому-нибудь спѣшному поводу. Созывалъ вѣче иногда самъ князь, иногда епископъ, а тамъ, гдѣ князя не было,—посадникъ.

Правильнаго веденія собранія не было. Заявляли, по какому вопросу созвано вѣче, кто нибудь выкрикивалъ рѣшеніе, другіе старались перекричать, поддерживая

или опровергая его, поднимался невообразимый шумъ, и вопросъ рѣшался перевѣсомъ крика, иногда дѣло доходило до драки.

Вѣче имѣло власть рядомъ съ княземъ, но не ограничивало ея. Князь обращался къ вѣчу за совѣтомъ, идти ли—напримѣръ—на войну? Онъ могъ конечно и не спрашиваться вѣча, но ему важно было получить его одобреніе, чтобы неудачи не падали на него одного. Нужно было также согласіе вѣча на войну, чтобы получить поддержку отъ гражданъ деньгами, лошадьми, одеждой. Въ тѣхъ княжествахъ, гдѣ больше было земледѣльцевъ, гдѣ все богатство сосредоточивалось въ рукахъ князя и его бояръ, тамъ былъ сильнѣе князь, а вѣче имѣло мало значенія. Зато тамъ, гдѣ было много богатыхъ купцовъ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ—сила была на сторонѣ вѣча. Случалось, что вѣче изгоняло даже нелюбого князя, ему говорили тогда: „путь чистъ“ и онъ уходилъ. Вѣче же и приглашало къ себѣ князя, когда его почему-нибудь долго не было.

Запустѣніе Кіевской Руси.

По наружному виду Русь все росла и богатѣла. Города обстраивались новыми домами и храмами съ дорогими византійскими украшеніями, княжи мужи и ихъ жены ходили въ шелку и въ золотѣ, всѣ дружинники съ княземъ и безъ князя безпрестанно пировали, пользуясь легкой военной добычей. Смердамъ же жилось все хуже и хуже. На мирныхъ земледѣльцевъ часто нападали половцы, уводили скотъ, забирали женщинъ въ плѣнъ, а то и все семейство со всѣмъ добромъ. Князья же, вмѣсто того, чтобы общими силами защищать своихъ

подданныхъ отъ враговъ, только и дѣлали, что ссорились другъ съ другомъ изъ-за порядка княженія и не только своими дружинами разоряли сосѣдей, но часто призывали себѣ на помощь половцевъ. Время отъ времени случались такіе князья, которые старались помирить всѣхъ князей, прекратить ихъ усобицы и защитить населеніе отъ половецкихъ набѣговъ. Таковъ былъ въ концѣ XII вѣка великій Кіевскій князь Владиміръ Мономахъ. Онъ уговаривалъ князей не ссориться, думалъ своей нравственной силой убѣдить ихъ, усовѣстить ихъ своимъ собственнымъ примѣромъ, проводя свою жизнь въ трудахъ, а не въ попойкахъ, развлекаясь лишь охотой на хищныхъ звѣрей. Дѣйствительно всѣ князья уважали Владиміра Мономаха, но слушались его ненадолго. Сильное убѣдительное слово не могло уничтожить того, что создалъ порядокъ. Русь не могла успокоиться, пока въ ней существовалъ тотъ политическій строй, тотъ порядокъ княжескаго владѣнія, который устарѣлъ уже въ то время: этотъ порядокъ годился, пока земля Русская была не велика, пока княжеская семья состояла изъ отца и сыновей, но когда владѣнія расширились, княжескій родъ на столько разросся, что родственныя отношенія стали искусственными и запутанными и править 20—25 князьямъ одной землею оказалось невозможнымъ. Не могъ также Владиміръ Мономахъ сладить и съ половцами, сколько походовъ ни предпринималъ на нихъ. Дѣло было не въ походахъ и не въ побѣдахъ. Побѣды доставляли лишь временную добычу, но заключить договоръ съ половцами, обязать ихъ не разбойничать было нельзя, такъ какъ они не были культурнымъ народомъ, признающимъ право и обязательство. Отъ нихъ могли защитить лишь крѣпкія городскія стѣны и

хорошо вооруженная стража. Ни того ни другого на Руси не было.

И вотъ мирные жители стали искать мѣста поспокойнѣе, гдѣ бы ихъ не тревожили ни половцы, ни княжескія усобицы. А такая земля была на востокъ по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ. Туда половцы не могли достигнуть, отгороженные густыми лѣсами, княжескія усобицы тоже оставались въ сторонѣ. Земля же тамъ была хорошая, непочатая. Жили тамъ рѣдкими поселками дикіе, но мирные и пугливые финны, которые боялись переселившихся къ нимъ болѣе культурныхъ славянъ, и не ссорились съ ними. Славяне въ новомъ мѣстѣ повели подсѣчное хозяйство и стали перезывать къ себѣ сосѣдей, оставшихся на югѣ. Итакъ, съ конца XII в. замѣчается переселеніе славянъ на сѣверо-востокъ на Оку и Волгу, а Кіевская Русь начинаетъ пустѣть.

Съ XIII вѣка вся историческая жизнь русскихъ славянъ перемѣщается съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Съ этого времени заканчивается первый періодъ [1]) русской исторіи. Этотъ періодъ называется южно-русскимъ и кіевскимъ для обозначенія того мѣста, гдѣ проходила историческая жизнь этого времени, очереднымъ, чтобы указать на порядокъ княжескаго владѣнія, вѣчевымъ—для опредѣленія формы княжеской власти (князь управлялъ не одинъ, а съ народнымъ собраніемъ) и торговымъ—для обозначенія главнаго занятія жителей, которое составляло богатство страны.

Перейдемъ теперь ко второму періоду русской исторіи.

---

[1]) Періодъ—промежутокъ, часть.

II. Сѣверо-восточная Русь.

Хозяйственный и административный строй сѣверо-восточной Руси.

Къ новымъ поселенцамъ сѣверо-восточнаго края скоро явились и князья. Младшимъ и самымъ неудачливымъ надоѣло драться изъ-за княжествъ, и они пошли искать счастья на сѣверо-востокъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ. Имъ выгодно было забирать тѣ поселки, гдѣ жило побольше народу, значитъ и дани можно было получить побольше. Князья устраивали въ новомъ мѣстѣ свое хозяйство такъ же, какъ и простой народъ. Но, разумѣется, они могли захватить больше земли, такъ какъ для обработки ея у нихъ было много холоповъ. Въ новомъ мѣстѣ князья занялись и новымъ дѣломъ. Они оставили свои воинственные походы и принялись за устройство хозяйства. Главное богатство имъ давала земля, а не торговля, какъ въ южной Руси. Въ новомъ краѣ явились скоро и города; нѣкоторымъ давали названія южно-русскихъ городовъ, какъ бы въ воспоминаніе родины. Такъ, въ память южнаго Владиміра на Волыни явился сѣверный Владиміръ на Клязьмѣ. Князья не жили постоянно въ городахъ, а твердо усаживались въ своей усадьбѣ. Если прежде въ Кіевской Руси князь былъ воиномъ и купцомъ, и находился постоянно въ движеніи, то на новомъ мѣстѣ онъ сталъ сидѣть дома и былъ прежде всего хозяиномъ и помѣщикомъ. Измѣнилось и управленіе внутри княжества. Оно стало чисто-хозяйственное — извлеченіе доходовъ изъ земли и сидя-

щаго на ней населенія. Въ каждую область или уѣздъ князь посылалъ намѣстника, главнымъ дѣломъ котораго былъ сборъ подати, а кстати ужъ и управленіе населеніемъ. Намѣстнику князь не давалъ отъ себя никакого жалованья, а сдавалъ ему сборъ подати на откупъ, т. е. требовалъ отъ него въ годъ опредѣленное количество дани, то же, что собиралъ намѣстникъ сверхъ этого количества, не касалось князя и шло въ пользу намѣстника. Этотъ доходъ намѣстника называли „кормами", а самого намѣстника „кормленщикомъ". Такой способъ сбора дани былъ выгоденъ князю, потому что онъ былъ обезпеченъ, что съ опредѣленнаго округа въ годъ онъ получитъ и опредѣленную дань: если не больше прошлаго года, то и не меньше. Намѣстнику тоже было выгодно, такъ какъ доходъ его зависѣлъ отъ его находчивости: никто не полагалъ границъ его поборамъ. Невыгодно было лишь управляемому населенію, такъ какъ иногда аппетиты намѣстниковъ разростались до неимовѣрныхъ размѣровъ, и кормы становились совсѣмъ не подъ силу. Намѣстники-кормленщики управляли тѣми землями, которыя находились въ пользованіи [1]) населенія, но были еще земли ближе къ усадьбѣ князя, изъ которыхъ онъ извлекалъ доходъ, обрабатывая своими холопами. Такъ какъ этихъ „дворцовыхъ" земель было много и работало на нихъ большое количество холоповъ, то требовались особыя лица, управляющія этими землями. Они назывались „введенными боярами". Введенные бояре при князѣ составляли „Боярскую Думу" [2]).

---

[1]) Князь считалъ всю землю своего княжества своею собственностью.

[2]) Такимъ образомъ боярская дума въ то время была собраніемъ управляющихъ дворцовыми землями.

Прежній княжескій совѣтъ сохранялся, но въ него входило очень немного лицъ. Въ боярскую же думу входили всѣ введенные бояре, значитъ, чѣмъ князь былъ богаче, чѣмъ земли у него было больше, тѣмъ многолюднѣе была и боярская дума. Вѣче исчезло въ этотъ періодъ, князь сталъ совѣтоваться только съ боярами, до простого же народа ему не было дѣла. Въ Кіевской Руси главное богатство дружинниковъ составляла военная добыча и торговля, хотя князь давалъ имъ и земли, но онѣ не обогащали бояръ. Въ Сѣверовосточной Руси главнымъ богатствомъ бояръ такъ же, какъ и князя, стала земля. Князь сталъ раздавать боярамъ земли, какъ жалованье за ихъ военную службу. Бояре охотнѣе шли на службу къ тому князю, у котораго земель было больше и который ласковѣе къ нимъ относился. Если бояре не поладятъ съ княземъ, они кланялись ему и отъѣзжали къ другому, который охотно принималъ къ себѣ военныхъ людей, такъ какъ надо было всегда имѣть сильную оборону отъ князя-сосѣда, не забывшаго своихъ южнорусскихъ привычекъ.

Политическій строй Сѣверо-восточной Руси.

Когда князь прочно усядется въ своемъ княжествѣ, устроитъ свое хозяйство, ему не хочется бросать его и переселяться въ другое по лѣствичному восхожденію, какъ въ кіевской Руси. И вотъ князья перестаютъ подвигаться по родовой лѣстницѣ, а вѣчно живутъ въ своемъ заботливо устроенномъ княжествѣ и передаютъ его по наслѣдству дѣтямъ. Теперь княжество начинаютъ называть „вотчиной“, „удѣломъ“. Оттого и весь этотъ второй періодъ русской исторіи называютъ удѣльнымъ

въ отличіе отъ перваго періода, очередного. Итакъ въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій измѣнился порядокъ владѣнія княжествами. Но великокняжескій престолъ попрежнему получаетъ слѣдующій по старшинству за умершимъ. Только удѣльный князь, получая великое княженіе, никому не передаетъ своего удѣла, а пользуется имъ самъ и оставляетъ въ наслѣдство своимъ сыновьямъ.

Послѣ Владиміра Мономаха Кіевъ подвергся сильному разоренію: князья вырывали другъ у друга великокняжескій престолъ и опустошали свою столицу половецкими дружинами. Населеніе убѣгало на сѣверо-востокъ, и не съ кого было уже собирать дань. Наконецъ, великокняжескій престолъ достался Юрію Долгорукому, который владѣлъ на сѣверѣ-востокѣ удѣломъ — суздальскою областью, обогатился тамъ, завелъ себѣ большую дружину и въ борьбѣ за престолъ побѣдилъ своихъ соперниковъ, южно-русскихъ князей, обѣднѣвшихъ и людьми и деньгами вслѣдствіе всеобщаго переселенія на сѣверо-востокъ. Юрій, ставъ великимъ княземъ, переселился въ Кіевъ, но все свое богатство получалъ изъ суздальскаго удѣла. Его можно считать переходнымъ княземъ отъ Кіевскаго періода къ Сѣверо-восточному. Въ немъ была большая склонность къ земледѣльческому хозяйничанію въ своемъ удѣлѣ, но въ то же время, онъ—какъ истый князь Кіевской Руси—всю свою жизнь мечталъ о Кіевѣ. Инымъ былъ сынъ его Андрей Боголюбскій. Это былъ настоящій князь новой Сѣверо-восточной Руси: онъ прекрасно устроилъ хозяйство своего удѣла и отлично понималъ, что ничѣмъ нельзя уже теперь возвысить Кіева и что нужно теперь сдѣлать

стольнымъ [1]) городомъ самый богатый городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Когда Андрей добился великаго княженія, онъ не пересилился въ Кіевъ, а перенесъ столицу во Владиміръ, куда вскорѣ переѣхалъ и митрополитъ изъ Кіева. Въ Кіевъ же Андрей послалъ своего младшаго сына, который и сталъ владѣть прежней столицей, какъ удѣломъ. Андрей не былъ такъ быстръ на подъемъ, какъ князья Кіевской Руси, безъ надобности въ драку не лѣзъ, зато всегда обдумывалъ и основательно взвѣшивалъ свои выгоды и—если оказывалось нужно—пускался въ битву, запасшись хорошими силами, и упорно добивался своего.

Такимъ же разсчетливымъ, хозяйственнымъ княземъ былъ братъ Андрея Всеволодъ III Большое Гнѣздо, который занималъ великокняжескій владимірскій престолъ послѣ Андрея.

Татарское иго.

Въ половинѣ XIII вѣка южная Русь подверглась окончательному разоренію. Въ 1224 году изъ-за Волги въ южно-русскихъ степяхъ появились новые кочевники—татары. Этихъ новыхъ пришельцевъ испугались кочевавшіе въ то время половцы и стали звать русскихъ князей на помощь противъ татаръ. Нѣкоторые русскіе князья сообразили, что татары пострашнѣе половцовъ и, если смѣнятъ ихъ, то славянамъ будетъ еще тяжелѣе. Князь Мстиславъ Удалой пошелъ на помощь къ половцамъ, а другіе князья перессорились между собою и не пошли. Татары дали битву половцамъ и русскимъ и

---

[1]) Гдѣ великокняжескій престолъ.

совершенно ихъ разбили. Несмотря на полную побѣду, татары взяли небольшую дань съ побѣждейныхъ и ушли обратно въ Азію. Вдругъ въ 1237 году татары снова появились, но только не въ южно-русскихъ степяхъ, а изъ-за Урала въ нынѣшней казанской губерніи. Полки ихъ были громадны, да кромѣ того они везли въ кибиткахъ своихъ женъ и дѣтей и все имущество; видно было, что они совсѣмъ переселялись изъ Азіи въ русскую землю и хотѣли ее покорить себѣ. Предводительствовалъ татарами ихъ ханъ Батый. Прежде всего татары напали на рязанское княжество и послѣ жестокой битвы покорили его. Они шли дальше, въ глубь русской земли и завоевывали одно княжество за другимъ. Мѣстами они встрѣчали упорное сопротивленіе, но всегда побѣждали. Русскіе были въ ужасѣ и думали, что пришли ихъ послѣдніе дни. Завоевано было и великое Суздальское княжество и взята столица Владиміръ. Великій князь Юрій, сынъ Всеволода III, былъ убитъ. Татары подвигались все на западъ, но испугались дремучихъ лѣсовъ и болотъ и, не дойдя до Пскова и Новгорода, повернули на югъ. Разгромивъ по дорогѣ нѣсколько княжествъ, они подступили къ Кіеву. Онъ такъ имъ понравился своей красотой, что они пожалѣли его громить и потребовали отъ кіевлянъ дани, но кіевляне не покорились, и Кіевъ былъ разгромленъ въ 1240 году. Татары продвигались все дальше на юго-западъ въ Венгрію, но тамъ получили отпоръ и вернулись назадъ къ нижнему теченію Волги. Здѣсь они всей ордой прочно основались и построили себѣ городъ Сарай. Всѣ покоренныя русскія княжества они обложили данью, а князей заставили явиться къ себѣ на поклонъ. Ханъ заставлялъ князей

кланяться себѣ для изъявленія ему покорности и идоламъ [1]) для выраженія уваженія татарской вѣрѣ.

Тѣхъ князей, которые покорно все это выполняли, ханъ утверждалъ въ ихъ княжествахъ, непокорныхъ же замучивалъ и ихъ княжества передавалъ покорнымъ князьямъ, которые угодили ему богатыми подарками. Если князья неаккуратно привозили дань, то ханъ посылалъ въ княжество своихъ чиновниковъ — „баскаковъ", если и имъ не давали дани, то являлось войско, которое уже силой брало дань и разоряло жителей [2]). Исполнительныхъ же князей и ихъ княжества татары никогда не трогали. Такъ было съ Новгородомъ. Хотя онъ и не былъ покоренъ, но татары потребовали и его покорности. Въ это время новгородскимъ княземъ былъ внукъ Всеволода III Александръ Ярославичъ, прозванный Невскимъ за побѣду надъ шведами въ 1240 году на Невѣ. Кромѣ того въ 1241 году онъ побѣдилъ ливонцевъ на льду Чудскаго озера, но онъ отлично понялъ, что татары болѣе сильный врагъ и лучше съ ними не пробовать своихъ силъ новгородцамъ. Александръ сталъ аккуратно возить татарамъ дань и спасъ этимъ Новгородъ отъ разгрома.

Татары совсѣмъ не касались вѣры внутри княжествъ, они требовали лишь отъ пріѣзжавшихъ въ орду князей уваженія своимъ богамъ. Они проявили даже такую вѣротерпимость, что освободили русскіе монастыри отъ дани. Долго пришлось еще Русской землѣ оправляться отъ татарскаго разгрома, долго еще бояре и крестьяне поправляли свои разоренныя хозяйства, обстраивались

---

[1]) Татары были тогда язычниками.

[2]) Такъ разъ подверглось разгрому тверское княжество за избіеніе баскаковъ.

и расчищали поля. Такъ проходили десятки лѣтъ. Устроенныя въ новомъ мѣстѣ хозяйства опять пришлось устраивать заново. Не весела была жизнь русскихъ на сѣверо-востокѣ. Она много отличалась отъ наладившейся уже культурной жизни южной Руси. На сѣверо востокѣ пришлось приспособлять все снова, и только успѣли переселенцы воспользоваться плодами своего труда, какъ опять татары все уничтожили. Такая жизнь отражалась и на нравахъ русскихъ людей. На сѣверо-востокѣ уже не слышно стало бодрой дружной хоровой пѣсни юга. Сѣверянинъ сталъ пѣть одинъ, работая въ лѣсу, заунывную, однообразную пѣсню. Здѣсь стали забываться и былины про славныхъ богатырей, про удалые походы, которыя разсказывалъ нараспѣвъ слѣпой „сказитель" въ Кіевской Руси, гдѣ-нибудь подъ яркимъ солнышкомъ, сидя на завалинкѣ, куда высыпалъ весь поселокъ. Богатырей замѣнили подвижники и мученики, а вмѣсто былинъ явились житія святыхъ.

Татарское иго заставило многихъ бѣжать въ монастыри, чтобы укрыться отъ дани, которую они не въ силахъ были заплатить. Измученные, разоренные люди искали утѣшенія въ надеждѣ на награду въ будущей жизни по смерти. Со времени татарскаго ига быстро растутъ монастыри. Большинство монастырей строилось слѣдующимъ образомъ: какой-нибудь сосредоточенный человѣкъ, расположенный къ размышленію и молитвѣ, уходилъ отъ людей въ лѣсъ, питался тамъ дикими кореньями, изнурялъ себя, и отъ этого во время напряженныхъ молитвъ ему представлялись видѣнія святыхъ. Слухъ объ этомъ пустынникѣ, какъ о святомъ подвижникѣ, достигалъ до поселка, къ нему собирались почитатели, строили себѣ кельи и жили съ нимъ. Бли-

жайшіе поселяне жертвовали имъ деньги, строилась церковь, — и, являлся монастырь. Пустынникъ дѣлался его настоятелемъ. Когда монастырь населялся монахами, постоянно посѣщался богомольцами, подвижникъ начиналъ тяготиться многолюдьемъ, назначалъ вмѣсто себя своего ученика и опять уединялся въ лѣсъ. Къ нему снова стекались почитатели и снова строился монастырь. Удалялись изъ монастыря и другіе монахи и основывали новые монастыри. Вблизи монастырей, куда стекалось много народу, выростали поселки. Такъ шло заселеніе дремучихъ лѣсовъ сѣверо-восточной окраины. Князья и бояре любили молиться въ монастыряхъ и даже постригаться передъ смертью. Они дѣлали вклады деньгами, жертвовали земли, главнымъ образомъ, на поминъ души. Съ теченіемъ времени, многіе монастыри разбогатѣли, и стали самыми крупными землевладѣльцами. Настоятели вели обширное хозяйство, и первоначальный отшельническій характеръ монаховъ постепенно утрачивался.

Въ монастыряхъ развивалась письменность. Писалась лѣтопись и житія святыхъ.

Хотя много натерпѣлся народъ на сѣверо-востокѣ, но въ концѣ-концовъ оправился отъ своего разоренія и продолжалъ развиваться. Славяне, переселившіеся на сѣверо-востокъ, были предками нашихъ теперешнихъ великороссовъ. Ихъ языкъ значительно измѣнился противъ прежняго южно-русскаго подъ вліяніемъ финновъ, съ которыми смѣшались переселенцы, и татаръ, съ которыми славяне постоянно соприкасались со времени татарскаго ига. Населеніе, оставшееся въ южныхъ областяхъ, не вынесло татарскаго разоренія и бѣжало въ Польшу, гдѣ смѣшалось съ поляками и измѣнило

свой языкъ подъ ихъ вліяніемъ. Теперь мы этотъ языкъ называемъ малороссійскимъ, а южно-русскихъ славянъ малороссами.

Перемѣщеніе столицы изъ Владиміра въ Москву.

Послѣ татарскаго разгрома суздальское княжество уже не могло быть самымъ богатымъ и самымъ сильнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, оно сильно терпѣло отъ татаръ, громившихъ его нѣсколько разъ, а во-вторыхъ, разорялось постоянными раздорами князей, враждовавшихъ за великокняжескій престолъ; князья призывали себѣ на помощь татаръ, какъ въ Кіевской Руси—половцевъ. Такъ, послѣ великаго княженія Александра Невскаго сталъ великимъ Суздальскимъ княземъ его сынъ Дмитрій, но братъ его Андрей захотѣлъ занять его мѣсто и для борьбы съ Дмитріемъ призвалъ татаръ, при помощи которыхъ и прогналъ брата за море къ нѣмцамъ. Въ то время, какъ князья боролись, а татары грабили суздальское княжество, населенію жилось плохо: бояре не могли богатѣть и повышаться въ заслугахъ, когда сегодня былъ одинъ князь, а завтра другой, крестьяне тоже не могли спокойно вести хозяйство, когда постоянно проносились по ихъ полямъ княжескія дружины или татарскія полчища, все топтали, портили, грабили. Населеніе стремилось уйти изъ такого неспокойнаго княжества куда-нибудь, гдѣ было поспокойнѣе и поудобнѣе. А спокойнѣе было въ многоземельныхъ княжествахъ, защищенныхъ отъ враговъ и княжескихъ усобицъ. Самымъ удобнымъ княжествомъ стало тогда Московское.

Городъ Москва былъ основанъ, по преданію, Юріемъ

Долгорукимъ въ 1147 году, но до конца XIII вѣка не былъ княжествомъ. Москва впервые досталась въ удѣлъ младшему изъ сыновей Александра Невскаго Даніилу. Московское княжество было тогда небольшое, но хорошо заселенное и не бѣдное. Причины заселенія Москвы и ближайшей къ ней мѣстности заключались въ слѣдующемъ. Москва стояла на перепутьи, связывая угломъ водныя торговыя дороги изъ Новгорода на Волгу, по которой ѣздили и новгородцы и иностранцы въ Персію черезъ Каспійское море. На такомъ торговомъ перепутьи удобно было осѣдать населенію, уходившему въ XII вѣкѣ изъ южной Руси на сѣверо-востокъ. Въ XIII же вѣкѣ Москву окружили кольцомъ другія княжества и такимъ образомъ защищали отъ враговъ: съ востока отъ татаръ—Рязанское, Нижегородское, Ростовское и Ярославское; съ юго-запада отъ литовцевъ—Смоленское и Черниговское, на сѣверо-западѣ отъ шведовъ—Новгородское и Псковское. Кромѣ того, какъ самый младшій молодой удѣлъ, Москва оставалась въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ за великое княженіе, а московскій князь, какъ младшій, никогда не разсчитывалъ получить великое Суздальское княжество, а потому особенно старался обогатить свой удѣлъ всѣми средствами. Такъ, Даніилъ Александровичъ напалъ на Рязанскаго князя и взялъ его въ плѣнъ. Затѣмъ сынъ его Юрій убилъ этого князя и изъ его княжества присвоилъ себѣ Коломну, потомъ напалъ на другого князя и захватилъ Можайскій удѣлъ. Кромѣ открытаго разбоя московскіе князья увеличивали свои владѣнія хитростью. Такъ, Даніилъ вошелъ въ такую дружбу съ Иваномъ, княземъ Переяславскимъ, что тотъ, умирая, завѣщалъ ему свой удѣлъ, помимо старшихъ

родичей. Промышленныхъ и рабочихъ людей, доставлявшихъ доходъ княжеству, московскіе князья переманивали къ себѣ изъ другихъ княжествъ разными льготными обѣщаніями. Многіе бояре тоже охотно переѣзжали въ Московское княжество, гдѣ ихъ ласково встрѣчали и надѣляли хорошей землей и не безпокоили войнами. Охотно переселялись въ московское княжество и крестьяне-земледѣльцы, гдѣ ихъ не тревожили ни княжескія усобицы, ни татары. А князья межъ тѣмъ собирали большую дань и аккуратно отправляли ее въ орду, чѣмъ и заслуживали благосклонность хана.

Почувствовавъ свою силу, московскіе князья стали добиваться и великаго княженія. Главными ихъ соперниками были тверскіе князья, какъ старшіе. Долго московскіе князья не имѣли успѣха. Наконецъ, когда сталъ княземъ въ Москвѣ одинъ изъ младшихъ сыновей Даніила Иванъ, то ему удалось побѣдить Тверского князя Александра. Всегда осторожный и предусмотрительный Иванъ воспользовался минутой, когда Александръ поссорился съ ордой, позволивъ тверитянамъ убить ханскихъ баскаковъ. Задаривая хана и присылая ему аккуратно дань, Иванъ получилъ отъ хана войско, съ помощью котораго и разбилъ Тверского князя, а затѣмъ и получилъ великокняжескій Владимірскій престолъ.

Но Иванъ не переѣхалъ во Владиміръ, а перенесъ столицу въ Москву. Еще раньше онъ дружилъ съ митрополитомъ Петромъ, который, часто разъѣзжая по епархіи изъ Владиміра, останавливался въ Москвѣ, гдѣ въ одинъ изъ пріѣздовъ и умеръ. Похоронили его въ Москвѣ, и это имѣло громадное значеніе для Ивана, такъ какъ народъ очень чтилъ митрополита и къ могилѣ

его относился, какъ къ святынѣ. Другой митрополитъ уже прямо поселился въ Москвѣ. Это перенесеніе митрополичьей каѳедры изъ Владиміра въ Москву сильно подняло ее въ глазахъ народа, и легко уже было пріучить его считать Москву столицей всей Руси. Иванъ, оставшись въ Москвѣ, продолжалъ прибирать другіе удѣлы то покупкой, то путемъ брака своихъ родственницъ съ удѣльными князьями. Ласковый хозяинъ, разсчетливый политикъ—Иванъ получилъ въ народѣ названіе „Калиты"—мѣшка съ деньгами—за его собираніе Руси.

Ко времени смерти Ивана Калиты московское княжество настолько усилилось, что сынъ Ивана Семеонъ сразу получилъ въ ордѣ ярлыкъ [1]) на великое княженіе, а четыре другіе князя, тоже ѣздившіе въ орду, вернулись ни съ чѣмъ. Семеонъ явно показывалъ, что не считаетъ князей своими младшими братьями, какъ это было до тѣхъ поръ принято, а подчиненными своими, за что его и прозвали Гордымъ.

Татары не трогали Русскую землю за все время княженія Семеона, довольствуясь лишь данью, посылаемой великимъ княземъ, которую онъ собиралъ и съ другихъ князей. Но въ это время Русской землѣ угрожалъ врагъ съ запада. Къ этому времени усилилось Литовское княжество и объединило подъ своей властью южнорусскія области. Литовскій князь Ольгердъ напалъ на Можайскъ, но не надѣясь на свои силы, сталъ возстановлять противъ русскихъ татаръ. Это ему не удалось, такъ какъ татарамъ невыгодно было ссориться съ русскими, когда они такъ хорошо платили дань, и ли-

---

[1]) Ярлыкъ—грамота, приказъ.

товцы ушли. Въ это время, въ срединѣ XIV вѣка Русскую землю постигло другое несчастье—чума, отъ которой умерло страшно много народу, въ томъ числѣ и великій князь.

Насколько усилилась власть московскаго князя, видно изъ слѣдующаго: по смерти Семеона княжилъ слѣдующій за нимъ братъ Иванъ, а послѣ Ивана остались его малолѣтніе сыновья и взрослые племянники; они добивались великаго княженія, но все-таки оно досталось малолѣтнему Дмитрію, за котораго хлопотали въ ордѣ разбогатѣвшіе московскіе бояре. Въ это время въ ордѣ шли раздоры, и это еще больше помогло москвичамъ. Дмитрій продолжалъ политику своихъ предковъ—собираніе Руси. Нѣкоторые удѣлы были присоединены въ борьбѣ, другіе достались послѣ смерти князей, а ихъ много поумирало отъ чумы. Присоединять эти удѣлы къ сильному московскому княжеству стало тѣмъ легче къ концу XIV вѣка, что они страшно измельчали вслѣдствіе того обычая, что отецъ передъ смертью дѣлилъ свой удѣлъ на всѣхъ своихъ сыновей. Такъ усиливалось Московское княжество, а въ татарской ордѣ шли раздоры: орда раскололась на двѣ, и онѣ ссорились между собою и не могли уже такъ строго слѣдить за аккуратной доставкой дани съ Русской земли. Московскому князю уже не представлялось неосуществимымъ свергнуть совсѣмъ татарское иго. Онъ пересталъ оказывать покорность хану и, когда баскаки явились за деньгами, ихъ избили.

Ханъ Мамай собралъ полки и двинулся на Русскую землю. Дмитрій созвалъ удѣльныхъ князей, слабыхъ и послушныхъ ему, и почти всею землею двинулъ войско на татаръ. Въ 1380 году, близъ рѣки Дона, на Ку-

ликовомъ полѣ, произошла Куликовская битва, въ которой татары были разбиты и обращены въ бѣгство, но и русскіе истощены. Силъ еще не было удержаться побѣдителями, и вскорѣ русскіе снова принуждены были платить дань. Дмитрій, за свою побѣду надъ татарами, былъ прозванъ Донскимъ и возвысился въ глазахъ народа, какъ защитникъ всей земли.

При сынѣ Дмитрія, Василіи, изъ Азіи явились новые полки татаръ съ ханомъ Тамерланомъ, но его отвлекла борьба на юго-западѣ, и опасность миновала Русь.

Со времени Ивана Калиты великокняжескій престолъ переходитъ большею частью не старшему въ родѣ, а отъ отца къ сыну. Удѣльные князья съ этимъ не могутъ помириться и время отъ времени пытаются возстановить свои права, но безуспѣшно. Такъ Дмитрій Шемяка хотѣлъ оттягать великое княженіе у своего племянника Василія II. Борьба была жестокая, Василій былъ ослѣпленъ, и все-таки въ концѣ концовъ Московскій престолъ остался за нимъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ собраніемъ боярства и духовенства, которое и признало уже правиломъ вновь установившійся порядокъ перехода престола отъ отца къ сыну.

Объединеніе Руси Москвою.

Послѣ Василія II Темнаго, великимъ княземъ сталъ уже безъ всякихъ споровъ сынъ его Иванъ III. Онъ продолжалъ собираніе Руси. При его предшественникахъ области захватывались силой или доставались по наслѣдству, при Иванѣ же III къ Москвѣ стали тяготѣть различные слои народа и такимъ образомъ помогать

подчиненію удѣла къ Москвѣ. Такъ, въ сѣверныхъ княжествахъ тяготѣло къ Москвѣ боярство, находя тамъ службу болѣе выгодной, а въ Новгородѣ, наоборотъ, простонародье, которое искало защиты отъ своихъ притѣснителей боярства и купечества. Чтобы знать, почему такъ было, нужно окинуть взглядомъ жизнь Новгорода за весь удѣльный періодъ. Новгородъ жилъ совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ сѣверо-восточныя княжества.

Новгородъ рано разбогатѣлъ своей внѣшней торговлей и пріобрѣлъ много земель, съ которыхъ и собиралъ дань. Причина богатства Новгорода заключалась въ его замѣчательно выгодномъ мѣстоположеніи. Онъ былъ ближе другихъ городовъ къ Западной Европѣ и удаленъ отъ другихъ княжествъ и княжескихъ усобицъ, никогда не подвергался нападенію кочевниковъ и даже избѣгъ татаръ. Кромѣ того, это была удобная торговая станція на водномъ пути отъ норманновъ и нѣмцевъ въ Византію и Персію. Уже въ XI вѣкѣ владѣнія Новгорода были велики, а въ XIII вѣкѣ его пять „пятинъ“ и три „земли“—Двинская, Пермская и Терскій берегъ—занимали нынѣшнія губерніи: Новгородскую, часть Петербургской, Олонецкую, Архангельскую, восточную часть Вологодской, сѣверную часть Вятской и Пермскую. Владѣнія Новгорода Великаго были больше самаго обширнаго княжества.

Внутреннее устройство Новгорода сильно отличалось отъ другихъ княжествъ. До XII вѣка оно было такое же, какъ и въ другихъ княжествахъ: былъ князь и вѣче. Только рано стало замѣтно, что вѣче сильнѣе князя. Причина силы вѣча была въ томъ, что въ Новгородѣ, вслѣдствіе большого развитія внѣшней торговли, было много богатыхъ купцовъ и они въ своемъ богат-

ствѣ не зависѣли отъ милости князя, какъ бояре въ другихъ княжествахъ. Купцами въ Новгородѣ были и бояре, а потому и они не заискивали въ князѣ. Пока въ другихъ княжествахъ занимались междоусобицами князей, Новгородъ мирно росъ и богатѣлъ, а частой смѣной князей пользовался лишь для пріобрѣтенія большей самостоятельности. Въ каждый городъ князь самъ назначалъ посадника, тысяцкаго и другихъ должностныхъ лицъ. Въ Новгородѣ было то же самое, и когда князь смѣнялся, съ нимъ уходилъ и посадникъ, а другой князь назначалъ новаго. Воспользовавшись частымъ отсутствіемъ князя, новгородцы однажды сами выбрали себѣ посадника (это случилось послѣ смерти Владиміра Мономаха), да такъ съ тѣхъ поръ и стали выбирать. Вскорѣ и должность тысяцкаго стала тоже выборной. Епископъ въ Новгородѣ всегда назначался кіевскимъ митрополитомъ и былъ поэтому вѣрнымъ защитникомъ интересовъ князя. Въ половинѣ XII вѣка новгородцы сами избрали себѣ владыку изъ игуменовъ своего монастыря и послали его къ кіевскому митрополиту лишь за рукоположеніемъ. Всѣ эти перемѣны происходятъ въ Новгородѣ, когда совершаются тоже важныя перемѣны и въ другихъ княжествахъ. Какъ разъ послѣ смерти Владиміра Мономаха и всю вторую половину XII вѣка идетъ усиленіе Суздальскаго княжества и измѣняется порядокъ владѣнія младшихъ князей. Въ это время князьямъ было не до Новгорода, каждый заботился объ устройствѣ своего удѣла, а новгородцы расширяли свои права и развивали промышленность своего города. Великіе князья, сидя во Владимірѣ Суздальскомъ уже не посылали князей въ Новгородъ, и новгородское вѣче могло выбирать между соперниками, стремившимися по-

лучить новгородское княжество. Это дало возможность новгородцамъ наложить нѣкоторыя обязательства на князя, ограничить его власть. Съ приглашаемымъ княземъ новгородцы заключали договоръ—„рядъ". Ограниченія власти князя были слѣдующія: онъ не могъ лишать должностное лицо его должности безъ вины, онъ могъ собирать дань въ свою пользу только съ Двинской земли и пользоваться нѣкоторыми лѣсными и рыбными промыслами, всю же остальную дань новгородцы собирали сами на нужды города, а дань татарамъ давали князю лишь для пересылки въ орду. Новгородъ жилъ, главнымъ образомъ, торговлей, и князь ему нуженъ былъ лишь для военной защиты города.

Замѣтна большая разница въ исторіи отношеній князя и населенія въ Новгородѣ и въ удѣльныхъ княжествахъ. Въ то время, какъ тамъ власть князя все усиливалась, а о вѣчѣ стали забывать, въ Новгородѣ, наоборотъ, вѣче имѣло громадное значеніе, а князь былъ наемникомъ города. Въ то время, какъ на сѣверо-востокѣ княжества называются удѣлами и вотчинами князей, Новгородъ величаетъ себя „Господиномъ Великимъ Новгородомъ".

Въ Новгородѣ власть князя была военная, вѣчу принадлежала законодательная. Вѣче могло что-нибудь постановить, согласиться, запретить, но этого было мало: нужна была еще власть, которая завѣдывала бы всѣмъ управленіемъ. Такою властью была Боярская Дума. Въ удѣльныхъ княжествахъ она была нераздѣльна съ княземъ, въ Новгородѣ же, гдѣ князя часто не бывало, Дума совсѣмъ отдѣлилась отъ него, стала самостоятельнымъ учрежденіемъ. Понадобился Думѣ и предсѣдатель вмѣсто князя. Такимъ предсѣдателемъ сталъ епископъ, а епи-

скопъ вѣдь былъ въ Новгородѣ выборнымъ. Съ этихъ поръ Боярская Дума стала называться „Совѣтомъ Господъ“. Такимъ образомъ Совѣтъ Господъ совсѣмъ не походилъ на Боярскую Думу удѣльныхъ княжествъ. Въ Думу входили бояре, завѣдывавшіе имѣніями князя, значитъ, имѣвшіе личное къ нему отношеніе, его, такъ сказать, слуги. Въ новгородскую Думу, а позднѣе, Совѣтъ Господъ, входили просто всѣ бояре по своему рожденію и никакого отношенія личнаго къ князю не имѣвшіе. Дума удѣльныхъ княжествъ, гдѣ князь предсѣдательствовалъ, была лишь послушной его совѣтчицей, Совѣтъ Господъ съ своимъ выборнымъ предсѣдателемъ всегда отстаивалъ интересы города и составлялъ оппозицію [1]) князю. Совѣтъ Господъ управлялъ населеніемъ черезъ посадника, тысяцкаго и другихъ низшихъ должностныхъ лицъ. Всѣ выборныя должности имѣли право занимать всѣ свободные граждане города. Изъ кого же состояли эти свободные граждане? Дѣленіе новгородскаго населенія было не вполнѣ такое, какъ въ другихъ областяхъ. Кромѣ бояръ и смердовъ, сидѣвшихъ на боярскихъ земляхъ, въ Новгородѣ сильно выдѣляется купечество, которое распадается на крупныхъ капиталистовъ, главнымъ образомъ, изъ бояръ, и мелкихъ торговцевъ. Затѣмъ, кромѣ смердовъ, были еще крестьяне собственники— „своеземцы“. Несвободное населеніе существовало такъ же, какъ и въ другихъ княжествахъ: были холопы и полусвободные, которые назывались не закупами, а „половниками“. При выборѣ посадника и тысяцкаго богатые всегда старались быть выбранными и дѣйствовали подкупомъ на бѣдныхъ выборщиковъ. Съ теченіемъ времени

---

[1]) Оппозиція—противодѣйствіе.

выдѣлилось всего лишь нѣсколько богатыхъ и знатныхъ родовъ, изъ которыхъ только и выбирали. Эти роды постоянно между собою враждовали изъ-за выборовъ; каждый родъ имѣлъ своихъ сторонниковъ изъ бѣдныхъ гражданъ, и враждующія партіи часто отстаивали свои убѣжденія дракой на улицахъ. Разумѣется, такіе выборные не могли отстаивать интересовъ бѣднаго населенія города. Свобода новгородская была употреблена богатымъ населеніемъ города лишь для притѣсненія бѣдныхъ и для своего неограниченнаго господства. Теперь понятно, почему новгородское простонародье не дорожило самостоятельностью Новгорода и тянуло къ Москвѣ. Вражда раздѣляла гражданъ и облегчила войскамъ Ивана III покорить Москвѣ вольный Новгородъ. Вѣчевой колоколъ, какъ знакъ новгородской вольности, былъ снятъ и вмѣстѣ съ посадницей Марѳой Борецкой перевезенъ въ Москву. Чтобы окончательно вывѣтрить вольный духъ, изъ Новгорода были переселены люди въ Москву, а на ихъ мѣсто москвичи, не знавшіе свободы. Всѣ громадныя владѣнія Новгорода были подчинены Москвѣ, и Москва сразу значительно усилилась. Оставался не подвластнымъ еще Москвѣ Псковъ, такой же вольный городъ, какъ и Новгородъ, и нѣсколько мелкихъ удѣльныхъ княжествъ. Всѣ они были покорены сыномъ Ивана III Василіемъ III, который отвоевалъ еще у литовцевъ древне-русское Смоленское княжество.

---

*

III. Московская Русь.

Утвержденіе единовластія.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ и объединеніемъ Руси появляется и новый взглядъ на великаго князя, какъ на государя „всея Руси“, какъ себя называетъ уже Иванъ III. Кромѣ того, духовенство, всегда державшее руку сильнаго князя, распространяетъ взглядъ, что Русскому государству предопредѣлено Богомъ особое назначеніе хранить православную вѣру. До тѣхъ поръ такой хранительницей православной вѣры считалась Византія. Въ 1462 году она была завоевана Турціей, императоръ убитъ, семейство спаслось въ Римъ къ папѣ [1]).

Во всей Европѣ было тогда католичество, православная же вѣра, перешедшая изъ Византіи, только въ Руси. Духовенство и рѣшило, что Москва—преемница Византіи. Этотъ взглядъ подкрѣпило еще одно обстоятельство: племянница убитаго византійскаго императора Софія Палеологъ воспитывалась у римскаго папы, который, желая получить свое вліяніе въ Москвѣ, сосваталъ ее Ивану III. Иванъ черезъ этотъ бракъ сталъ называть себя наслѣдникомъ Византійскаго императора и присоединилъ къ своему гербу Георгія Побѣдоносца гербъ Двуглаваго Орла и сталъ писаться: „Божьею милостью“. Пріобрѣтя такую силу внутри

---

[1]) Папа—самое высшее духовное лицо въ католической церкви, считающееся непогрѣшимымъ.

Русской земли, Иванъ III свергъ и татарское иго мирнымъ путемъ. Нѣсколько военныхъ походовъ Ивана не удались, оставалось ждать ослабленія татарской орды. Дѣйствительно вскорѣ орда распалась на три: Золотую, Крымскую и Казанскую. Иванъ не посылалъ дани въ Золотую орду, а самъ заключилъ союзъ съ Крымскимъ ханомъ и теперь уже не боялся Золотой орды. Освобожденіе отъ татарскаго ига дало Ивану возможность присвоить себѣ еще титулъ „самодержца", что собственно означало тогда государя, независимаго ни отъ какого другого государя. Въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными державами Иванъ сталъ называть себя „царемъ всея Руси", это заимствовано съ латинскаго названія „цезаря", „кесаря", какъ себя называлъ и германскій императоръ. Теперь великій князь смотрѣлъ на свое владѣніе Русскою землею не только, какъ на свою вотчину, а считалъ себя царемъ, поставленнымъ самимъ Богомъ, помазанникомъ Божьимъ, по примѣру императора. Иванъ III ввелъ обрядъ вѣнчанія на царство. Наслѣдникомъ своимъ онъ вѣнчалъ внука— сына своего старшаго умершаго сына отъ первой жены, но потомъ, разсердившись на внука, передалъ престолъ сыну Василію отъ второй своей жены Софьи.

Иванъ далъ Василію въ вотчину несравненно болѣе земель, чѣмъ всѣмъ своимъ прочимъ сыновьямъ: $^3/_4$ всѣхъ земель, а имъ только $^1/_4$ на всѣхъ. Кромѣ того, они стали подданными царя наряду со всѣми прочими боярами. Вообще теперь, съ уничтоженіемъ удѣловъ, всѣ прежніе удѣльные князья входятъ въ составъ боярства: они теряютъ свою власть государей въ удѣлахъ и становятся обыкновенными землевладѣльцами-вотчинниками, какъ и всѣ прочіе бояре.

Всѣ эти внутреннія перемѣны сильно отразились на внѣшнемъ положеніи Московскаго государства. Раньше войны были случайными и всегда оборонительными. Велись не отъ всего государства, а отдѣльными князьями. Теперь Иванъ III задался мыслью оттягать отъ Литвы прежнія русскія области. Раньше мирныя сношенія съ Западной Европой велись только Новгородомъ. Теперь начались сношенія уже отъ всего государства и не только торговыя. Иванъ III, женившись на Софьѣ, привыкшей къ культурѣ Западной Европы, завелъ роскошь при своемъ дворѣ, какой раньше не было. Для этого ему пришлось выписывать изъ заграницы мастеровъ. Появились на Руси иностранцы: архитекторы, живописцы, доктора, привезли съ собой книгъ.

Итакъ съ XV вѣка начинается исторія уже всего Русскаго государства. Начало это государства можно считать съ собиранія удѣловъ вокругъ Московскаго княжества и объединенія русскаго народа для борьбы съ общимъ врагомъ—татарами.

Несоотвѣтствіе самодержавія съ политическою властью боярства.

Новый взглядъ на великокняжескую власть, какъ на власть самодержавнаго царя Божьей милостью, крѣпко воспринялъ и настойчиво стремился проводить въ жизнь сынъ Василія III Иванъ IV, прозванный Грознымъ. Иванъ остался малолѣтнимъ по смерти отца въ 1533 году. Все его дѣтство прошло среди распрей бояръ, которые ссорились изъ-за своего вліянія на государя и на правленіе государствомъ. Они потакали всѣмъ дурнымъ наклонностямъ Ивана, а къ справедли-

вымъ его требованіямъ относились небрежно и оскорбляли его. Выросъ Иванъ вѣчно въ страхѣ передъ кознями, вѣчно недовѣрчивый къ людямъ. Отсюда и позднѣйшая его подозрительность. Иванъ по задаткамъ своимъ былъ человѣкъ умный, даже талантливый, но не сумѣвшій примѣнить своихъ способностей къ чему-нибудь полезному людямъ или себѣ. Его всю жизнь угнетало одиночество, а между тѣмъ онъ самъ отталкивалъ отъ себя людей своей подозрительностью и всѣхъ запугивалъ своей вспыльчивостью. Иванъ рано, уже въ 16 лѣтъ, освободился изъ-подъ опеки бояръ. Это случилось въ 1547 году, когда Москву опустошилъ страшный губительный пожаръ. Народная молва обвиняла въ поджогѣ одну изъ враждовавшихъ партій бояръ. Иванъ почувствовалъ себя виновнымъ въ распрѣ бояръ и несчастьяхъ народа отъ небрежнаго управленія. Онъ отстранилъ отъ себя своихъ родственниковъ по матери князей Глинскихъ и приблизилъ священника Сильвестра и боярина Алексѣя Адашева, которые имѣли на царя хорошее успокоительное и дѣловое вліяніе. Въ 1550 году Иванъ задумалъ обратиться къ представителямъ народа за совѣтомъ, какъ управлять страной, какіе нужны новые законы и порядки. Для этого онъ созвалъ Земскій Соборъ. Представители на него выбирались отъ боярства, торговаго, ремесленнаго и земледѣльческаго населенія, кромѣ того въ Соборъ входили цѣликомъ вся Боярская Дума и Освященный Соборъ, т. е. все высшее духовенство (митрополиты, епископы). Земскій Соборъ былъ новостью, до тѣхъ поръ въ Руси не бывало представительнаго учрежденія. Царь передъ всѣмъ Соборомъ принесъ покаяніе въ небрежномъ управленіи страной, обѣщая заботиться самъ о государствѣ

и выслушалъ нѣкоторые совѣты отъ представителей различныхъ слоевъ народа. Нѣсколько лѣтъ Иванъ выдержалъ роль заботливаго государя. Въ это же время Московское государство еще усилилось своими внѣшними успѣхами: въ 1552 году было покорено Казанское царство, и татары настолько были уже этимъ ослаблены, что въ 1556 году удалось уничтожить и остатки Золотой Орды—Астраханское царство. Съ этихъ поръ отъ могучихъ татаръ осталось только Крымское царство, которое, въ теченіе еще долгаго времени, безпокоило Московское государство. Скоро лучшая пора царствованія Ивана прошла, и въ памяти потомства запечатлѣлся образъ грознаго царя, выводящаго крамолу, видѣвшаго вездѣ, во всякомъ словѣ, мысли, взглядѣ измѣну и заговоръ противъ царя. Иванъ подслушивалъ самъ, заводилъ сотни шпіоновъ, слѣдившихъ измѣну и клеветавшихъ на всѣхъ неугодныхъ имъ бояръ, а то и на безобидныхъ, лишь бы выслужиться. Съ кровожадностью хищнаго звѣря, съ сладострастіемъ развратнаго старика Иванъ предавалъ казни обвиненныхъ по одному подозрѣнію, часто самъ присутствовалъ при казни. Онъ постоянно самъ преувеличивалъ свои страхи, самъ раздражалъ свое воображеніе. А когда наступала ночь послѣ дня казней и пытокъ, больной умъ царя не могъ успокоиться, забыться сномъ. Его мучили болѣзненныя видѣнія: являлись окровавленныя замученныя имъ жертвы и требовали отчета. Иванъ былъ суевѣренъ, онъ начиналъ раскаиваться, молиться, накладывалъ на себя посты и эпитимьи, записывалъ въ поминальникъ имена казненныхъ. Такъ продолжалось до новаго раздраженія. Упоеніе казнями мѣшалось съ ханжествомъ и производило ужасающее впечатлѣніе на современниковъ. Всѣ казни и

пытки касались почти исключительно бояръ. Простого народа Иванъ не боялся и не трогалъ. Исключеніе составляетъ разгромъ возставшаго и вспомнившаго свою былую вольность, Новгорода въ 1570 году. Здѣсь ужъ пощады не было никому. Самый характеръ борьбы Ивана съ боярствомъ объясняется нравомъ, даже болѣзнью царя, но происхожденіе борьбы лежитъ глубже — въ томъ положеніи, какое заняла власть государя со времени Ивана III, и какое занимало боярство. Крамола, недовольство, разумѣется, были въ боярствѣ на самомъ дѣлѣ, а не только въ больномъ воображеніи царя. Въ чемъ же причина этой крамолы?

Въ удѣльныя времена Москва привлекала къ себѣ знатное боярство, которое искало выгодъ около богатаго князя. Отношенія между княземъ и боярами были самыя дружескія, крамолы быть не могло, такъ какъ въ случаѣ недовольства княземъ бояре могли свободно отъѣзжать къ какому-нибудь удѣльному князю. Со времени уничтоженія удѣловъ недовольнымъ боярамъ отъѣзжать стало некуда. Если кто-нибудь, какъ князь Курбскій, уѣзжали, недовольные и обиженные царемъ, въ Литву, ихъ считали измѣнниками государству и преступниками. Ужъ если слугу Курбскаго, привезшаго письмо отъ него къ Ивану Грозному, царь казнилъ, то навѣрно не остаться бы въ живыхъ и самому князю, если бы онъ вздумалъ вернуться въ Москву. Со времени присоединенія удѣловъ къ Москвѣ много новыхъ знатныхъ боярскихъ фамилій вошло въ число московскаго боярства. Среди этихъ бояръ были и бывшіе удѣльные князья, которые сожалѣли о своей утраченной власти въ удѣлѣ и не могли помириться съ тѣмъ, что вся политическая власть принадлежитъ одному Московскому государю. Они считали, что онъ долженъ

дѣлиться этой властью съ ними и управлять государствомъ сообща. Характеръ Боярской Думы теперь значительно измѣнился. Вмѣсто прежнихъ введенныхъ бояръ— личныхъ слугъ государя—въ нее вошло теперь все знатное боярство съ князьями, требовавшими себѣ политической власти. Вмѣсто покорной совѣтчицы государя Дума стала оппозиціоннымъ учрежденіемъ, стремившимся, чтобы государственныя дѣла не рѣшались безъ его одобренія. А государь, признавая совѣты бояръ въ Думѣ, все же показывалъ на каждомъ шагу, что они его подданные, а онъ царь милостью Божьей. Вотъ это-то несоотвѣтствіе неограниченной власти государя съ политическими правами боярства создало борьбу царской власти съ боярствомъ.

Для борьбы съ знатнымъ боярствомъ Иванъ учредилъ „опричину". Опричниками сдѣлалъ незнатныхъ служилыхъ [1]) людей, возвышеніе которыхъ зависѣло исключительно отъ его власти, и поэтому Иванъ могъ ожидать отъ нихъ холопской вѣрности и охраны отъ крамольныхъ бояръ. Много бояръ Иванъ казнилъ, оставшихся перемѣстилъ въ другія области, пограничныя съ иноземными государствами. Ихъ же земли, болѣе доходныя и внутреннія, закрытыя отъ внѣшнихъ враговъ, Иванъ передалъ опричникамъ. Области, оставшіяся въ управленіи бояръ, стали называться „земщиной", Иванъ не считалъ бояръ способными измѣнить государству и русскому народу, иначе онъ не передалъ бы въ ихъ управленіе пограничныхъ областей, самыхъ близкихъ къ Польшѣ, шведамъ и татарамъ. Онъ ихъ считалъ опас-

---

[1]) Служилыми людьми назывались всѣ, составлявшіе войско.

ными лишь лично для себя и для царской самодержавной власти, поэтому онъ и оградилъ себя опричиной, удалившись въ 1564 году въ Александровскую слободу. Опричина была учреждена Иваномъ для борьбы съ самимъ порядкомъ, для того, чтобы сломить политическую власть знатнаго боярства. Но эта борьба оказалась не подъ силу: и онъ вырывалъ изъ боярства только отдѣльныхъ лицъ, казавшихся ему болѣе опасными.

Управленіе Московскимъ государствомъ въ XVI вѣкѣ.

Какъ же бояре управляли земщиной? Съ превращеніемъ отдѣльныхъ удѣловъ въ объединенное Московское государство управленіе стало болѣе сложнымъ. Въ Москвѣ, на мѣсто отдѣльныхъ лицъ,—введенныхъ бояръ стали приказы [1]), во главѣ приказа стоялъ „дьякъ“ (чиновникъ), и въ помощь ему давалась цѣлая канцелярія. Вмѣсто одного лица стало цѣлое учрежденіе . Приказы размножались по мѣрѣ надобности и во время Ивана Грознаго ихъ было уже очень много, главные изъ нихъ: приказъ Большой Казны, который завѣдывалъ доходами государства, Посольскій приказъ велъ сношенія съ иностранными государствами. Дьяки приказовъ входили въ Боярскую Думу такъ же, какъ въ удѣльныя времена введенные бояре.

Земли опричины управлялись точно такъ же, но лишь съ тою разницею, что дѣла опричныхъ земель не шли въ Думу, а представлялись прямо царю.

При Иванѣ Грозномъ измѣнено было областное

---

[1]) Приказъ отъ слова „приказывать“: государь приказывалъ какому-нибудь дьяку вѣдать такія-то дѣла

управленіе. Вслѣдствіе частыхъ жалобъ населенія на чрезмѣрные поборы намѣстниковъ-кормленщиковъ, назначавшихся отъ правительства, было предложено вмѣсто нихъ выбирать земскихъ старостъ для сбора податей и управленія и губныхъ старостъ для судебныхъ и полицейскихъ дѣлъ. Выборныя должностныя лица подчинены были прямо московскимъ приказамъ. Области, принявшія эти земскія выборныя учрежденія, облагались двойною податью. Въ пограничныхъ городахъ введена была должность воеводъ, которымъ принадлежала на только военная власть, но и надзоръ за земскими и губными старостами.

Сословія въ Московскомъ государствѣ.

Со времени объединенія Московскаго государства опредѣляются и обязанности подданныхъ государю и ихъ права, образуются сословія. Въ удѣльный періодъ всѣмъ служившимъ въ военной службѣ удѣльному князю, князь платилъ жалованье землей. Служба была добровольная, и если боярину казалось достаточно земли, доставшейся ему отъ отца, онъ не гнался за княжескимъ жалованьемъ и не служилъ. Московскій же князь потребовалъ на службу всѣхъ, владѣвшихъ землей. За службу онъ попрежнему давалъ помѣстье. Для того, чтобы опредѣлить, какого помѣстья заслуживало такое-то лицо, устраивались смотры, на которые и должны были являться всѣ военные въ полномъ вооруженіи, на коняхъ и съ холопами— „конны, людны и оружны“. На этихъ смотрахъ и происходило распредѣленіе помѣстій — „верстаніе“. Помѣстье давалось пожизненно, и помѣщикъ не могъ его оставить въ наслѣдство или продать. Только когда

онъ умиралъ, часть помѣстья давалась вдовѣ и малолѣтнимъ дѣтямъ„ на прожитокъ“. Кромѣ помѣстья было еще и другое землевладѣніе—вотчинное. Вотчинами назывались земли, дарованныя за особую услугу государемъ, купленныя, или доставшіяся по наслѣдству. Какъ служба оплачивалась землей, такъ и владѣніе землей обязывало къ службѣ. Вотчинами же владѣли не одни бояре, а также женщины и монастыри. Такъ какъ ни тѣ, ни другіе не могли отбывать военной службы, то они ставили за себя „даточныхъ“ людей, т. е. наемныхъ людей или холоповъ.

Военная служба была пожизненною, но это не значитъ, что всѣ помѣщики все время дѣйствительно служили. Они сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ и занимались хозяйствомъ, но по первому зову государя должны были являться на войну „конны, людны и оружны“. Инвалидовъ не вызывали на войну, но держали ихъ въ гарнизонахъ для охраны городовъ. Всѣ обязанные военной службой составляли служилое сословіе. Признаками служилаго сословія были: военная служба, помѣстное землевладѣніе и право не платить податей. Служилое сословіе раздѣлялось на болѣе знатныхъ и менѣе знатныхъ. Самые знатные имѣли право засѣдать въ Думѣ, затѣмъ была разница по мѣсту службы: московскіе служилые люди считались знатнѣе служившихъ по другимъ городамъ. Повышеніе по службѣ опредѣлялось двумя соображеніями: происхожденіемъ и выслугой: менѣе знатные въ силу своихъ заслугъ могли достигнуть только той должности, съ которой начиналъ свою службу болѣе знатный человѣкъ. Кромѣ различія по знатности, между служилыми людьми была еще большая имущественная разница. Между ними былъ и крупный землевладѣльческій классъ и мелкій.

Разница все увеличивалась въ теченіе XVI вѣка вслѣдствіе того, что крупные вотчинники, представля на смотръ гораздо больше людей, коней, и лучшаго вооруженія, чѣмъ мелкіе помѣщики, и верстались лучшимъ помѣстьемъ, такимъ образомъ, ихъ землевладѣніе увеличилось съ каждымъ смотромъ. Мелкіе же помѣщики и на смотру получали плохое помѣстье, а слѣдовательно никогда не могли оправиться и увеличить свое землевладѣніе.

Все остальное населеніе въ Московскомъ государствѣ, которое не несло военной службы, обязано было платить подати, или какъ въ то время говорили: „тянуть тягло„. Это тяглое сословіе раздѣлялось по способамъ добыванія средствъ къ жизни, т. е. по своимъ занятіямъ. Тяглое сословіе составляли: крестьяне, изъ которыхъ одни сидѣли на государевой землѣ — „черносошные“, другіе на владѣльческой — „помѣщичьи“ „дворцовые“ и „монастырскіе“, затѣмъ городскіе тяглецы—торговцы и ремесленники и, наконецъ—духовенство.

Крестьяне дворцовые [1]), помѣщичьи и монастырскіе, кромѣ государственныхъ податей, несли и еще повинности: они обрабатывали еще землю того владѣльца, на землѣ котораго сидѣли какъ бы въ уплату за пользованіе землей.

Крестьяне могли свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому въ извѣстные опредѣленные сроки, когда заканчивались полевыя работы, около Юрьева дня въ ноябрѣ. Но мѣнять свое тягло, свое занятіе, они не могли. Если отецъ крестьянинъ, то и сынъ всю жизнь обязанъ былъ оставаться

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что съ дворцовыхъ земель доходъ шелъ въ личную пользу государя.

крестьяниномъ. Доходы, которые крестьяне получали отъ обработки земли не покрывали всѣхъ ихъ многочисленныхъ расходовъ. Расходы эти шли разумѣется не на чрезмѣрныя потребности крестьянъ, жизнь ихъ была очень скудна, а на то громадное число податей, которое имъ приходилось платить государству. Они не имѣли средствъ обзаводиться самымъ необходимымъ для сельскаго хозяйства, и брали не только земледѣльческія орудія, но скотъ и даже зерно у помѣщика въ долгъ. А помѣщикъ своихъ должниковъ не выпускалъ съ земли пока они не уплатятъ долга да еще съ процентами. Крестьяне никогда не могли выпутаться изъ этихъ долговъ и волей неволей оставались на слѣдующіе сроки. Опять нужно было обсѣмененіе въ плохой годъ, а то падалъ скотъ или случалось другое какое несчастье— и крестьянину приходилось опять поклониться помѣщику, попросить въ долгъ. И помѣщикъ давалъ, но чѣмъ же было себя обезпечить? Онъ бралъ съ крестьянина „запись“, т. е. обязательство сидѣть на его землѣ не только долгіе годы, а иногда и „вѣчныя времена“. Такъ постепенно крестьяне теряли возможность переходить отъ помѣщика къ помѣщику и становились въ полную зависимость отъ своего господина. Вотъ какъ складывалось крѣпостное право.

Ремесленники и торговцы были прикрѣплены къ своему тяглу такъ же, какъ крестьяне къ своему: ремесленникъ—напримѣръ—никогда не могъ стать торговцемъ.

Это прикрѣпленіе всего тяглаго сословія къ своему тяглу государство дѣлало для того, чтобы никто не могъ уклоняться отъ податей. Съ крестьянъ эта подать взималась съ „сохи“, т. е. съ участка земли, который

запахивался одной сохой. Съ торговаго же и ремесленнаго населенія съ „животовъ и промысловъ“, т. е. съ доходовъ отъ торговли или ремесла.

Несмотря на всѣ старанія правительства уклонявшихся отъ податей было очень много, ихъ преслѣдовали, какъ бродягъ, и они бѣжали въ южныя степи, гдѣ занимались грабежомъ и разбоемъ. Такъ образовывалось вольное казачество въ степяхъ, гдѣ въ далекія времена Кіевской Руси рыскали кочевники.

Смутное время.

По смерти Ивана Грознаго въ 1584 году престолъ находился въ такомъ же положеніи, какъ и по смерти его отца. Правда, Ѳедоръ не былъ малолѣтнимъ по годамъ, но онъ былъ вѣчно малолѣтнимъ по разуму. Любитель церковныхъ службъ, пѣнія, звона и дѣтскихъ потѣхъ, онъ совсѣмъ не умѣлъ и не желалъ управлять государствомъ. Ему нужны были не совѣтчики, а прямо правители и опекуны. Такое мѣсто при немъ вскорѣ и занялъ братъ его жены Ирины Борисъ Годуновъ. Годуновъ не принадлежалъ къ древнему боярскому роду, а былъ потомкомъ тѣхъ татарскихъ выходцевъ, которыхъ такъ много селилось въ Руси со времени раздоровъ въ татарской ордѣ и усиленія Московскаго княжества. Бориса не любили бояре знатныхъ родовъ и завидовали его возвышенію. Борису же всѣ они стояли поперекъ дороги. Онъ искусно сумѣлъ отдалить знатныхъ бояръ отъ царя, кого назначивъ подальше отъ Москвы для военной обороны границъ, кого обвинилъ въ крамолѣ и отправилъ въ ссылку. Ему удалось даже удалить въ Угличъ младшаго царевича Дмитрія съ ма-

терью, седьмою женою Ивана, и ея братьями Нагими. Упрочивъ исключительное къ себѣ довѣріе Ѳедора, Борисъ очень умно правилъ государствомъ. При немъ Московское государство вело очень удачную войну со Швеціей, отнявъ города, завоеванные шведами при Иванѣ Грозномъ: Иванъ-Городъ, Копорье, Ямъ. Заведены были также правильныя сношенія съ Австріей и Англіей. Борисъ стремился провести и во внутреннемъ устройствѣ государства нѣкоторыя нововведенія по образцу болѣе культурныхъ государствъ, но это ему не удалось. Несмотря на весь свой государственный умъ, онъ не могъ одинъ уничтожить тѣхъ недостатковъ, которые накопились къ концу XVI вѣка. Недовольны были всѣ слои общества. Правительство сильно нуждалось въ средствахъ для постоянныхъ войнъ—нужны были деньги, нужно было войско. Тяглое сословіе доставляло деньги, служилое—войско. Тутъ уже Борисъ не могъ устроить такъ, чтобы уменьшить налоги и сократить службу. Взаимную борьбу боярства онъ еще обострилъ. Въ царствованіе Ѳедора все озлобленіе бояръ обратилось на Бориса, котораго они считали главнымъ виновникомъ своего устраненія отъ политической власти, своего униженія.

Въ 1591 году случилось событіе, которое съ одной стороны дало усилиться Борису, а съ другой послужило поводомъ къ его обвиненію боярами. Пришло извѣстіе, что въ Угличѣ зарѣзанъ Дмитрій. Борисъ послалъ на разслѣдованіе Василія Шуйскаго, который донесъ, что царевичъ самъ зарѣзался, упавъ въ припадкѣ болѣзни на ножъ. Мать его сейчасъ же была пострижена въ монастырь, слугъ растерзали горожане, узнать правду было трудно. Василій Шуйскій былъ изъ фамиліи, которую всѣ уважали, нельзя было ему не повѣрить. Но не дремали и

бояре. Сталъ раздаваться глухой ропотъ, что Дмитрій убитъ по приказанію Бориса, который хочетъ наслѣдовать бездѣтному Ѳедору.

Дѣйствительно, по смерти Ѳедора въ 1598 году наслѣдниковъ не осталось. За Бориса же былъ патріархъ. Патріаршество было учреждено при Ѳедорѣ и Борисъ провелъ въ патріархи Іова. До тѣхъ поръ митрополитовъ рукополагалъ греческій патріархъ, но съ усиленіемъ Московскаго государства, духовенство стало отстаивать свою самостоятельность, Борисъ это поддержалъ, и митрополиты стали рукополагать патріарха.

По смерти Ѳедора надо было избрать царя. Для этого Іовъ созвалъ земскій соборъ. Кромѣ Бориса были и другіе кандидаты на престолъ, но Іовъ такъ сумѣлъ настроить всѣхъ, что избрали Бориса. Борисъ долго отказывался. Бояре хотѣли ограничить его власть, ожидая, что Борисъ самъ добровольно подпишетъ свое ограниченіе. Но Борисъ перемолчалъ бояръ и былъ избранъ безъ ограниченія. Недовольныхъ его избраніемъ было много. Особенно соединялись недовольные вокругъ двухъ фамилій: Шуйскихъ и Романовыхъ. Зная это, Борисъ началъ выискивать предлогъ избавиться отъ нихъ. Романовыхъ онъ обвинилъ въ намѣреніи отравить его, и Ѳедора Романова велѣлъ постричь въ дальній монастырь, а другихъ братьевъ отправилъ въ ссылку. Изъ Шуйскихъ уцѣлѣлъ тоже только изворотливый и примѣняющійся къ обстоятельствамъ Василій Ивановичъ. Къ 1604 году подозрительность Бориса уже не уступала подозрительности Ивана Грознаго. Вернулись времена пытокъ и казней. При Иванѣ бояре, не снеся его жестокости, бѣжали въ Литву и Польшу, Бориса же они не считали законнымъ царемъ и смотрѣли на себя, какъ на

такихъ же законныхъ кандидатовъ, а потому не представляли невозможнымъ столкнуть Бориса съ того мѣста, которое онъ занялъ. Стали ходить темные слухи, что Дмитрій живъ, что онъ лишь до времени скрывается въ Польшѣ. Когда слухи дошли до Бариса, онъ прямо сказалъ, что это дѣло рукъ бояръ. Не только бояре, но и народъ охотно ждалъ Дмитрія. Во всѣхъ своихъ несчастьяхъ, задолженности помѣщикамъ, тяжести налоговъ, крестьяне обвиняли послѣднихъ царей и ждали облегченія отъ новаго царя. Въ 1604 году случился еще страшный голодъ отъ неурожая, и въ немъ народная молва обвинила Бориса.

Итакъ, всѣ ждали улучшенія своей жизни отъ перемѣны царя. Вскорѣ самозванецъ показался у Литовской границы съ польскими войсками. Къ нему стали стекаться всѣ недовольные: прежде всего голытьба — люди безъ занятій, безъ средствъ къ жизни, даже безъ пристаница, а такого народу по Руси слонялось много, это были убѣжавшіе отъ непосильныхъ налоговъ, изъ кабалы. Но примкнули къ самозванцу и бояре. Оставались вѣрными Борису мелкіе служилые люди и купечество. На пути самозванца многіе воеводы, отосланные Борисомъ подальше отъ Москвы, сдавали безъ бою города. Борисъ внезапно умеръ въ 1606 году, и это обстоятельство подвинуло и вѣрное ему до тѣхъ поръ населеніе признать самозванца. Лишь небольшая кучка бояръ присягнула Ѳедору, сыну Бориса, и отстаивала его отъ измѣнившихъ. Ѳедоръ былъ убитъ и самозванецъ вступилъ на престолъ. Лжедмитрій I продержался на престолѣ полтора года. Государственными дѣлами онъ занимался нисколько не хуже любого законнаго царя. Онъ никого не казнилъ, со всѣми былъ мягокъ, возвысилъ всѣхъ

униженныхъ при Борисѣ, особенно Нагихъ, какъ родственниковъ, и Романовыхъ; такъ Ѳедора Никитича, постриженнаго подъ именемъ Филарета, онъ велѣлъ посвятить Ростовскимъ митрополитомъ. Не нравилось только боярамъ и московскимъ тяглымъ людямъ, что Лжедмитрій привезъ въ Москву поляковъ, которые безцеремонно хозяйничали и обижали жителей, считая себя царской гвардіей. Не нравилось еще, что царь женился на полькѣ—Маринѣ Мнишекъ—и самъ не выказывалъ особеннаго усердія къ православнымъ обрядомъ, на которые были такими мастерами Иванъ Грозный и Ѳедоръ. Лжедмитрій при всей своей привѣтливости былъ очень самостоятельнымъ и не позволялъ боярамъ вертѣть собой. Это-то больше всего и не нравилось боярамъ, они опять ничего не достигли, не получили политическихъ правъ.

Какъ легко было поставить новаго царя, такъ казалось легко боярамъ и свести его. Бояре стали возбуждать московскую чернь противъ Лжедмитрія. Василій Шуйскій сталъ разсказывать, что царь—самозванецъ, ему охотно повѣрили, потому что онъ разслѣдовалъ дѣло объ убійствѣ царевича и собственными глазами могъ видѣть трупъ ребенка и мать его въ горѣ. Небольшой кучкѣ бояръ съ помощью московской черни, которую всегда можно натравить на все, если пообѣщать за это выпивку, удалось низвергнуть Лжедмитрія, никого не обижавшаго. Откуда-то вспыхнула такая злоба, что самозванца не просто убили, а растерзали и потомъ его трупомъ зарядили пушку и выстрѣлили.

Для избранія новаго царя не созывали Земскаго Собора, Соборъ составился лишь изъ московскихъ бояръ, купцовъ и духовенства. Избраннымъ оказался Василій Шуйскій. На этотъ разъ боярамъ удалось кое въ чемъ

ограничить власть царя. Передъ низверженіемъ Лжедмитрія бояре сговорились, что избранный изъ нихъ царемъ дастъ на себя запись, которой оградитъ бояръ отъ того произвола, какой они терпѣли при Иванѣ Грозномъ и Борисѣ. Въ этой грамотѣ царь обязывается „никого не казнить, не осудя съ боярами своими“ и не распространять опалы на семейства провинившихся. Эта грамота не предлагала что-нибудь новое и не ограничивала власть самодержавнаго государя, она ограничивала лишь произволъ царя и возстановляла права бояръ, какими они пользовались до Ивана Грознаго. Василій Шуйскій, избранный на престолъ, присягнулъ этой „подкрестной записи“. Но это могло успокоить лишь московскихъ бояръ. Смута не успокоилась, всколыхнулись уже всѣ недовольные слои народа.

Москва интересовалась тѣмъ, кто будетъ на престолѣ, провинціальнымъ же городамъ это было неважно. Народъ страдалъ подъ непосильными налогами и искалъ выхода изъ своего разоренія. Мелкіе служилые люди испытывали гнетъ отъ богатаго боярства, которое лишало мелкихъ помѣщиковъ рабочихъ рукъ, свозя крестьянъ къ себѣ. Эта „крестьянская возка“ и была постоянной причиной раздора крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Крупные помѣщики уплачивали мелкимъ долгъ крестьянъ, которыхъ послѣ этого владѣльцы не могли у себя удержать, переводили этотъ долгъ на себя, и крестьяне, переселенные къ нимъ, были уже вѣчно имъ должны. Мелкіе помѣщики были сильно заинтересованы въ ограниченіи правъ крупнаго боярства и въ смутѣ расчитывали достигнуть своей цѣли. Понятно, что мелкій служилый людъ не могъ удовлетвориться боярскимъ царемъ—Василіемъ Шуйскимъ.

Вскорѣ послѣ воцаренія Шуйскаго въ разныхъ мѣстахъ появилось нѣсколько самозванцевъ, изъ которыхъ самымъ сильнымъ оказался Лжедмитрій II въ селѣ Тушинѣ [1]), за что его потомъ и прозвали Тушинскимъ воромъ. Вокругъ него сплотилась прежде всего голытьба, затѣмъ провинціальные служилые люди и нѣсколько человѣкъ изъ знатныхъ бояръ, враждебныхъ Шуйскому. Между ними находился митрополитъ Филаретъ не то плѣнникомъ, не то по доброй волѣ. Вся Русская земля тогда подѣлилась на разбойничьи шайки вокругъ самозванцевъ, которые только грабили, а вопросомъ о престолѣ очень мало интересовались. Да это и понятно, такъ какъ большинство въ этихъ шайкахъ составляла голытьба, которой терять было нечего, а получить кое-что при общемъ безпорядкѣ было легко. Среди этой голытьбы много было казаковъ, пришедшихъ изъ степей, людей уже бывалыхъ и опытныхъ въ грабежахъ. Власть Тушинскаго вора распространилась главнымъ образомъ на сѣверные отъ Москвы города, но не дошла до самаго сѣвера. Въ Устюгѣ и Вологдѣ началось обратное движеніе противъ тушинцевъ. Объясняется это тѣмъ, что большинство населенія тамъ составляли черносошные крестьяне, не терпѣвшіе притѣсненій отъ помѣщика и испугавшіеся смуты, которая нарушитъ ихъ мирное хозяйство. Кто же былъ въ Москвѣ—Василій, Дмитрій или кто-нибудь другой—имъ было все рано, это было слишкомъ далеко и слишкомъ мало касалось ихъ. И крестьяне, подогрѣваемые воеводами приверженными Шуйскому, готовы были дать отпоръ нарушителямъ порядка.

Между тѣмъ въ Тушинѣ произошелъ расколъ: поляки,

---

[1]) Въ теперешней Тульской губерніи.

оставшіеся тамъ отъ перваго самозванца, стали тянуть къ своему королю Сигизмунду, который-воспользовавшись безпорядками, шелъ войной на Русскую землю. Вору съ немногими приверженцами пришлось бѣжать въ Калугу, гдѣ около него стало собираться казачество подъ предводительствомъ князя Шаховского.

А въ тушинскомъ лагерѣ явилась новая мысль: низвести Шуйскаго, а на его мѣсто поставить царя съ ограниченною властью, но не только въ пользу бояръ, а и мелкаго служилаго класса.

Въ это время польскій король Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ. Тушинцы и отправили къ нему посольство просить на царство въ Москву сына его Владислава. Во главѣ этого посольства былъ одинъ изъ мелкихъ провинціальныхъ служилыхъ людей—Салтыковъ, отъ его имени получилъ свое названіе и договоръ, который представило посольство Владиславу. Въ этомъ договорѣ первымъ условіемъ ставится неприкосновенность православія [1]). Власть государя ограничивается двумя учрежденіями: боярской думой и земскимъ соборомъ, который долженъ составляться изъ всѣхъ „чиновъ“ государства [2]). Земскій соборъ долженъ учреждать и измѣнять основные законы, дѣйствуетъ онъ вмѣстѣ съ государемъ, который на немъ предсѣдательствуетъ. Боярская дума вмѣстѣ съ государемъ занимается текущими, ежедневными—такъ сказать—дѣлами государства. Кромѣ того, въ договорѣ предъявляются къ государю требованія, направленныя прямо

---

[1]) Владиславъ былъ католикъ.

[2]) Т. е. такъ, какъ былъ земскій соборъ при Иванѣ Грозномъ.

вопреки боярству въ пользу мелкихъ служилыхъ людей: возвышать незнатныхъ людей по заслугамъ.

Владиславъ готовъ былъ принять московскій престолъ со всѣми ограниченіями, но разрѣшеніе его отца замедлилось. Онъ продолжалъ осаждать Смоленскъ, а воеводы его уже проникли въ глубь Московскаго государства, къ Троицкой лаврѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы.

Московское правительство должно было обороняться отъ двухъ враговъ: отъ поляковъ и отъ вора, шедшаго изъ Калуги. Василій послалъ отражать поляковъ своего племянника Михаила Скопина-Шуйскаго. Это былъ молодой, храбрый воевода—любимецъ москвичей. Чтобы пріобрѣсти поддержку противъ поляковъ, Михаилъ Шуйскій заключилъ союзъ со шведами и получилъ отъ нихъ войско, при помощи котораго въ одномъ мѣстѣ одержалъ побѣду надъ поляками. Москва торжествовала побѣду, но вдругъ на пиру Михаилъ Шуйскій внезапно умеръ. Его смерть подѣйствовала на всѣхъ удручающимъ образомъ, надежда на избавленіе отъ враговъ исчезла и москвичамъ не хотѣлось защищать Василія Шуйскаго отъ тушинцевъ; всѣмъ почему-то показалось, что онъ виноватъ въ безпорядкахъ, во всѣхъ тѣхъ бѣдахъ, которыя обрушились на Московское государство. Одинъ изъ предводителей шаекъ—Захаръ Ляпуновъ [1]) проникъ въ Москву и сталъ убѣждать москвичей свергнуть Шуйскаго. Никто не противодѣйствовалъ, кромѣ патріарха Гермогена [2]), и Ва-

---

[1]) Захаръ Ляпуновъ происходилъ изъ мелкихъ провинціальныхъ служилыхъ людей.

[2]) Понятно, что высшая духовная власть поддерживала высшую свѣтскую власть.

силій былъ сведенъ съ престола и постриженъ въ монастырь. Въ Москвѣ образовалось временное правительство изъ бояръ—„семибоярщина“. Ему оказалось не подъ силу бороться и съ воромъ и съ поляками. А между тѣмъ поляки обѣщали прогнать вора и очистить государство отъ воровскихъ шаекъ, если Москва признаетъ Владислава царемъ. Семибоярщина порѣшила пригласить Владислава. Взяли Салтыковскій договоръ, но отправили его не цѣликомъ, такъ какъ ему не могли сочувствовать бояре. Они его измѣнили: потребовали, чтобы Владиславъ принялъ православіе, а условіе о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ—выпустили. Какъ Салтыковскій договоръ цѣликомъ выражалъ интересы мелкихъ служилыхъ людей, такъ договоръ Семибоярщины ближе подходилъ къ интересамъ боярства, хотя ему и пришлось пойти на уступки: земскаго сбора они не рѣшились вычеркнуть изъ договора.

Какъ только отправлено было посольство къ Владиславу, поляки прогнали вора отъ Москвы, а сами уже, какъ друзья, вошли въ столицу. Но посольство не имѣло успѣха: Сигизмундъ не пускалъ сына, а хотѣлъ самъ безъ всякихъ ограниченій завладѣть московскимъ престоломъ. Послы, въ числѣ которыхъ былъ и митрополитъ Филаретъ, были объявлены польскими плѣнниками. Въ это время въ волжскихъ городахъ образуется большая рать подъ предводительствомъ Ляпунова, Заруцкаго и Болотникова. Эта рать хочетъ взять на себя защиту русской земли отъ поляковъ, отъ Владислава и Сигизмунда. Это была не простая шайка разбойниковъ, какъ раньше тушинцы и другіе самозванскія шайки. Это было цѣлое земское правительство, которое взяло на себя задачу возстановить порядокъ въ странѣ и очистить страну

отъ чужеземцевъ. Предводители созвали земскій соборъ, на которомъ были представители отъ тѣхъ областей, которыя не поддерживали Владислава. Этотъ земскій соборъ рѣшалъ дѣла уже отъ имени всей земли Но гдѣ же было этому земскому правительству возстановить порядокъ, когда главный составъ рати былъ изъ козаковъ, этихъ враговъ всякаго общественнаго порядка, которые никакъ не могли удержаться, чтобы не пограбить. Это земское правительство скоро распалось само собой.

А войска Сигизмунда тѣмъ временемъ подступали къ Москвѣ. Много русскихъ областей взято было польскими войсками. Упорно оборонялась Троицкая лавра, гдѣ монахи себя показали настоящими военными героями. Москвичи заперлись въ Кремлѣ съ патріархомъ Гермогеномъ и упорно держались.

Въ это время образовывается второе земское правительство, но уже совсѣмъ другого состава, чѣмъ первое. Воровскія шайки нарушали мирный ходъ крестьянской жизни, постоянно нанося вредъ хозяйству крестьянъ. Постоянный безпорядокъ въ странѣ разорялъ купечество, мѣшая торговлѣ внутри государства и торговымъ сношеніямъ съ иностранцами. Итакъ, въ сѣверныхъ областяхъ поднялась громадная рать изъ крестьянства и купечества на защиту общественаго порядка. Въ Нижнемъ Новгородѣ на площади мѣщанинъ Кузьма Мининъ сталъ призывать народъ ополчиться на защиту русской земли. Его сильно поддержала грамота съ такимъ же воззваніемъ отъ настоятеля Троицкой лавры. Предводителемъ всенароднаго ополченія выбрали опытнаго воеводу князя Пожарскаго. Народное ополченіе двигалось къ Москвѣ, разгоняя по дорогѣ разбойничьи шайки и хватая предводителей. Наконецъ, ополченіе

отогнало и поляковъ отъ Москвы, осаждавшихъ столицу вмѣстѣ съ казаками, бывшими защитниками русской земли отъ чужеземцевъ. Поляки были изгнаны изъ Москвы, но отъ Сигизмунда отдѣлаться было труднѣе. Временное правительство приступило къ созыву Земскаго собора. Земскій соборъ въ 1613 году былъ самый полный изъ всѣхъ соборовъ, созывавшихся до тѣхъ поръ и послѣ, потому что вся страна была теперь захвачена политической жизнью. Съѣхались даже изъ отдаленныхъ городовъ: многочисленное духовенство, служилые люди, посадскіе горожане—купечество и ремесленники, явились даже и черносошные крестьяне, которые прежними соборами не интересовались. Засѣданія собора происходили въ Успенскомъ соборѣ—самомъ обширномъ помѣщеніи тогда въ Москвѣ. Первымъ и главнымъ вопросомъ на Соборѣ былъ вопросъ о царѣ. Прежде всего рѣшено было не выбирать иностранца. Стали предлагать кандидатовъ изъ старинныхъ боярскихъ родовъ. Со времени избранія Бориса Годунова фамилія Романовыхъ стремилась выдвинуться. Борисъ лишилъ Ѳедора Романова возможности когда бы то ни было занять престолъ тѣмъ, что постригъ его въ монастырь, но Романовы не унялись. Ходили упорные слухи, что первый самозванецъ дѣтство свое провелъ въ домѣ Романовыхъ и былъ ихъ воспитанникомъ, дальше мы видѣли митрополита Филарета въ тушинскомъ лагерѣ, быть можетъ въ надеждѣ въ случаѣ побѣды вора занять близкое мѣсто къ престолу, получить—напримѣръ—патріаршество, затѣмъ тотъ же митрополитъ Филаретъ отправляется въ посольствѣ къ Владиславу, и не было бы ничего удивительнаго, если бы Владиславъ—сдѣлавшись русскимъ царемъ—осыпалъ милостями участво-

вавшихъ въ посольствѣ, но случилось иначе: вмѣсто почестей плѣнъ. У Филарета къ 1613 году подросъ сынъ Михаилъ, которому уже минуло 16 лѣтъ. Нашлись сторонники Романовыхъ, которые предложили на соборѣ избрать царемъ Михаила Романова. Первые заговорили о Михаилѣ представители городского тяглаго населенія. Это можетъ быть можно объяснить тѣмъ, что Романовы не состояли въ ненавистной всѣмъ опричнинѣ при Иванѣ Грозномъ, были гонимы при Борисѣ, котораго не считали законнымъ царемъ, а виновникомъ смуты и, наконецъ, соперничали съ Василіемъ Шуйскимъ, послѣднимъ царемъ за время смуты, котораго почему-то считали „несчастливымъ“ (принесшимъ въ государство несчастья). Мелкій служилый людъ ничего не имѣлъ противъ Романовыхъ, видя за все время смуты Филарета въ оппозиціи крупному боярству. Не испугались Михаила и бояре, разсуждая очень близоруко, радовались главнымъ образомъ молодости Михаила, надѣясь, что такой юный царь не будетъ ихъ притѣснять, а будетъ ихъ во всемъ слушаться. Настолько не боялись бояре Михаила, что даже сочли лишнимъ брать съ него „подкрестную запись“.

Когда Соборъ избралъ царемъ Михаила, то отправилъ къ нему посольство въ Ипатьевскій монастырь подъ Костромой, гдѣ онъ жилъ со своею матерью-монахиней. Михаилъ долго отказывался, опасаясь, что смута еще не кончилась, наконецъ, согласился. Ему былъ устроенъ торжественный въѣздъ въ Москву, и Москва искренно радовалась наступавшему успокоенію.

Земскій Соборъ продолжалъ засѣдать, придумывая способы водворенія порядка и поправленія разоренной государственной казны.

Смута кончилась. Каковы же были ея послѣдствія?

Крупное боярство начало смуту, стремясь добиться себѣ политическихъ правъ, но оно требовало не новаго строя, не шло впередъ, наоборотъ, оно возвращалось назадъ къ возстановленію старыхъ правъ, которыя существовали до объединенія государства. Понятно, что стремленія эти были безуспѣшны: историческая жизнь никогда не можетъ вернуться назадъ, она неумолимо движется впередъ. Боярство погибло въ смутѣ, осталось очень мало старинныхъ родовъ, которымъ уже не подъ силу стало бороться съ многочисленнымъ мелкимъ служилымъ классомъ.

Мелкій же служилый классъ выигралъ въ смутѣ. Прежде всего устранился съ его дороги его главный врагъ—крупное боярство. Стремленія мелкаго служилаго класса были сходны съ боярскими: онъ тоже добивался себѣ политическихъ правъ. Но это не было возвращеніемъ назадъ: мелкій служилый классъ народился лишь съ объединеніемъ государства и въ XVI—XVII вѣкахъ шелъ на смѣну отживающей родовой знати. Стремленія его, выразившіяся въ Салтыковскомъ договорѣ, почти были удовлетворены. Правда, никакого ограниченія своей власти, никакихъ обязательствъ новый царь не подписывалъ, но жизнь государственная послѣ смуты сложилась исключительно на пользу мелкому служилому классу: мелкіе служилые люди вошли въ составъ правительства и повышались по службѣ на основаніи личной выслуги, земскіе соборы въ теченіе XVII вѣка имѣли громадное вліяніе на государственныя дѣла.

Тяглое сословіе сначала совсѣмъ не принимало участія въ смутѣ, а потомъ поднялось для прекращенія безпорядка, безсознательно чувствуя, что эта смута не

можетъ пойти ему на пользу. Въ смутѣ принимала участіе только часть этого тяглаго сословія, отколовшаяся уже отъ него и выбившаяся изъ колеи обычной жизни — это многочисленный „вольный гулящій людъ“, которымъ крупное боярство и мелкій служилый классъ пользовались, какъ орудіемъ въ своей борьбѣ.

Послѣ смуты явились новыя государственныя понятія. Раньше земля и государь были нераздѣлимы, народъ же сидѣлъ на государевой землѣ Послѣ смуты стало понятно, что нераздѣлимы народъ и земля, народъ и государство, а царь—избранникъ народа и существуетъ для него. Эти понятія тщательно изгонялись послѣдующими государями, которымъ гораздо пріятнѣе было быть помазанниками и избранниками Божьими, чѣмъ народными.

Время Земскихъ Соборовъ.

Новому правительству пришлось прежде всего заняться изгнаніемъ изъ государства воровскихъ шаекъ, поляковъ и шведовъ. Во время междуцарствія, шведскій король Густавъ-Адольфъ, подобно Сигизмунду, тоже не прочь былъ занять московскій престолъ. Шведскія войска успѣли уже захватить Новгородъ и нѣкоторые другіе города. Московское правительство выслало противъ шведовъ войска, и имъ удалось вернуть отнятое и добиться отказа Густава-Адольфа отъ московскаго престола. Но за это русскіе обязывались уступить шведамъ Иванъ-городъ, Ямы, Орѣшекъ, Копорье и уплатить 20,000 рублей деньгами. Въ 1616 году, въ Столбовѣ заключенъ былъ вѣчный миръ, и съ этихъ поръ шведы стали на сторону московскаго государства

противъ самаго его опаснаго врага—поляковъ. Королевичъ Владиславъ шелъ самъ къ Москвѣ и взялъ уже много городовъ. Одновременно съ этимъ малороссійскіе казаки, зависимые тогда отъ Польши, осаждали южные русскіе города. Но русскимъ войскамъ все же удалось не пустить непріятеля къ Москвѣ и, отдавъ Смоленскъ и Сѣверскую область полякамъ, заключить съ ними Деулинское перемиріе въ 1619 году. Здѣсь произошелъ и размѣнъ плѣнными: отецъ царя, митрополитъ Филаретъ, возвратился въ Москву. Вскорѣ онъ былъ посвященъ патріархомъ. Филаретъ сталъ постояннымъ совѣтчикомъ своего сына-царя, юнаго и незамѣтнаго, и скоро выдвинулся на первое мѣсто. Всѣ дѣла подписывались обоими именами—царя и патріарха. Такимъ образомъ, государство очутилось въ сильныхъ и самовластныхъ рукахъ, однако, государи не рѣшались править одни, безъ поддержки народа. Казна была сильно истощена, внѣшнее положеніе государства шатко,—слишкомъ рискованно было править при такихъ условіяхъ, опираясь только на право власти безъ одобренія народа. Съ самаго избранія Михаила, Земскій Соборъ не распускался, лишь черезъ годъ, черезъ два обновлялся составъ его выборныхъ. Земскій Соборъ вѣдалъ очень разнообразныя дѣла, рѣшая вопросы: вести войну или нѣтъ? Какимъ способомъ увеличить государственный доходъ [1])? Заключать ли торговые договоры съ иностранцами? Принимать ли новое законодательство? Всѣ эти дѣла обсуждались на Соборѣ, и правительство чутко прислушивалось къ голосу Собора. Въ государствѣ не было такого закона, чтобы постановленія Земскаго

---

[1]) Вопросъ о налогахъ.

вопреки боярству въ пользу мелкихъ служилыхъ людей: возвышать незнатныхъ людей по заслугамъ.

Владиславъ готовъ былъ принять московскій престолъ со всѣми ограниченіями, но разрѣшеніе его отца замедлилось. Онъ продолжалъ осаждать Смоленскъ, а воеводы его уже проникли въ глубь Московскаго государства, къ Троицкой лаврѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы.

Московское правительство должно было обороняться отъ двухъ враговъ: отъ поляковъ и отъ вора, шедшаго изъ Калуги. Василій послалъ отражать поляковъ своего племянника Михаила Скопина-Шуйскаго. Это былъ молодой, храбрый воевода—любимецъ москвичей. Чтобы пріобрѣсти поддержку противъ поляковъ, Михаилъ Шуйскій заключилъ союзъ со шведами и получилъ отъ нихъ войско, при помощи котораго въ одномъ мѣстѣ одержалъ побѣду надъ поляками. Москва торжествовала побѣду, но вдругъ на пиру Михаилъ Шуйскій внезапно умеръ. Его смерть подѣйствовала на всѣхъ удручающимъ образомъ, надежда на избавленіе отъ враговъ исчезла и москвичамъ не хотѣлось защищать Василія Шуйскаго отъ тушинцевъ; всѣмъ почему-то показалось, что онъ виноватъ въ безпорядкахъ, во всѣхъ тѣхъ бѣдахъ, которыя обрушились на Московское государство. Одинъ изъ предводителей шаекъ—Захаръ Ляпуновъ [1]) проникъ въ Москву и сталъ убѣждать москвичей свергнуть Шуйскаго. Никто не противодѣйствовалъ, кромѣ патріарха Гермогена [2]), и Ва-

---

[1]) Захаръ Ляпуновъ происходилъ изъ мелкихъ провинціальныхъ служилыхъ людей.

[2]) Понятно, что высшая духовная власть поддерживала высшую свѣтскую власть.

силій былъ сведенъ съ престола и постриженъ въ монастырь. Въ Москвѣ образовалось временное правительство изъ бояръ—„семибоярщина“. Ему оказалось не подъ силу бороться и съ воромъ и съ поляками. А между тѣмъ поляки обѣщали прогнать вора и очистить государство отъ воровскихъ шаекъ, если Москва признаетъ Владислава царемъ. Семибоярщина порѣшила пригласить Владислава. Взяли Салтыковскій договоръ, но отправили его не цѣликомъ, такъ какъ ему не могли сочувствовать бояре. Они его измѣнили: потребовали, чтобы Владиславъ принялъ православіе, а условіе о возвышеніи незнатныхъ людей по заслугамъ—выпустили. Какъ Салтыковскій договоръ цѣликомъ выражалъ интересы мелкихъ служилыхъ людей, такъ договоръ Семибоярщины ближе подходилъ къ интересамъ боярства, хотя ему и пришлось пойти на уступки: земскаго сбора они не рѣшились вычеркнуть изъ договора.

Какъ только отправлено было посольство къ Владиславу, поляки прогнали вора отъ Москвы, а сами уже, какъ друзья, вошли въ столицу. Но посольство не имѣло успѣха: Сигизмундъ не пускалъ сына, а хотѣлъ самъ безъ всякихъ ограниченій завладѣть московскимъ престоломъ. Послы, въ числѣ которыхъ былъ и митрополитъ Филаретъ, были объявлены польскими плѣнниками. Въ это время въ волжскихъ городахъ образуется большая рать подъ предводительствомъ Ляпунова, Заруцкаго и Болотникова. Эта рать хочетъ взять на себя защиту русской земли отъ поляковъ, отъ Владислава и Сигизмунда. Это была не простая шайка разбойниковъ, какъ раньше тушинцы и другіе самозванскія шайки. Это было цѣлое земское правительство, которое взяло на себя задачу возстановить порядокъ въ странѣ и очистить страну

отъ чужеземцевъ. Предводители созвали земскій соборъ, на которомъ были представители отъ тѣхъ областей, которыя не поддерживали Владислава. Этотъ земскій соборъ рѣшалъ дѣла уже отъ имени всей земли. Но гдѣ же было этому земскому правительству возстановить порядокъ, когда главный составъ рати былъ изъ козаковъ, этихъ враговъ всякаго общественнаго порядка, которые никакъ не могли удержаться, чтобы не пограбить. Это земское правительство скоро распалось само собой.

А войска Сигизмунда тѣмъ временемъ подступали къ Москвѣ. Много русскихъ областей взято было польскими войсками. Упорно оборонялась Троицкая лавра, гдѣ монахи себя показали настоящими военными героями. Москвичи заперлись въ Кремлѣ съ патріархомъ Гермогеномъ и упорно держались.

Въ это время образовывается второе земское правительство, но уже совсѣмъ другого состава, чѣмъ первое. Воровскія шайки нарушали мирный ходъ крестьянской жизни, постоянно нанося вредъ хозяйству крестьянъ. Постоянный безпорядокъ въ странѣ разорялъ купечество, мѣшая торговлѣ внутри государства и торговымъ сношеніямъ съ иностранцами. Итакъ, въ сѣверныхъ областяхъ поднялась громадная рать изъ крестьянства и купечества на защиту общественаго порядка. Въ Нижнемъ Новгородѣ на площади мѣщанинъ Кузьма Мининъ сталъ призывать народъ ополчиться на защиту русской земли. Его сильно поддержала грамота съ такимъ же воззваніемъ отъ настоятеля Троицкой лавры. Предводителемъ всенароднаго ополченія выбрали опытнаго воеводу князя Пожарскаго. Народное ополченіе двигалось къ Москвѣ, разгоняя по дорогѣ разбойничьи шайки и хватая предводителей. Наконецъ, ополченіе

отогнало и поляковъ отъ Москвы, осаждавшихъ столицу вмѣстѣ съ казаками, бывшими защитниками русской земли отъ чужеземцевъ. Поляки были изгнаны изъ Москвы, но отъ Сигизмунда отдѣлаться было труднѣе. Временное правительство приступило къ созыву Земскаго собора. Земскій соборъ въ 1613 году былъ самый полный изъ всѣхъ соборовъ, созывавшихся до тѣхъ поръ и послѣ, потому что вся страна была теперь захвачена политической жизнью. Съѣхались даже изъ отдаленныхъ городовъ: многочисленное духовенство, служилые люди, посадскіе горожане—купечество и ремесленники, явились даже и черносошные крестьяне, которые прежними соборами не интересовались. Засѣданія собора происходили въ Успенскомъ соборѣ—самомъ обширномъ помѣщеніи тогда въ Москвѣ. Первымъ и главнымъ вопросомъ на Соборѣ былъ вопросъ о царѣ. Прежде всего рѣшено было не выбирать иностранца. Стали предлагать кандидатовъ изъ старинныхъ боярскихъ родовъ. Со времени избранія Бориса Годунова фамилія Романовыхъ стремилась выдвинуться. Борисъ лишилъ Ѳедора Романова возможности когда бы то ни было занять престолъ тѣмъ, что постригъ его въ монастырь, но Романовы не унялись. Ходили упорные слухи, что первый самозванецъ дѣтство свое провелъ въ домѣ Романовыхъ и былъ ихъ воспитанникомъ, дальше мы видѣли митрополита Филарета въ тушинскомъ лагерѣ, быть можетъ въ надеждѣ въ случаѣ побѣды вора занять близкое мѣсто къ престолу, получить—напримѣръ—патріаршество, затѣмъ тотъ же митрополитъ Филаретъ отправляется въ посольствѣ къ Владиславу, и не было бы ничего удивительнаго, если бы Владиславъ—сдѣлавшись русскимъ царемъ—осыпалъ милостями участво-

вавшихъ въ посольствѣ, но случилось иначе: вмѣсто почестей плѣнъ. У Филарета къ 1613 году подросъ сынъ Михаилъ, которому уже минуло 16 лѣтъ. Нашлись сторонники Романовыхъ, которые предложили на соборѣ избрать царемъ Михаила Романова. Первые заговорили о Михаилѣ представители городского тяглаго населенія. Это можетъ быть можно объяснить тѣмъ, что Романовы не состояли въ ненавистной всѣмъ опричнинѣ при Иванѣ Грозномъ, были гонимы при Борисѣ, котораго не считали законнымъ царемъ, а виновникомъ смуты и, наконецъ, соперничали съ Василіемъ Шуйскимъ, послѣднимъ царемъ за время смуты, котораго почему-то считали „несчастливымъ“ (принесшимъ въ государство несчастья). Мелкій служилый людъ ничего не имѣлъ противъ Романовыхъ, видя за все время смуты Филарета въ оппозиціи крупному боярству. Не испугались Михаила и бояре, разсуждая очень близоруко, радовались главнымъ образомъ молодости Михаила, надѣясь, что такой юный царь не будетъ ихъ притѣснять, а будетъ ихъ во всемъ слушаться. Настолько не боялись бояре Михаила, что даже сочли лишнимъ брать съ него „подкрестную запись“.

Когда Соборъ избралъ царемъ Михаила, то отправилъ къ нему посольство въ Ипатьевскій монастырь подъ Костромой, гдѣ онъ жилъ со своею матерью-монахиней. Михаилъ долго отказывался, опасаясь, что смута еще не кончилась, наконецъ, согласился. Ему былъ устроенъ торжественный въѣздъ въ Москву, и Москва искренно радовалась наступавшему успокоенію.

Земскій Соборъ продолжалъ засѣдать, придумывая способы водворенія порядка и поправленія разоренной государственной казны.

Смута кончилась. Каковы же были ея послѣдствія?

Крупное боярство начало смуту, стремясь добиться себѣ политическихъ правъ, но оно требовало не новаго строя, не шло впередъ, наоборотъ, оно возвращалось назадъ къ возстановленію старыхъ правъ, которыя существовали до объединенія государства. Понятно, что стремленія эти были безуспѣшны: историческая жизнь никогда не можетъ вернуться назадъ, она неумолимо движется впередъ. Боярство погибло въ смутѣ, осталось очень мало старинныхъ родовъ, которымъ уже не подъ силу стало бороться съ многочисленнымъ мелкимъ служилымъ классомъ.

Мелкій же служилый классъ выигралъ въ смутѣ. Прежде всего устранился съ его дороги его главный врагъ—крупное боярство. Стремленія мелкаго служилаго класса были сходны съ боярскими: онъ тоже добивался себѣ политическихъ правъ. Но это не было возвращеніемъ назадъ: мелкій служилый классъ народился лишь съ объединеніемъ государства и въ XVI—XVII вѣкахъ шелъ на смѣну отживающей родовой знати. Стремленія его, выразившіяся въ Салтыковскомъ договорѣ, почти были удовлетворены. Правда, никакого ограниченія своей власти, никакихъ обязательствъ новый царь не подписывалъ, но жизнь государственная послѣ смуты сложилась исключительно на пользу мелкому служилому классу: мелкіе служилые люди вошли въ составъ правительства и повышались по службѣ на основаніи личной выслуги, земскіе соборы въ теченіе XVII вѣка имѣли громадное вліяніе на государственныя дѣла.

Тяглое сословіе сначала совсѣмъ не принимало участія въ смутѣ, а потомъ поднялось для прекращенія безпорядка, безсознательно чувствуя, что эта смута не

вавшихъ въ посольствѣ, но
почестей плѣнъ. У Филарета
сынъ Михаилъ, которому
шлись сторонники Романовы
на соборѣ избрать царемъ
заговорили о Михаилѣ
населенія. Это можетъ
что Романовы не состоя
нинѣ при Иванѣ Грозном
котораго не считали за
смуты и, наконецъ,
скимъ, послѣднимъ
почему-то считали
государство несчастьем
не имѣлъ противъ
Филарета въ оппозиц
лись Михаила и бо
довались главным
дѣясь, что такой
а будетъ ихъ во
бояре Михаила,
„подкрестную за
Когда Собо
вилъ къ нему
подъ Костром
смута еще
Москва
Земск
способ
1
а будетъ ихъ во ... пришлось прежде всего за-
бояре Михаила, ... государства воровскихъ шаекъ,
„подкрестную за... Во время междуцарствія, швед-
Когда Собо...-Адольфъ, подобно Сигизмунду,
вилъ къ нему ... занять московскій престолъ. Швед-
подъ Костром... уже захватить Новгородъ и нѣко-
нахиней. Мих... Московское правительство выслало
смута еще ... войска, и имъ удалось вернуть отнятое
былъ устро... Густава-Адольфа отъ московскаго
Москва ... русскіе обязывались уступить шве-
Земск... Ямы, Орѣшекъ, Копорье и упла-
способ... рублей деньгами. Въ 1616 году, въ
... былъ вѣчный миръ, и съ этихъ
... стали на сторону московскаго государства

противъ самаго его опаснаго врага—поляковъ. Королевичъ Владиславъ шелъ самъ къ Москвѣ и взялъ уже много городовъ. Одновременно съ этимъ малороссійскіе казаки, зависимые тогда отъ Польши, осаждали южные русскіе города. Но русскимъ войскамъ все же удалось не пустить непріятеля къ Москвѣ и, отдавъ Смоленскъ и Сѣверскую область полякамъ, заключить съ ними Деулинское перемиріе въ 1619 году. Здѣсь произошелъ и размѣнъ плѣнными: отецъ царя, митрополитъ Филаретъ, возвратился въ Москву. Вскорѣ онъ былъ посвященъ патріархомъ. Филаретъ сталъ постояннымъ совѣтчикомъ своего сына-царя, юнаго и незамѣтнаго, и скоро выдвинулся на первое мѣсто. Всѣ дѣла подписывались обоими именами—царя и патріарха. Такимъ образомъ, государство очутилось въ сильныхъ и самовластныхъ рукахъ, однако, государи не рѣшались править одни, безъ поддержки народа. Казна была сильно истощена, внѣшнее положеніе государства шатко,—слишкомъ рискованно было править при такихъ условіяхъ, опираясь только на право власти безъ одобренія народа. Съ самаго избранія Михаила, Земскій Соборъ не распускался, лишь черезъ годъ, черезъ два обновлялся составъ его выборныхъ. Земскій Соборъ вѣдалъ очень разнообразныя дѣла, рѣшая вопросы: вести войну или нѣтъ? Какимъ способомъ увеличить государственный доходъ [1])? Заключать ли торговые договоры съ иностранцами? Принимать ли новое законодательство? Всѣ эти дѣла обсуждались на Соборѣ, и правительство чутко прислушивалось къ голосу Собора. Въ государствѣ не было такого закона, чтобы постановленія Земскаго

---

[1]) Вопросъ о налогахъ.

Собора были обязательны для государя. Государь имѣлъ право пойти наперекоръ всему Собору, но если государь, дѣйствительно, такъ поступалъ, ему на Соборѣ говорили: „безъ насъ задумалъ, самъ и дѣлай“, т. е. отказывались отъ добровольной помощи государственному дѣлу. А этотъ отказъ при разстроенной казнѣ значилъ очень много, потому что обязательными налогами при полномъ разстройствѣ финансовъ [1]) и администраціи [2]) не очень-то много можно было извлечь изъ народа. Если же Соборъ одобрялъ, напримѣръ, войну, то добровольно отыскивалъ на нее и средства, которыя всегда находились, разъ цѣль сознавалась и одобрялась населеніемъ. Если выгоды торговаго договора перевѣшивали, по мнѣнію Собора, тѣ неудобства, которыя могли отъ этого произойти, то и населенію легче было мириться съ ними, разъ оно сознательно къ нимъ относилось. Такъ было и съ законами: если они приняты Соборомъ, значитъ, народъ добровольно обязуется имъ повиноваться. Такимъ образомъ, согласіе или одобреніе какого-нибудь правительственнаго дѣйствія Соборомъ оказывало правительству сильную поддержку и давало увѣренность въ томъ, что его дѣйствія не встрѣтятъ отпора въ народѣ.

Итакъ, встрѣчая руководство и поддержку своей дѣятельности въ земскихъ соборахъ, царская власть нисколько не ограничивалась и, какъ только почувствовала себя достаточно окрѣпшей,—отдѣлилась отъ этого учрежденія: преемники Алексѣя Михайловича уже почти не созываютъ земскихъ соборовъ, и они сами собою вымираютъ къ XVIII вѣку.

---

[1]) Сборъ и распоряженіе денежными средствами государства.

[2]) Администрація—управленіе частями государства.

Что касается населенія, то оно не все интересовалось соборами. Крестьяне почти не принимали участія въ государственной жизни. Зато очень дорожили соборами служилые люди всѣхъ областей и купечество, которое, оправившись отъ смуты, быстро расширяетъ свои дѣла. Еще до смуты, въ XVI вѣкѣ, сильно распространяются ярмарки подъ вліяніемъ внѣшней торговли. Кромѣ стариннаго торговаго пункта—Новгорода, черезъ который велись всѣ сношенія съ Западной Европой, оживляется еще новый городъ—Архангельскъ. Черезъ него завязываются постоянныя торговыя сношенія съ Англіей. Это сильно оживляетъ сѣверный край, по которому проходятъ торговыя дороги къ Москвѣ. Въ XVII вѣкѣ была уже цѣлая сѣть дорогъ на сѣверѣ и въ срединѣ московскаго государства. Внѣшняя торговля замѣтно оживляетъ и внутреннюю. Купечеству было очень важно, чтобы московское государство заключало выгодные торговые договоры съ иностранными государствами, и оно болѣе всего интересовалось этими дѣлами на соборахъ. Совершенно иное отношеніе населенія было къ законодательству. Соборъ самъ не составлялъ законовъ, онъ только принималъ. Такъ, Уложеніе 1649 года составлялось комиссіей, назначенной правительствомъ изъ дьяковъ. Представители же отъ сословій въ Соборѣ подавали въ эту комиссію заявленія по отдѣльнымъ вопросамъ. Комиссія могла принимать эти заявленія въ соображеніе, могла и не принимать. Когда Уложеніе было составлено, его прочли Собору, а Соборъ, безъ всякой критики, молча, его принялъ.

Уложеніе царя Алексѣя—первый русскій сводъ законовъ. До тѣхъ поръ московское государство управлялось по Судебнику Ивана III, который касался только

суда, и отдѣльными царскими указами. Эти указы вошли въ Судебникъ Ивана IV, но и этотъ второй Судебникъ былъ очень недостаточнымъ руководствомъ для управленія.

Составленіе Уложенія было вызвано безпорядками въ началѣ царствованія Алексѣя, вступившаго на престолъ въ 1645 году по смерти своего отца Михаила.

Къ этому времени накопилось много недостатковъ управленія. Недовольство народа управленіемъ выразилось въ нѣсколькихъ очень серьезныхъ бунтахъ: въ Москвѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ—все противъ злоупотребленія подъячихъ, противъ ихъ взяточничества. Въ 1648 году началось засѣданіе Земскаго Собора для составленія Уложенія и для изысканія способовъ усмиренія безпорядковъ.

Много обычаевъ, создавшихся жизнью къ этому времени, вошло въ Уложеніе и получило силу закона. Вотъ почему закрѣпленіе крестьянъ, развивавшееся въ теченіе всего XVII вѣка, можно считать окончательнымъ съ 1649 года.

Еще въ царствованіе Василія Шуйскаго въ 1607 году было предписано тѣмъ крестьянамъ, которые были записаны въ теченіе пятнадцати лѣтъ до этого времени за однимъ владѣльцемъ, за нимъ оставаться и вѣчно. При Михаилѣ прежній пятилѣтній срокъ сыска бѣглыхъ былъ продленъ до десяти лѣтъ, а для крестьянъ, свезенныхъ незаконно другимъ землевладѣльцемъ, до пятнадцати лѣтъ. Въ годъ вступленія на престолъ Алексѣя была сдѣлана перепись населенія, въ которой всѣхъ крестьянъ записали за тѣми владѣльцами, за которыми ихъ застала перепись. Кромѣ того записаны были за владѣльцами даже крестьяне, сбѣжавшіе отъ нихъ не

больше десяти лѣтъ тому назадъ. Уложеніе не только признало за этой переписью значеніе закрѣпленія крестьянъ за владѣльцами, но и открыло полный просторъ помѣщикамъ закрѣпить за собою всѣхъ когда бы то ни было бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянъ: срокъ сыска бѣглыхъ былъ совсѣмъ уничтоженъ. Кромѣ того Уложеніе отстранило крестьянъ отъ государства какъ гражданъ, узаконивъ сложившійся къ тому времени обычай: искать и отвѣчать на судѣ за своихъ крестьянъ, какъ за холоповъ, долженъ былъ помѣщикъ, за исключеніемъ тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ—убійства и разбоя. За жестокое же обращеніе господина съ своими крестьянами и даже за неумышленное убійство Уложеніе не опредѣляетъ наказанія помѣщику.

Такъ крѣпостное право складывалось вслѣдствіе экономическихъ причинъ—задолженности крестьянъ—и поддерживалось правительствомъ, издававшимъ различные законы на пользу мелкаго служилаго класса.

Уложеніе закрѣпило окончательно къ тяглу и посадское населеніе. Этими мѣрами относительно крестьянъ и посадскаго населенія правительство пыталось избавить государство отъ вольнаго гулящаго люда, который такъ больно далъ себя чувствовать въ смутное время. Духовенство также подверглось стѣсненію въ Уложеніи: ему запрещено было пріобрѣтать вотчины, и это право исключительно осталось за служилымъ сословіемъ. Всѣ установленія, направленныя въ ущербъ тяглому сословію, шли несомнѣнно на пользу служилому сословію. Этого и слѣдовало ожидать, такъ какъ послѣ смуты преобладающее значеніе въ государствѣ получили мелкіе служилые люди.

Тяглому же населенію послѣ смуты жилось еще

тяжеле прежняго. Государственная казна была пуста, а расходовъ требовалось очень много, главнымъ образомъ на войны, которыя велись почти непрерывно въ теченіе всего XVII вѣка. Средства на веденіе этихъ войнъ вытягивались изъ податнаго сословія всѣми способами, Прежде всего правительство повышало старые налоги и вводило новые, такъ, напримѣръ, во время войнъ вводилась „полоняничная“ подать—на выкупъ плѣнныхъ, но такъ какъ войны почти не прерывались, то и подать эта стала постоянною. Затѣмъ измѣнена была единица крестьянскаво обложенія, такъ какъ прежнее посошное оказалось очень невыгоднымъ для государства. Дѣло въ томъ, что крестьяне, стремясь платить какъ можно меньше, забрасывали землю, запахивали меньшіе участки, чѣмъ могли, такимъ образомъ земля пустовала, продукта производилось въ странѣ меньше, чѣмъ можно было. Посошное обложеніе было замѣнено „подворнымъ“. Подать взималась со „двора“, т. е. съ крестьнской семьи, которую считали въ среднемъ состоящей изъ двухъ—трехъ взрослыхъ работниковъ и двухъ—трехъ взрослыхъ работницъ. По такому расчету правительство налагало извѣстную подать на всю крестьянскую общину, предоставляя уже самой общинѣ распредѣлять справедливо эту подать, сбавляя съ того двора, гдѣ было работниковъ меньше средняго, и набавля на тотъ, гдѣ было больше. Уклоняться отъ подати стало труднѣе и крестьяне считали ее тяжеле прежней.

Кромѣ этого нововведенія въ прямыхъ налогахъ въ XVII вѣкѣ введены были еще новые косвенные налоги [1]) на предметы первой необходимости, напри-

[1]) Косвеннымъ налогомъ называется налогъ на товаръ. Правительство взимаетъ этотъ налогъ съ того, кто произ-

мѣръ, на соль, которая тогда страшно поднялась въ цѣнѣ. Она стоила въ XVII вѣкѣ разъ въ десять дороже теперешняго. Хотя этотъ налогъ и давалъ большой доходъ казнѣ, но встрѣтилось столько неудобствъ для населенія, что его пришлось отмѣнить въ 1648 году. На это подвинула большая задержка въ торговлѣ рыбой, торговцы были сильно недовольны новымъ налогомъ. Когда началась война съ Польшей, правительство прибѣгло еще къ новому способу добыванія средствъ: оно выпустило мѣдныя деньги, которыя должны были идти за серебряныя. Надѣлано было слишкомъ много такихъ денегъ, да еще дѣлавшіе ихъ допустили злоупотребленія, надѣлавъ фальшивыхъ монетъ въ свою пользу. Деньги перестали годиться, ихъ никто не хотѣлъ мѣнять на серебряныя. Пришлось ихъ изъять изъ употребленія.

Всѣ эти мѣры правительства для добыванія средствъ тяжело отзывались на податномъ населеніи, и оно проявляло свой протестъ бунтами. Такъ разразился страшный бунтъ въ Псковѣ и потомъ въ Новгородѣ въ 1650 году изъ-за отправки правительствомъ хлѣба и

водитъ этотъ товаръ, а производитель товара въ свою очередь прибавляетъ къ цѣнѣ товара еще и налогъ, и такимъ образомъ налогъ платитъ покупатель. Главная разница между прямыми и косвенными налогами заключается въ томъ, что прямой налогъ платится всегда съ какого нибудь дохода или заработка, а косвенный съ потребленія товара и поэтому совершенно одинаково, что богатымъ человѣкомъ, что бѣднымъ. Но для богатаго заплатить двѣ копейки лишнихъ на фунтъ ничего не стоитъ, тогда какъ бѣдному это очень чувствительно. Самые справедливые изъ косвенныхъ налоговъ это налоги на предметы роскоши, которыхъ, конечно, бѣдный человѣкъ покупать не станетъ. Самые же тягостные это налоги на предметы первой необходимости, безъ которыхъ не можетъ обойтись самый бѣдный человѣкъ, какъ теперь, напримѣръ, на керосинъ, на спички

денегъ въ Швецію. Народъ говорилъ, что это измѣна бояръ, на самомъ же дѣлѣ это была уплата шведамъ военныхъ издержекъ по Столбовскому договору. Правительство очень мягко расправилось съ бунтовщиками изъ-за боязни новаго взрыва. Правительство все еще чувствовало свою слабость и одной рукой тянуло съ народа послѣднюю копейку, а другой заискивающе гладило его по головкѣ.

По мѣрѣ того, какъ оно чувствовало себя сильнѣе, оно круче поступало и съ подданными, когда тѣ нарушали его покой. Такъ было въ концѣ царствованія Алексѣя, въ 1670 году, когда разразился бунтъ Стеньки Разина. Его зачинщиками были донскіе казаки.

Донскіе казаки произошли точно такъ же, какъ и малороссійскіе, изъ бѣглыхъ крестьянъ, холоповъ и посадскихъ людей, не вынесшихъ своего непосильнаго тягла. Когда они оказались уже значительной силой, правительство не могло уже ихъ хватать и возвращать на родину и рѣшило, вмѣсто того, чтобы бороться съ ними, использовать ихъ для защиты Московскаго государства отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Такимъ образомъ прежніе бѣглецы—государственные преступники—оказались войскомъ на царской службѣ, пограничной стражей безопасности государства и получали даже жалованье отъ московскаго правительства. „Старые“, давно поселившіяся на Дону казаки, успѣвшіе обзавестись своимъ домомъ и землей, были друзьями московскаго правительства. Но на Донъ прибывали все новые и новые бѣглецы, совершенно неимущіе, такъ называемая — „голытьба“. Эта голытьба, разумѣется, была враждебна московскому правительству, которое

могло ихъ перехватать и вернуть ихъ бывшимъ хозяевамъ, ихъ угнетателямъ.

Одинъ изъ казаковъ, Степанъ Разинъ явился предводителемъ этой голытьбы, которая возстала противъ помѣщиковъ и значитъ противъ всего строя Московскаго государства, гдѣ землевладѣльческій классъ былъ господствующимъ и изъ него же состояло и правительство. Сначала возставшіе составляли лишь небольшую разбойничью шайку, которая начала свою дѣятельность съ грабежа персидскихъ береговъ Каспійскаго моря. По мѣрѣ успѣха грабежа шайка увеличивалась притокомъ все новыхъ и новыхъ бунтовщиковъ. Разинъ призывалъ въ свою шайку всѣхъ бѣдныхъ, всѣхъ обиженныхъ и обѣщалъ имъ имущественное равенство. Движеніе началось на низовьяхъ Волги, росло и захватывало собою тяглое населеніе изъ внутреннихъ областей Московскаго государства. Въ отдѣльныхъ городахъ воеводы своими силами не могли справиться съ возставшими, и московское правительство посылало настоящіе отряды войска, какъ противъ внѣшняго врага. Гдѣ не хватало военной силы, приходилось дѣйствовать хитростью противъ опаснаго врага, силы котораго были неизвѣстны и поднимались то тамъ, то здѣсь изъ нѣдръ — казалось самаго тихаго, самаго забитаго населенія. Наконецъ, Атаманъ Разинъ былъ схваченъ (и то благодаря измѣнѣ ему одного казака) и въ расправѣ съ нимъ московское правительство уже забыло свою прежнюю мягкость: Разинъ послѣ пытокъ былъ казненъ четвертованіемъ, это была и месть побѣжденному врагу и устрашеніе бунтующимъ. Предводителя не стало, и движеніе утихло, но въ памяти народной долго оставались пѣсни и разсказы о Разинѣ, какъ смѣломъ героѣ, какъ защитникѣ неимущихъ и

угнетенныхъ. Много разъ и позднѣе протестъ крестьянъ противъ своего угнетенія помѣщиками выражался подобнымъ стихійнымъ, неогранизованнымъ движеніемъ, безъ всякаго расчета на будущее, съ надеждой лишь на сегодняшній день, съ разбойничьимъ, жестокимъ способомъ дѣйствія. И чѣмъ бурнѣе проявляется такое движеніе, тѣмъ проще правительству съ нимъ справиться, подавить его. Это проявленіе протеста бунтами начинается съ того момента, какъ крестьянское населеніе попало подъ власть служилаго сословія, съ тѣхъ поръ, когда въ государствѣ рѣзко обособились двѣ части населенія: господа, живущіе на счетъ труда имъ подвластныхъ, и эти подвластные, отдающіе свой трудъ господамъ.

Мы видѣли, сколько было недостатковъ въ финансовомъ управленіи Московскаго государства XVII вѣка, какъ неудачны были всѣ попытки правительства поправить его. Не всѣ способы извлеченія средствъ изъ народа были пригодны: одни не пополняли казны, другіе вызывали безпорядки въ государствѣ. И это послѣднее обстоятельство указывало на одинъ важный недостатокъ государственнаго устройства—плохое административное управленіе, которое бы могло держать крѣпко во власти все населеніе. Такимъ образомъ реформы [1]) финансовъ и администраціи были на очереди русской жизни въ XVII вѣкѣ, но правительство было поглощено войнами и, кромѣ того, отличалось нерѣшительностью и медлительностью. Эти реформы предстояло произвести Петру Великому.

О войнахъ при Михаилѣ со шведами и поляками

---

[1]) Реформа—переустройство.

мы уже говорили, перейдемъ теперь къ войнамъ при Алексѣѣ и послѣ него.

Въ 1653 году малороссійскіе казаки попросили принять ихъ въ подданство Московскаго царя. Издавна они признавали надъ собою власть Польши. Они оказывали ей услугу, отражая набѣги татаръ, а сами тоже нападали на Крымъ. Чтобы лучше себѣ подчинить казачество, Польша подѣлила его на полноправныхъ казаковъ съ военнымъ устройствомъ и холоповъ, обрабатывавшихъ господскія земли. Притѣсняемые польскими помѣщиками, холопы бѣжали на самый югъ степей и образовали тамъ вольное казачество—Запорожскую Сѣчь. Польша хотѣла подчинить себѣ и запорожцевъ, но они не давались. Не чувствуя въ себѣ достаточно силы, казаки и обратились къ Московскому царю. Принять Малороссію въ подданство было рѣшено не сразу: долго на Соборѣ обсуждались могущія произойти отъ этого послѣдствія и ближайшее изъ нихъ—разрывъ съ Польшей. Наконецъ рѣшено было принять Малороссію, и въ 1654 году объявлена война съ Польшей. Она кончилась для русскихъ удачей. Это объясняется усиленіемъ Московскаго государства новыми хорошими военными силами казаковъ. Но послѣ первой удачи надо было удержать пріобрѣтенныя земли, а это было очень трудно Московскому государству, тѣмъ болѣе, что среди самихъ казаковъ вышелъ расколъ: часть ихъ стала опять тянуть къ Польшѣ. Послѣдствіемъ этого въ 1659 году началась опять война съ Польшей, и Малороссійскій вопросъ рѣшенъ былъ только въ 1667 году, когда по Андрусовскому перемирію Малороссія была подѣлена между Польшей и Московскимъ государствомъ слѣдующимъ образомъ: правый берегъ

Днѣпра отошелъ къ Польшѣ, а лѣвый къ Москвѣ. Съ присоединеніемъ Малороссіи Московское государство повышается въ своемъ международномъ положеніи, и Польша для него уже перестаетъ быть такимъ страшнымъ врагомъ, какъ раньше. Московское государство не останавливается только на оборонѣ своихъ границъ и предпринимаетъ наступательныя войны. Русскія войска совершаютъ далекіе походы, которые — правда — не всегда оканчиваются удачей. Малороссія вовлекла Московское государство еще въ войну съ Турціей при Ѳедорѣ, сынѣ и преемникѣ Алексѣя. Разрывъ съ Турціей произошелъ изъ-за того, что Турція приняла подъ свое покровительство измѣнившаго Москвѣ гетмана [1]) Дорошенко. Первый походъ русскихъ въ 1676 году былъ удаченъ: Дорошенко сдалъ осажденный русскими войсками городъ Чигиринъ, но на слѣдующій годъ турки его отняли. Заключено было перемиріе на двадцать лѣтъ, по которому Турція получила западную часть Малороссіи. Послѣ Ѳедора, во время правленія Софьи совершены были два похода на Крымъ. Причины, ихъ вызвавшія, были слѣдующія: въ 1686 году заключенъ былъ вѣчный миръ съ Польшей, подтверждающій всѣ условія Андрусовскаго перемирія, но съ тѣмъ, чтобы Московское государство помогло Польшѣ противъ Турціи. Для этой цѣли и были предприняты два трудныхъ для русскаго войска похода, которые и кончились полной неудачей. Причины этой неудачи заключалась въ слѣдующемъ: во-первыхъ, далекое разстояніе въ пустынныхъ степяхъ и при степ-

---

[1]) Гетманъ—утвержденный московскимъ правительствомъ казачій начальникъ.

ныхъ пожарахъ, а во-вторыхъ, плохое устройство войска, неудаченъ былъ также предводитель его Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ совсѣмъ неспособный къ лишеніямъ походной жизни, изнѣженный, хотя и съ большими дарованіями, ученый въ тиши своего кабинета. Эта война съ Турціей не окончилась и должна была продолжаться при Петрѣ Великомъ.

Мы говорили уже, что войны XVII вѣка стоили большихъ расходовъ. Посмотримъ же, какъ государство содержало войско, которое было почти постоянно въ дѣлѣ?

Мы знаемъ, что при образованіи Московскаго государства войско состояло изъ служилаго сословія, которое въ мирное время сидѣло въ своихъ помѣстьяхъ. Разумѣется, при частыхъ войнахъ такого войска было недостаточно. Уже при Иванѣ Грозномъ содержится постоянное войско—стрѣльцы. Но стрѣлецкое войско имѣло тогда значеніе не столько для далекихъ походовъ, сколько для охраны границъ и главнымъ образомъ особы царя, потому что почти половина—пять тысячъ изъ двѣнадцати—всего стрѣлецкаго войска находилась безотлучно въ Москвѣ и только остальныя семь тысячъ распредѣлялись по пограничнымъ городамъ. Рядовые стрѣльцы набирались изъ вольнаго гулящаго люда, но начальники ихъ—головы—назначались стрѣлецкимъ приказомъ изъ служилаго сословія. Низшія должности—сотниковъ, десятниковъ, приставовъ—могли занимать простые стрѣльцы, выдвинувшіеся своимъ трезвымъ и честнымъ поведеніемъ. Хотя стрѣлецкое войско и не распускалось по деревнямъ въ мирное время, какъ помѣщики, однако было тоже тяжело на подъемъ, такъ какъ у стрѣльцовъ были свои занятія и свои интересы, ничего общаго съ военными дѣлами

не имѣющіе. Дѣло въ томъ, что содержались стрѣльцы не такимъ способомъ, какъ теперешніе солдаты, а главнымъ образомъ доходами съ земли, которую правительство имъ раздавало вмѣсто жалованья. Стрѣльцовъ селили съ ихъ семьями за городомъ, въ особой стрѣлецкой слободѣ, гдѣ отводился имъ небольшой участокъ подъ домъ, дворъ и огородъ, а вблизи отъ слободы участокъ поля, десятины двѣ, три и лугъ. Такъ какъ съ одной земли стрѣлецъ не могъ содержать себя прилично, то ему давалось еще, въ видѣ добавки къ главному жалованью, нѣкоторое количество хлѣба, сукна на одежду и деньги. Кромѣ того стрѣльцы пользовались нѣкоторыми привилегіями [1]) передъ простыми гражданами, напримѣръ: правомъ безпошлинной торговли или ремесла. Стрѣльцы, занимавшіе должности сотниковъ, десятниковъ, приставовъ, получали и жалованья подъ всѣми видами больше. Стрѣлецкій голова, или полковникъ, значительно выдѣлялся своимъ жалованьемъ, получая земли отъ 25 десятинъ и болѣе, а денегъ разъ въ шесть, въ восемь больше рядового стрѣльца.

Пока русскимъ приходилось только отражать набѣги татаръ, хорошо было и стрѣлецкое войско, которое отличалось отъ обыкновенныхъ горожанъ только тѣмъ, что было вооружено. Но постоянныя войны съ шведами, поляками и турками въ XVII вѣкѣ указывали на недостатки русскаго войска по сравненію съ шведскимъ и польскимъ. Правительство уже при Михаилѣ стало нанимать иностранные полки, но содержаніе ихъ оказалось страшно дорого и, кромѣ того, на ихъ вѣр-

---

[1]) Привилегія — право преимущественное передъ другими людьми.

ность нельзя было полагаться, такъ какъ это были наемники и иностранцы, незаинтересованные въ успѣхахъ Московскаго государства. Рѣшено было завести свои солдатскіе полки, выучивъ ихъ на иноземный ладъ. Для этого приглашены были учителя офицеры-иностранцы, а солдатъ стали набирать изъ „охочихъ“ людей, которые являлись изъ вольнаго гулящаго люда и изъ даточныхъ. Въ слѣдующія царствованія количество этихъ полковъ все увеличивается, и при Ѳедорѣ они составляютъ уже половину всей арміи: 63 полка, отъ тысячи до тысячи семисотъ человѣкъ въ каждомъ. Всѣ эти попытки правительства улучшить русское войско наводили на мысль о коренномъ его переустройствѣ. Этимъ проектомъ [1]) занятъ былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей конца XVII вѣка, бояринъ Василій Васильевичъ Голицынъ. Подъ его руководствомъ работала цѣлая комиссія изъ служилыхъ людей. Первымъ дѣломъ ея была отмѣна „мѣстничества“. Мѣстничество въ старину было большимъ зломъ на войнѣ. Смыслъ его былъ въ томъ, что бояринъ, предки котораго были родовиты, т. е. происходили отъ старшихъ удѣльныхъ князей, не могъ встать подъ начальство боярина съ менѣе родовитыми предками. И это было дѣломъ не личнаго самолюбія, а родовой гордости. Если кто-нибудь лично рѣшался встать подъ начальство менѣе родовитаго боярина, то этимъ наносилъ „безчестіе“ всему своему роду. Такимъ образомъ, изъ-за мѣстничества приходилось поручать начальство надъ войскомъ не тому, кто былъ способнѣе, а тому, кто родовитѣе. Разумѣется, государство отъ этого не выигрывало, и очень часто

---

[1]) Проектъ—предположеніе.

государь въ силу необходимости принимать быть всѣмъ „безъ мѣстъ", т. е. на этотъ разъ не считаться. После смуты, когда родовитое боярство повымерло и выдвинулись мелкіе служилые люди, мѣстничество потеряло всякое значеніе. Боярство прежде всего и покончило съ этимъ пережиткомъ, но дальше этого не пошло, и реформа войска была отложена, ее предстояло произвести Петру Великому.

Умственная жизнь Московской Руси.

Мы видѣли, что въ теченіе XVII вѣка произошло много перемѣнъ въ общественной и политической жизни Московскаго государства. Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли въ умственной жизни русскаго народа. Образованные люди въ XVI вѣкѣ были въ монастыряхъ среди высшаго чернаго духовенства. Это образованіе было конечно очень одностороннее, касалось лишь религіозныхъ вопросовъ, иногда нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній. Умственнымъ центромъ, изъ котораго распространялось образованіе въ то время, можно считать Кіевскую духовную академію, основанную въ 1596 году для борьбы съ католичествомъ, такъ какъ тогда поняли, что самое вѣрное средство борьбы съ образованными католическими монахами ихъ же оружіемъ—образованіемъ. Какъ умственные интересы образованныхъ людей вращались исключительно около религіозныхъ вопросовъ, такъ и голова простого человѣка работала только надъ ними же. Въ царствованіе Алексѣя произошелъ такъ называемый расколъ русской церкви. Высшее духовенство бросило искру сомнѣнія и спора въ народъ, и она разгорѣлась до большого пожара. Начался расколъ изъ-за исправле-

нія богослужебныхъ книгъ. Книги богослужебныя были въ старину писанныя, и въ нихъ закралось много ошибокъ при перепискѣ. Еще съ Ивана Грознаго дѣлались попытки исправленія ихъ своими же русскими монахами. Народъ на это не обращалъ вниманія. При царѣ Алексѣѣ сталъ патріархомъ очень просвѣщенный по тому времени человѣкъ — Никонъ. Никонъ отличался твердостью и властностью характера: если онъ приходилъ къ какому-нибудь убѣжденію или рѣшенію, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ для его достиженія. Такъ, придя къ убѣжденію, что въ исправленныхъ богослужебныхъ книгахъ много ошибокъ, и черезъ нихъ православная церковь сильно отклонилась отъ своего образца Византійской (греческой) церкви, Никонъ рѣшилъ во что бы то ни стало исправить эти ошибки и заставить всѣхъ признать за истину исправленное. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на царя и для проведенія своей духовной реформы пользовался не только своимъ духовнымъ вліяніемъ пастыря, но и недуховною помощью правительственнаго воздѣйствія.

Никонъ поручилъ исправленіе книгъ наиболѣе образованнымъ людямъ того времени. Это были кіевскіе монахи, питомцы Кіевской академіи. Кіевская академія была устроена по образцу латинскихъ школъ, и въ ней изучался латинскій языкъ. Этого было достаточно, чтобы московское невѣжественное духовенство и простой народъ относились подозрительно къ академіи, считая ее зараженною ересью и католичествомъ. Недружелюбно встрѣтили и монаховъ. А тутъ еще пріѣзжалъ греческій патріархъ Паисій и указалъ на ошибки. Византію тоже считали зараженною ересью со времени ея подвластности туркамъ. Всѣ эти толки широко распространялись въ

темномъ народѣ, и накоплялся бурный протестъ противъ исправленныхъ книгъ. Разумѣется, причина этого въ глубокомъ невѣжествѣ, но обостреніе этого протеста было вызвано дѣйствіями Никона и правительства. Какъ въ X вѣкѣ сгоняли народъ въ рѣку для крещенія, считая, что князья лучше знаютъ, какова должна быть вѣра, такъ и въ XVII вѣкѣ въ уваженіи къ чужимъ убѣжденіямъ не ушли дальше. Никонъ считалъ, что достаточно съ высоты пратріаршаго престола объявить, что нужно вѣрить и молиться такъ, а не иначе, и всѣ сейчасъ перемѣнятъ свои взгляды. Но вѣдь, если въ двуперстномъ знаменіи или въ „трегубомъ аллилуіи“ люди видѣли спасеніе своей души, то не такъ-то легко было бросить это. Въ борьбѣ казалось спасеніе, подвигъ. И среди самыхъ упорныхъ раскольниковъ встрѣчаемъ необыкновенно сильныя личности, съ твердой волей, сильнымъ духомъ, готовыхъ идти на всякія истязанія за свои убѣжденія. Чѣмъ больше правительство преслѣдовало раскольниковъ, тѣмъ шире росла ихъ проповѣдь, тѣмъ больше было жертвъ. А правительство ссылало, заточало въ тюрьмы, сжигало „еретиковъ“ — старовѣровъ. Разумѣется, такими мѣрами ни просвѣтить, ни переубѣдить было нельзя, а раскольничье движеніе шло въ глубь страны, распространялось въ самыхъ глухихъ углахъ. Оно затихало лишь тогда, когда правительство ослабляло свою напряженность преслѣдованія.

Во второй половинѣ XVII вѣка среди высшихъ слоевъ московскаго общества замѣчается умственное движеніе и въ другомъ родѣ, движеніе уже свѣтское. Проникаютъ новыя мысли, новыя вѣянія изъ Западной Европы и находятъ откликъ среди русской боярской молодежи. Русская молодежь того времени получала очень

одностороннее образованіе, большей частью оно сводилось къ грамотѣ и чтенію священныхъ книгъ. Нѣкоторые занимались богословіемъ, процвѣтавшимъ въ Кіевской духовной академіи. Но время давало себя чувствовать и жажда знанія прорывалась. Молодые люди увлекались латинскимъ и польскимъ языкомъ и читали книги, попавшія изъ заграницы вмѣстѣ съ иноземными товарами. Эти книги не могли сообщить какихъ-нибудь научныхъ знаній, это были большею частью романы и повѣсти. Они замѣняютъ русскія сказки, составлявшія до тѣхъ поръ почти единственную умственную пищу свѣтскаго характера. Въ это время являются и русскія повѣсти. Большинство изъ нихъ имѣетъ на себѣ сильный отпечатокъ польскихъ и другихъ иностранныхъ повѣстей. На нѣкоторыхъ же отражается вліяніе чудодѣйственной силы житія святыхъ и сказокъ. Все же въ русскихъ поповѣстяхъ XVII вѣка замѣтно стремленіе подмѣтить типичныя, характерныя черты русской жизни. Такъ напримѣръ, повѣсть „О Фролѣ Скобѣевѣ и боярина Ордынъ-Нащокина дочери Аннушкѣ“ изображаетъ очень мѣткими чертами бытъ московскаго боярства, его нравы и обычаи. Въ повѣсти „О Фролѣ Скобѣевѣ“... разсказывается, какъ Фролъ женился увозомъ на Аннушкѣ, за что и былъ проклятъ ея отцомъ, но потомъ ловкостью и изворотливостью нажилъ себѣ состояніе и этимъ понравился тестю, который его и простилъ. Въ другихъ повѣстяхъ высказываются нравоученія, изображаются всевозможныя несчастья, постигшія человѣка за его пороки.

Проникаютъ въ юныя головы и кое-какіе обрывки научныхъ свѣдѣній. Дѣлается попытка создать и что нибудь свое. Это удается пока еще лишь въ исторіи.

Такъ, по распоряженію Никона, дѣлаютъ сводъ лѣтописи. Съ особеннымъ интересомъ читаютъ записки князя Курбскаго, бѣжавшаго въ Литву при Иванѣ Грозномъ. Своя литература все же была страшно бѣдна и русская молодежь набрасывалась на иностранную. Иностранной литературой можно было раздобыться въ Нѣмецкой слободѣ, пріютившейся на окраинахъ Москвы. Въ Нѣмецкой слободѣ жили всѣ иностранцы, пріѣхавшіе въ Москву.

Это были: лѣкаря, ремесленники, музыканты, архитекторы, всевозможные мастера, офицеры (приглашенные для обученія солдатъ на иностранный образецъ). Иностранцамъ было отведено особое мѣсто для жительства, чтобы они имѣли меньше сношеній съ москвичами и не заражали ихъ ересью. А ересью тогда называли и свѣтскія книги, и табакъ, и инструменты, и бритье бороды, и ношеніе короткаго нѣмецкаго кафтана. Самимъ иностранцамъ не безопасно было селиться въ городѣ по одиночкѣ, такъ какъ ихъ могли на каждомъ шагу оскорбить. Первымъ врагомъ ихъ было духовенство, которое всякое зло видѣло исходящимъ отъ иностранцевъ. Русскому молодому дворянину ходить въ Нѣмецкую слободу считалось позорнымъ, и тѣ, кто отваживался туда бѣгать тайкомъ отъ родителей, были настоящими героями, пренебрегшими общественнымъ мнѣніемъ. Новыя вѣянія коснулись и русской женщины.

Всѣ женщины знатнаго рода съ давнихъ временъ вели теремной, затворническій образъ жизни. Древняя славянка показывалась людямъ, но со времени введенія христіанства, подъ вліяніемъ монашескихъ проповѣдей, начинаютъ спасать отъ міра княжонъ, княгинь и боярышень. Боярышни до брака не открывали лица своимъ женихамъ, и только цари пользовались привиллегіей

„смотрѣть“ невѣстъ, но и это дѣлалось офиціально; знакомства, человѣческихъ отношеній между мужчиной и женщиной не было. Революціонеромъ въ этомъ отношеніи явился Алексѣй Михайловичъ. Онъ рано овдовѣлъ и часто запросто бывалъ у своего любимаго боярина Матвѣева, довольно просвѣщеннаго человѣка по тому времени. Царь познакомился у Матвѣева съ его воспитанницею, сиротою Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая потомъ и стала его женой. Это былъ первый случай простого человѣческаго знакомства между мужчиной и женщиной высшаго круга московскаго общества. Когда Наталья Кирилловна стала царицей, она только на особенныхъ торжествахъ соблюдала старинный обычай закрыванія лица тафтой, а запросто выходила къ боярамъ съ непокрытымъ лицомъ. То же дѣлали и ея падчерицы. И царевна Софья пошла дальше, отвоевавъ себѣ самостоятельность, сначала присутствуя при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ во время царствованія Ѳедора, а потомъ сдѣлавшись и сама правительницей при младшихъ братьяхъ. Софья была властной натурой, даровитой и не лишенной административныхъ способностей. Она получила образованіе у монаха Симеона Полоцкаго, питомца Кіевской Духовной Академіи, и это было чудомъ, такъ какъ до тѣхъ поръ царевны бывали едва грамотны. Алексѣй Михайловичъ сознавалъ потребность времени дать образованіе своимъ дѣтямъ, и только самаго младшаго и самаго способнаго—Петра онъ не успѣлъ обучить, оставивъ его еще трехлѣтнимъ послѣ своей смерти. Личность самого царя Алексѣя очень характерна для того переходнаго времени, какимъ была вторая половина XVII вѣка. Царь Алексѣй (1645—1676 г.) былъ человѣкомъ стараго

*

русскаго типа, боявшійся порвать со стариной, но уже „шалившій съ западной цивилизаціей“ (по выраженію профессора Ключевскаго), т. е. подражавшій внѣшней западной культурѣ. Онъ не хотѣлъ перенимать у иностранцевъ серьезныя вещи, такъ какъ это считалъ грѣхомъ, а забавы перенималъ. При немъ начали щеголять въ нѣмецкомъ платьѣ, при дворцѣ былъ устроенъ впервые театръ, въ которомъ давались представленія, заимствованныя изъ Польши, сначала въ Кіевѣ воспитанниками Духовной Академіи, а потомъ перешедшія и въ Москву. Эти представленія назывались мистеріями. Содержаніе мистерій бралось изъ Библіи. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ Алексѣя Михайловича шла мистерія: „Пещное дѣйство“, въ которомъ изображался извѣстный библейскій разсказъ о трехъ отрокахъ, не сгорѣвшихъ „въ пещи огненной“. На этихъ представленіяхъ присутствовала и вся семья царя. Предаваясь новымъ забавамъ, Алексѣй любилъ и серьезно послушать начитанныхъ, образованныхъ на иноземный ладъ людей, цѣнилъ ихъ умъ и дорожилъ ими для управленія государствомъ. Не производя гоненій на новые обычаи, онъ самъ боялся реформъ, необходимостъ которыхъ для государства сознавалъ, но слишкомъ ужъ онъ не любилъ тревожиться. Въ отношеніяхъ съ подданными онъ не походилъ на прежнихъ царей, недоступныхъ и всегда ставящихъ на видъ свою власть, не походилъ и на сына своего Петра, который игралъ людьми, какъ пѣшками.

Алексѣй уважалъ человѣка, и это давало возможность развиваться новымъ вліяніямъ подъ самымъ его носомъ, среди боярской молодежи, которая была у него на виду. Если самъ Алексѣй ничего не дѣлалъ для

обновленія строя русской жизни, то и не мѣшалъ ему. Вотъ это-то пассивное (бездѣятельное) отношеніе къ надвигающимся перемѣнамъ русской жизни и нужно отмѣтить, какъ характерную черту Алексѣя, какъ царя.

Отмѣтимъ еще двухъ выдающихся личностей XVII вѣка—Ордына-Нащокина и Василія Васильевича Голицына. Ордынъ-Нащокинъ занималъ при Алексѣѣ должность воеводы, и ему пришлось вести очень трудныя дипломатическія сношенія [1]) съ Польшей и Швеціей и съ малыми военными силами отстаивать русскіе города. Онъ выполнилъ съ большимъ успѣхомъ возложенныя на него обязанности. Ордынъ-Нащокинъ всегда возмущался взяточничествомъ служилыхъ людей, ихъ интригами и небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Онъ говорилъ, что нужно ставить на первый планъ дѣло, а не людей, и это было большою новостью. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами онъ требовалъ честности: разъ заключенъ извѣстный договоръ—нужно его выполнить. Такое серьезное пониманіе истинныхъ задачъ государства ставило его высоко въ глазахъ иностранцевъ, которые привыкли смотрѣть на русскихъ, какъ на дикарей, въ Ордынѣ-Нащокинѣ же видѣли себѣ ровню. Кромѣ такой осмысленной практической дѣятельности Ординъ-Нащокинъ составлялъ планы относительно будущаго въ государствѣ. Онъ говорилъ, что необходимо подражать Западу, но подражать со смысломъ, не безъ разбору, чего именно всегда и не хватало русскимъ. Относительно внутренняго управленія Нащокинъ находилъ, что должно быть болѣе правильное разграниченіе вѣдомствъ. Онъ видѣлъ

---

[1]) Дипломатическія сношенія — это переговоры между государствами о взаимныхъ правахъ и обязательствахъ.

большое зло въ излишнемъ давленіи, которое оказывали высшія учрежденія на подчиненныя имъ, и въ лишеніи самостоятельности этихъ низшихъ учрежденій. Онъ сознавалъ главный недостатокъ управленія Московскаго государства въ томъ, что управленіе населеніемъ было не для блага населенія, а для извлеченія изъ него средствъ, нужныхъ государству для войнъ. Однако, рекомендуя лишь частныя поправки тѣхъ или иныхъ недостатковъ государственнаго строя, онъ не задумывался о коренномъ переустройствѣ всего государственнаго строя. Дальше него въ своихъ планахъ шелъ представитель слѣдующаго поколѣнія — Голицынъ. Онъ былъ менѣе практиченъ, но зато и планы его были шире и выше. Онъ занималъ важную должность при Ѳедорѣ и особенно при Софьѣ, но въ жизненныхъ передѣлкахъ былъ меньше Нащокина, зато больше читалъ, былъ образованнѣе и болѣе размышлялъ. Онъ писалъ о необходимости свободы просвѣщенія, вѣротерпимости, предполагалъ освобожденіе крестьянъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ ушелъ далеко впередъ отъ своихъ современниковъ, и черезъ нѣсколько столѣтій для громаднаго большинства русскихъ людей они не были еще рѣшены и ясны. Мысль Голицына работала легко и свободно, но когда ему пришлось столкнуться съ жизнью и предводительствовать войсками въ Крымскихъ походахъ, онъ оказался совершенно безпомощнымъ съ плохимъ войскомъ въ степи, подожженной казаками.

Итакъ, мы видѣли, что къ концу XVII вѣка накопилось много потребностей въ перемѣнахъ не только въ государственномъ строѣ, но и въ строѣ умственномъ— такъ сказать—русскихъ людей. Ихъ перестало удовлетворять знаніе, завѣщанное стариной, мысль рвалась

на свободу и не терпѣла уже больше стѣсненія дозволеннаго и указаннаго духовенствомъ и старшими. Задержать теперь это стремленіе могъ только непомѣрный гнетъ обнищанія и утомленія при безпрерывныхъ и непосильныхъ войнахъ въ странѣ.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію жизни народа въ XVIII вѣкѣ, сдѣлаемъ краткій обзоръ судьбы царскаго престола послѣ Алексѣя до самостоятельнаго царствованія взрослаго Петра I.

Судьба Московскаго престола послѣ Алексѣя.

Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза, и отъ первой жены Милославской имѣлъ двухъ сыновей—Ѳедора и Ивана и шестерыхъ дочерей, а отъ второй жены Натальи Кирилловны Нарышкиной—сына Петра, которому было всего три года, когда отецъ умеръ. Царемъ сталъ послѣ Алексѣя четырнадцатилѣтній Ѳедоръ, такой слабый здоровьемъ, что вѣчно остался подросткомъ и нуждался въ постоянномъ руководствѣ близкаго человѣка. Руководителями его стали сначала его родственники Милославскіе, а потомъ другіе бояре, изъ которыхъ особенную извѣстность пріобрѣлъ Василій Васильевичъ Голицынъ. Всѣ же родственники царицы вдовы—Нарышкины и Матвѣевъ (воспитатель Натальи Кирилловны и любимецъ царя Алексѣя) были отстранены, Матвѣевъ даже обвиненъ въ измѣнѣ и отправленъ въ ссылку. Около Ѳедора всегда находилась его умная и способная старшая сестра—Софья. Она приглядывалась къ тому, какъ вершились государственныя дѣла и начала кое-что въ нихъ понимать, это было чудомъ для женщины того времени. Софья вышла изъ затворниче-

ской жизни царевенъ и сильно хотѣла не только понимать, но и вліять на государственныя дѣла. Когда умеръ Ѳедоръ въ 1682 году, не оставивъ дѣтей, наслѣдниками остались два брата: пятнадцатилѣтній больной Иванъ и десятилѣтній здоровый Петръ. Софьѣ, разумѣется, хотѣлось, чтобы царемъ былъ Иванъ, такъ какъ ближайшей руководительницей могла стать тогда она и у престола остаться желательныя для нея лица, которыя были и при Ѳедорѣ. Милославскіе тоже были несомнѣнно за Ивана и вели за него агитацію [1]) въ Боярской Думѣ и среди московскаго простонародья. Партія Нарышкиныхъ съ патріархомъ Іаковомъ во главѣ вела свою агитацію за Петра и на этотъ разъ побѣдила. Боярская Дума безъ участія Земскаго Собора [2]) избрала Петра, а толпа, собравшаяся у дворца, подтвердила крикомъ это избраніе. Теперь Софья и Милославскіе были отстранены, и у престола малолѣтняго Петра стали Нарышкины и Матвѣевъ, возвратившіеся изъ ссылки. Софья и Милославскіе не хотѣли уступить то, что—по ихъ мнѣнію—имъ принадлежало по праву, и стали подыскивать себѣ приверженцевъ, чтобы произвести переворотъ въ пользу Ивана, а на первый случай убрать ненавистныхъ Нарышкиныхъ. Для переворота нужна была сила. Эту силу отыскали въ стрѣльцахъ. Милославскіе воспользовались удобной минутой—безпорядками у стрѣльцовъ—и рѣшили это броженіе направ-

---

[1]) Вести агитацію—распространять, уговаривать, настаивать.

[2]) Эту побѣду Боярской Думы нельзя разсматривать какъ побѣду боярской знати, потому что здѣсь не было борьбы двухъ классовъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ въ смутное время, а просто борьба дворцовыхъ партій.

вить въ свою пользу. Они возбуждали стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ и, наконецъ, пустили слухъ, что Нарышкины извели царевича Ивана. Это послужило взрывомъ, и стрѣльцы бросились ко дворцу, ничего хорошенько не разобравши. Одни изъ нихъ были подкуплены Милославскими, другіе безсознательно тянулись за толпой, возбужденные общей стихійной злобой. Они перехватали Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукаго — начальника Стрѣлецкаго приказа, растерзали ихъ, обыскивали даже самый дворецъ, все ища какихъ-то измѣнниковъ. Царица Наталья и Петръ были смертельно напуганы, а Милославскіе торжествовали На первое время для нихъ была уже удача въ томъ, что погибли Нарышкины. Милославскіе не дремали и научили стрѣльцовъ, разумѣется обѣщая награду, подать въ Боярскую Думу челобитную, чтобы Иванъ былъ избранъ тоже царемъ, но какъ старшій—первымъ, а правительницей назначена Софья. Дума уступила силѣ стрѣльцовъ, боясь новыхъ безпорядковъ и кровопролитій. Теперь побѣда была на сторонѣ Милославскихъ: Наталью Кирилловну съ Петромъ удалили въ село Преображенское и Петра привозили въ Москву только для какого-нибудь торжественнаго богослуженія или пріема пословъ, когда нужно было показать обоихъ царей вмѣстѣ. Властолюбіе Софьи было удовлетворено, но положеніе ея не было прочнымъ. Стрѣльцы, доставившіе ей власть, рѣшили, что имъ уже все дозволено, что они могутъ вертѣть правительствомъ, на самомъ же дѣлѣ ихъ самихъ можно было направить въ любую сторону, нашелся бы руководитель. И такой руководитель нашелся—князь Хованскій, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, приверженный „старой вѣрѣ“. Раскольники расчитывали, что

стрѣльцы уже теперь такая сила, которой правительство не можетъ не уступить, а потому принялись усердно распространять свое ученье между стрѣльцами. Стрѣльцы представили правителтству требованіе пересмотрѣть вопросъ о вѣрѣ, допустивъ диспутъ (споръ) между представителями „старой вѣры“ и православнымъ духовенствомъ. Правительство исполнило это требованіе. Споръ былъ очень безпорядочный, никто никого не убѣдилъ, но стрѣльцы подкрѣпляли убѣжденіе угрозами и насиліемъ. Диспутъ кончился ничѣмъ, и только правительство лишній разъ показало свой страхъ передъ стрѣльцами, свою зависимость отъ нихъ. Послѣ диспута правительство приняло свои мѣры отвлеченія стрѣльцовъ отъ раскола: подкупъ и устрашеніе. Стрѣльцамъ раздавались подарки, а одинъ изъ представителей раскола, участвовавшихъ въ диспутѣ, Никита Пустосвятъ былъ казненъ. Затѣмъ принялись и за Хованскаго, котораго такъ безпрекословно слушались стрѣльцы. Своей властью расправиться съ Хованскимъ Софья не рѣшилась и передала это дѣло Боярской Думѣ, гдѣ Милославскій обвинялъ Хованскаго въ преступленіяхъ по службѣ и умыслѣ на жизнь царей. Въ этотъ же день Боярская Дума рѣшила дѣло Хованскаго, признавъ его виновнымъ, и не давъ никому опомниться, отдала приказъ немедленно же его казнить. Это была новая побѣда Милославскихъ. Такъ постепенно Софья чувствовала себя все крѣпче и крѣпче у престола. Мало по малу ея обращенія къ Думѣ становились рѣже, и управленіе государствомъ находилось цѣликомъ въ рукахъ нѣсколькихъ ея наиболѣе близкихъ совѣтниковъ. Первое мѣсто изъ нихъ занималъ Василій Васильевичъ Голицынъ, затѣмъ Шакловитый, занявшій мѣсто начальника Стрѣ-

лецкаго приказа. Это правительство было нисколько не хуже прежнихъ. Наоборотъ, никогда до тѣхъ поръ изъ власти не было людей такихъ образованныхъ, какъ Голицынъ. Правда всѣ его планы о преобразованіи государства не выходили изъ его кабинета, не получали осуществленія. Жизнь государства шла сама по себѣ, какъ толкали обстоятельства, какъ это было и раньше, какъ часто бывало и послѣ. Однако Софьѣ не удалось удержаться у власти, когда Петръ выросъ, и это было неизбѣжно, такъ какъ силѣ Софьи противостала другая сила—Петра, взрослаго, здороваго и не менѣе властолюбиваго. Онъ отстаивалъ свою власть съ полнымъ сознаніемъ своего права на нее, и отстаивалъ довольно рѣзко, потому что считалъ себя съ матерью обиженными Софьей. Иванъ по своей слабости и болѣзненности не имѣлъ никакого значенія, и его показывали царемъ только въ торжественныхъ случаяхъ рядомъ съ Петромъ, а за ихъ трономъ всегда находилась Софья. По мѣрѣ того, какъ Петръ выросталъ, онъ сталъ проявлять свое участіе въ дѣлахъ: то появится на засѣданіи Думы, то призоветъ къ себѣ отдѣльно съ докладомъ Голицына, на парады же и богослуженія пересталъ являться вмѣстѣ съ братомъ и сестрой. Софья понимала, что дѣло идетъ къ развязкѣ, и ея власти скоро наступитъ конецъ. Она ухватилась за послѣднее средство: стала агитировать между своими приверженцами за то, чтобы ей вѣнчаться на царство. Слухи объ этомъ еще больше раздражали враждебную сторону—Петра съ матерью и женой. Наконецъ въ 1689 году братъ и сестра помѣрялись силами.

Моментъ для этой пробы былъ выбранъ Петромъ удачно, такъ какъ тогда только что вернулись войска

изъ неудачнаго Крымскаго похода. Всѣ въ неудачѣ обвиняли Голицына, начальствовавшаго надъ войскомъ. Софья же обласкала и наградила своего любимца, несмотря на неудачу. Это дало поводъ негодовать и на Софью и считать ее также виновницею неудачъ. Петръ совсѣмъ иначе принялъ Голицына и рѣзко выразилъ ему свое неудовольствіе. Объ этомъ говорили въ Москвѣ, и большинство было на сторонѣ Петра. Главную силу между приверженцами Петра составляли его такъ называемые „потѣшные“ полки, которые были въ его исключительномъ распоряженіи. Софья думала опереться на своихъ старыхъ друзей стрѣльцовъ, но и тѣ ей измѣнили. Образовалась два лагеря: лагерь Петра въ Троицкой Лаврѣ, куда онъ бѣжалъ ночью изъ своего Преображенскаго, испугавшись какого-то доноса, что Софья замышляетъ на его жизнь,—и лагерь Софьи въ Московскомъ Кремлѣ, но этотъ лагерь быстро рѣдѣлъ. Софья, увидѣвъ, что ея дѣло проиграно, хотѣла мириться съ братомъ, но Петръ не пошелъ на это примиреніе и—по мѣрѣ того, какъ его силы увеличивались—онъ расправлялся съ своими врагами: Голицына отправилъ въ ссылку, Шакловитаго и нѣкоторыхъ другихъ казнилъ. Наконецъ, дѣло дошло и до Софьи, Петръ отправилъ ее въ монастырь. Она покорилась, уѣхала въ Новодѣвичій монастырь около Москвы, но не постриглась.

Осталось два самостоятельныхъ царя. Впрочемъ Ивана нельзя было считать царемъ, такъ какъ онъ изъ-за болѣзни ни во что не вмѣшивался и давалъ только свою подпись подъ дѣлами, которыя Петръ рѣшалъ единолично. Такъ продолжалось до 1696 года, когда исчезла и подпись Ивана съ окончаніемъ его

неслышной жизни. Такимъ образомъ Петръ сталъ самостоятельнымъ царемъ еще при жизни Ивана со времени сверженія Софьи, но о ней вспомнили еще разъ въ 1699 году.

Когда Петръ былъ за границей, разразился стрѣлецкій бунтъ по слѣдующему поводу. Стрѣльцовъ совершенно вывели изъ Москвы и разставили для охраны границъ. Оторванные отъ своихъ семействъ и хозяйствъ стрѣльцы были очень недовольны. Броженіе началось между тѣми, которые стояли на польской границѣ. Они самовольно покинули свои мѣста и направились къ Москвѣ, гдѣ были встрѣчены солдатскими полками, произошло столкновеніе и стрѣльцы были разбиты. Правительство ихъ перехватало и начало розыскъ виновныхъ. Розыскъ производилъ бояринъ Шеинъ. Однихъ онъ засадилъ въ тюрьму, другихъ повѣсилъ. Когда Петръ вернулся изъ за границы, его встрѣтили сообщеніемъ, что стрѣльцы замышляли свергнуть его съ престола и возвести Софью. Петръ остался недоволенъ розыскомъ Шеина и принялся самъ за разслѣдованіе съ пытками. Измученные пытками, многіе дѣйствительно оговаривали Софью. Петръ въ ярости самъ рубилъ стрѣльцамъ головы и велѣлъ ихъ вѣшать передъ окнами кельи Софьи, а ее заставилъ принять постриженіе и прекратить какія бы то ни было сношенія съ міромъ,—исключеніе допускалось лишь для ближайшихъ родственниковъ.

Съ этихъ поръ стрѣлецкое войско было уничтожено.

IV. Россійская Имперія въ XVIII вѣкѣ.

1. Воспитаніе Петра.

Вернемся теперь назадъ и посмотримъ, каково было воспитаніе Петра и каковы первые шаги его царствованія.

Царевичей и боярскихъ дѣтей въ XVII вѣкѣ воспитывали въ холѣ и нѣгѣ, оберегая отъ всякихъ тревогъ и заботъ, даже отъ бѣготни на свѣжемъ воздухѣ, держали ихъ въ теремахъ на женской половинѣ съ нянюшками и родственницами, которыя развлекали мальчиковъ сказками. Алексѣй Михайловичъ, какъ было уже сказано, стремился дать своимъ дѣтямъ научное образованіе больше прежняго. Учителями были лица духовныя, которыя, обучивъ своихъ воспитанниковъ первоначальной грамотѣ, при чемъ вызубривался наизусть часословъ и псалтырь, принимались съ ними за чтеніе святыхъ отцовъ и древне-христіанскихъ богослововъ. Такое образованіе можетъ быть и развивало умъ, направляя его на религіозныя и философскія размышленія, но для практической жизни ничего не давало и приготовить правителя государствомъ не могло. Петръ росъ совершенно при иной обстановкѣ и получилъ совсѣмъ другое образованіе. Это не могло не отразиться на его наклонностяхъ и позднѣйшей дѣятельности. Онъ выросъ на вольномъ воздухѣ села Преображенскаго, гдѣ пользовался свободой бѣгать и шалить, какъ простой мальчикъ. Его положеніе царевича отличалось только тѣмъ, что къ его услугамъ всегда была цѣлая команда ребятъ, какъ простыхъ, такъ и

наиболѣе близкихъ бояръ, и имъ не запрещалось на дворѣ возводить самыя затѣйливыя крѣпости и штурмовать ихъ. Въ этихъ играхъ развивалась находчивость и изобрѣтательность Петра, привычка повелѣвать, и въ то же время не теряться и во всемъ надѣяться только на себя пріучало его непріязненное отношеніе къ нему родственниковъ, которымъ онъ рано пересталъ довѣрять. Въ раннемъ дѣтствѣ ему пришлось пережить борьбу родственниковъ за власть и видѣть кровавую расправу стрѣльцовъ съ его дядей Нарышкинымъ и названнымъ отцомъ его матери — Матвѣевымъ. Это были условія для развитія въ ребенкѣ жестокости и мстительности. Мы видѣли уже, какъ проявились эти черты въ расправѣ Петра со стрѣльцами. Обученіе Петра грамотѣ началось рано, еще при царѣ Ѳедорѣ. Первымъ учителемъ Петра былъ подъячій Зотовъ. Зотовъ самъ зналъ немного, но за обученіе царевича принялся старательно. Научивъ воспитанника читать и писать,—правда, очень безграмотно даже и по тому времени—и заставивъ его вызубрить часословъ и псалтырь, Зотовъ еще не исчерпалъ всѣхъ своихъ свѣдѣній. Замѣтивъ, что Петръ любитъ картинки, Зотовъ попросилъ царицу выписать изъ-за границы и заказать своимъ мастерамъ въ Нѣмецкой слободѣ для царевича картины историческаго и библейскаго содержанія и по этимъ рисункамъ выкладывалъ передъ Петромъ всѣ свои небогатыя историческія свѣдѣнія. Петръ впослѣдствіи мало занимался исторіей и можетъ быть немного прибавилъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ ему Зотовъ. Правильное обученіе Петра прервалось очень рано, на одиннадцатомъ году, вслѣдствіе дворцовыхъ событій 1682 года и удаленія Петра въ Преображенское. Такъ богослов-

ской мудрости, которой обучались его старшіе братья и даже сестры, Петръ и не вкусилъ. Зато онъ самъ нашелъ себѣ другую науку. Петра ужасно интересовало всякаго сорта оружіе и незнакомые инструменты. Зная эти вкусы царевича, разъ Долгорукій привезъ ему изъ-заграницы астролябію—инструментъ для измѣренія пространства, отъ котораго Петръ пришелъ въ восторгъ, но совершенно не зналъ, какъ съ нимъ обращаться. За разъясненіемъ пришлось обратиться къ всевѣдущимъ „нѣмцамъ“ въ Нѣмецкую слободу. Со времени переселенія Петра въ Москву его знакомство съ обитателями Нѣмецкой слободы дѣлается все болѣе и болѣе близкимъ и прочнымъ.

Первымъ любимцемъ Петра становится шотландецъ Гордонъ—инженеръ артиллеристъ, образованный старикъ, состоявшій на русской службѣ для работъ во время войнъ [1]). Онъ знакомилъ Петра не только со своей инженерной наукой, но и вообще сообщалъ ему много техническихъ свѣдѣній. Другимъ любимцемъ Петра сталъ Лефортъ—швейцарецъ, полковникъ, обучавшій новые солдатскіе полки. Лефортъ тоже не ограничивался сообщеніемъ Петру только того, что зналъ въ военной наукѣ, а знакомилъ его также съ иностранной литературой. Кромѣ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній, Петръ тамъ же, въ Нѣмецкой слободѣ, обучался по настоящему геометріи у нѣмца Циммермана.

По мѣрѣ того, какъ Петръ росъ, забавы его принимали серьезный характеръ, и трудно было еще долго различать, гдѣ кончалась забава и гдѣ начиналось дѣло.

---

[1]) Такъ во время войны дѣлаются иногда подкопы и взрывы; для этого и нужны бываютъ инженеры на войнѣ.

Такъ постепенно обычныя дѣтскія игры въ войну обратились въ серьезное обученіе полковъ. Обучалъ ихъ Петръ, учась самъ у Лефорта. Полки Петра, состоя и изъ взрослыхъ людей, все еще назывались „потѣшными", т. е. для забавы, и ихъ не считали частью войска. Однако эти „потѣшные" полки принесли далеко не шуточную услугу Петру въ его борьбѣ съ Софьей.

Кромѣ увлеченія Петра обученіемъ полковъ, была у него еще одна забава, перешедшая въ серьезное дѣло, сдѣлавшееся впослѣдствіи его страстью, — это кораблестроеніе. Началось кораблестроеніе на Переяславскомъ озерѣ, затѣмъ уже въ 1693 году Петръ ѣдетъ въ Архангельскъ, гдѣ велитъ строить настоящій большой корабль и уже мечтаетъ о флотѣ на Бѣломъ морѣ.

Когда послѣ сверженія Софьи Петръ сталъ самостоятельнымъ государемъ, его занятія, которыя трудно назвать забавами или дѣломъ, продолжаются, во внутреннее же управленіе онъ не входитъ и предоставляетъ ихъ вершить боярамъ, стоявшимъ у этого дѣла. Забавы окончательно превращаются въ дѣло и Петръ становится взрослымъ и серьезно вникающимъ во всѣ дѣла лишь со времени войны съ Турціей въ 1695 году.

2. Время Петра I.

Внѣшнія дѣла.

Первымъ самостоятельнымъ государственнымъ дѣломъ Петра была война съ Турціей.

Въ правленіе Софьи неудачными походами Голицына на Крымъ враждебныя отношенія съ Турціей не закончились и не выяснились, а только оборвались.

Иностраннымъ государствамъ была очень выгодна война Московскаго государства съ Турціей, такъ какъ Турція, ихъ опасный врагъ, ослаблялась безъ ихъ усилій, чужими руками. Поэтому иностранные послы увѣряли Петра, что всѣ державы примутъ участіе лишь бы Москва начала, что Турція всѣмъ опасна, и ее нужно ослабить. Петра же прельщало пріобрѣтеніе порта въ Азовскомъ, а можетъ быть и въ Черномъ морѣ. Петръ началъ дѣятельно готовиться къ походу на Азовъ. Онъ разсчитывалъ, что силы его должны быть гораздо лучше, чѣмъ въ Крымскихъ походахъ, потому что съ тѣхъ поръ прибавилось нѣсколько полковъ, обученныхъ по иноземному, а его любимые Семеновцы и Преображенцы, выросшіе изъ „потѣшныхъ“ полковъ, несравнимы съ неповоротливыми помѣщичьими полками. Тяжелый, утомительный путь для войска Петръ попытался облегчить отправкою ихъ, гдѣ была возможность, на судахъ. Но самую-то главную часть пути войску пришлось идти опять-таки по пустынной степи, гдѣ опять повторился пожаръ. Трудности пути все-таки войско преодолѣло, взяло по пути нѣсколько татарскихъ укрѣпленій—каланчей, чѣмъ Петръ очень гордился, и подступило къ Азову. Инженеры, хотя и выписанные Петромъ изъ-за границы, плохо дѣлали подкопы, да и русскіе солдаты не понимали ихъ распоряженій, а турки охраняли свою крѣпость съ моря, гдѣ у нихъ былъ на готовѣ большой флотъ. Начальство надъ войскомъ Петръ поручилъ тремъ лицамъ: Головину, Лефорту и Гордону. Любимцы Петра— Лефортъ и Гордонъ были очень хороши въ Нѣмецкой слободѣ, но для обязанностей военачальниковъ совсѣмъ не годились. Кромѣ того они всѣ ссорились между собою. Приступъ окончился неудачей, пришлось

отступить съ громадной потерей. Петръ, находившійся все время при войскѣ, отлично понялъ главную причину неудачи: невозможность сражаться сухопутному войску съ флотомъ, и онъ рѣшилъ, что у него долженъ быть флотъ. И началась постройка военныхъ кораблей, верфь была устроена въ Воронежѣ. Петръ принималъ самое дѣятельное участіе въ надзорѣ за работой, а иногда, не утерпѣвъ, и самъ хватался за топоръ. Въ отысканіи рабочихъ и матеріала для работъ онъ тоже не затруднялся: и привлеченіе наградой, и угроза—все было пущено въ ходъ.

Черезъ годъ, въ 1696 г., корабли были готовы, войско увеличено и предпринятъ второй Азовскій походъ, который и кончился взятіемъ Азова. Петръ былъ счастливъ и велѣлъ строить настоящій флотъ, уже не на рѣкѣ, а на морѣ. Портъ былъ взятъ, но нужно было его удержать, а Турція нелегко уступала. Иностранныя же державы и не думали помогать. Петръ рѣшилъ отправить посольство ко всѣмъ иностраннымъ державамъ, чтобы заключить съ ними союзъ и склонить ихъ помогать ему противъ Турціи. Его такъ неудержимо тянуло знать, видѣть своими глазами культуру Западной Европы, что онъ рѣшился самъ отправиться въ посольствѣ, но подъ именемъ (Петра Алексѣева) простого дворянина, за границу. Офиціально никто не зналъ, что царь уѣзжаетъ (это было тогда неслыханное дѣло!), даже всѣ дѣла подписывались его именемъ довѣренными лицами. Чѣмъ же болѣе всего поинтересовался русскій царь въ чужихъ странахъ,—царь, о которомъ осталась слава, какъ о преобразователѣ государства? Больше всего времени Петръ употребилъ на изученіе кораблестроенія. Онъ не учился, какъ правитель государства, постановкѣ военнаго и морского дѣла въ государствахъ,

*

онъ въ Голландіи и Англіи изучилъ кораблестроеніе, какъ корабельный мастеръ, и получилъ даже дипломъ. Больше года Петръ пробылъ за границей, работалъ въ корабельныхъ мастерскихъ, мелькомъ любовался на прекрасныя постройки—дома, храмы, общественныя зданія, посѣщалъ различныя увеселенія, какихъ дома не было, при этомъ пилъ истинно по-русски—такъ, что иногда веселье кончалось скандаломъ, забѣжалъ разъ въ Англіи въ парламентъ, но—не понимая языка—могъ только съ внѣшней стороны познакомиться съ тѣмъ, какъ управляется своими представителями конституціонное государство. Петръ собрался домой раньше, чѣмъ разсчитывалъ, такъ какъ его вызывали въ Москву, сообщая о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ въ пользу Софьи, которую будто бы стрѣльцы, руководимые приверженцами старины, хотятъ возвести на престолъ. Между тѣмъ цѣль посольства совсѣмъ не удалась: ни одна держава и слышать не хотѣла о помощи противъ турокъ. Ихъ цѣль была достигнута: вниманіе Турціи отвлечено Азовомъ отъ Западной Европы, а бо̀льшаго ослабленія Турціи, да еще на счетъ усиленія Московскаго государства, иностранныя державы и не желали. Зато Польша и Данія, взамѣнъ союза противъ Турціи, предложили Петру другой союзъ—противъ Швеціи, съ тѣмъ, чтобы онъ началъ войну съ Карломъ XII шведскимъ и тѣмъ отвлекъ непріятельскія силы отъ нихъ. Петра завлекла заманчивая мысль: отнять у шведовъ Балтійское море, имѣть тамъ портъ, который будетъ несравненно полезнѣе русскимъ, чѣмъ Азовъ и даже Черное море: вѣдь южныя моря открывали лишь доступъ торговлѣ съ восточными, необразованными народами, а Балтійское море открывало русскимъ путь во всю Западную Европу, въ которой

было такъ много интереснаго, у которой такъ многому могла научиться наша страна! Стоитъ вспомнить лишь Новгородъ, его быстрое развитіе, чтобы понять, что могло дать русскимъ Балтійское море. И Петръ рѣшилъ на спѣхъ, какъ-нибудь заключить миръ съ Турціей, чтобы начать новую войну — со Швеціей. Въ 1699 году онъ вернулся домой и далъ секретное распоряженіе своему посланнику въ Турціи скорѣе заключать миръ хотя бы и на невыгодныхъ условіяхъ, а посланнику въ Швеціи не показывать виду, что русскіе готовятся къ войнѣ со шведами, и до послѣдней минуты увѣрять Карла въ дружбѣ. Наконецъ, въ августѣ 1699 г. Петръ получилъ желанное извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей, при чемъ даже Азовъ остался за Московскимъ государствомъ, а въ сентябрѣ 1700 г., меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ (новый годъ тогда считался съ 1 сентября), двинулъ войска на шведовъ.

Первое же столкновеніе со шведами подъ Нарвой кончилось полной неудачей. Причины все въ томъ же плохомъ устройствѣ войска. Количествомъ его было гораздо больше, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ войнахъ. Петръ на этотъ разъ объявилъ всеобщій рекрутскій наборъ и съ служилаго и съ тяглаго населенія, составивъ такимъ образомъ 40 тысячъ войска. Офицерами были иностранцы, которыхъ солдаты не понимали. Шведы подсмѣивались надъ такимъ войскомъ и говорили, что это овцы безъ пастуховъ, а пастухи безъ овецъ. Если войска количествомъ было достаточно, зато ору дій противъ шведскихъ было очень мало, по качеству же ихъ — разумѣется — и сравнивать со шведскими было нельзя. Послѣ Нарвской побѣды надъ русскими Карлъ XII счелъ, что съ Петромъ дѣло покончено, и всѣ свои силы

обратилъ противъ болѣе серьезныхъ своихъ враговъ — Даніи и Польши. Петръ не остановился послѣ неудачи такъ же, какъ и послѣ перваго Азовскаго похода, его не испугала потеря 10 тысячъ человѣкъ изъ 40 тысячъ, онъ упрямо и настойчиво собиралъ новую армію, заказывалъ пушки и ружья, не останавливаясь передъ недостакомъ матеріала и распоряжаясь переливать колокола въ пушки.

Въ 1703 г. новая армія, уже въ 52 тысячи человѣкъ, осаждала шведскія крѣпости: Нотебургъ и Ніеншанцъ. Первыя удачи такъ обрадовали Петра, что онъ приказалъ немедленно строить городъ (Петербургъ) на завоеванномъ болотѣ по берегамъ Невы. Между тѣмъ Карлъ не боялся завоеваній Петра и продолжалъ дѣла свои въ Польшѣ. А дѣла его шли настолько успѣшно, что ему удалось низвести короля Августа, заставить польскій сеймъ (представительное собраніе, избиравшее королей) избрать на престолъ угоднаго ему Станислава Лещинскаго. Петръ, по договору съ союзниками, обязанъ былъ выслать свои войска на помощь Польшѣ, что онъ и сдѣлалъ. Въ Польшѣ все-таки оказалось мало силъ для отраженія шведовъ, русскія войска стали отступать назадъ, на юго-востокъ. Изрѣдка происходили небольшія стычки. Такъ тянулось это отступленіе русскихъ и слѣдованіе за ними шведскихъ войскъ до 1709 г., когда подъ Полтавой произошло всѣмъ извѣстное сраженіе, кончившееся полной побѣдой русскихъ. Причина этой побѣды заключалась въ сильномъ истощеніи шведскихъ войскъ въ Польшѣ и долгимъ наступленіемъ въ совершенно чужой имъ землѣ, русское же войско пріобрѣло нѣкоторый навыкъ за это время; гибло народу много, но Петръ не затруднялся передъ новыми

и новыми наборами, такимъ образомъ войско количественно не уменьшалось. Послѣ Полтавскаго пораженія Карлъ бѣжалъ въ Турцію и началъ тамъ убѣждать султана нарушить миръ съ Петромъ. Петръ же, отпраздновавъ Полтавскую побѣду, часть войска отправилъ на сѣверъ оттѣснять шведовъ отъ завоеванныхъ крѣпостей. Въ 1711 году Турція объявила войну русскимъ. Дѣла русскихъ шли настолько плохо, что Петръ соглашался отдать Турціи все, взятое у нея раньше, лишь бы оставить себѣ Петербургъ. И дѣйствительно приходилось Турціи отдать все, такъ какъ Прутскій походъ кончился полной неудачей, самъ Петръ едва не попалъ въ плѣнъ. Тотъ или иной результатъ зависѣлъ отъ переговоровъ. На счастье русскихъ турецкое правительство оказалось подкупнымъ, турецкіе вельможи поглотили массу русскихъ денегъ, но зато миръ оказался все-таки выгоднѣе, чѣмъ Петръ ожидалъ. Пришлось вернуть туркамъ Азовъ и нѣсколько другихъ крѣпостей, дать Карлу свободный проѣздъ въ Швецію, но за русскими осталось все то, что было завоевано на берегу Финскаго залива. Несмотря на страшное истощеніе народныхъ силъ, Петръ продолжалъ и послѣ мира съ Турціей завоеванія на сѣверѣ. Правда, успѣхи тамъ были сравнительно легки, такъ какъ и Шведы были тоже утомлены. Къ 1721 году русскія войска заняли всю Финляндію, когда наконецъ, — со смертью Карла — былъ заключенъ миръ (Ништадскій). Удержать за собою всѣ обширныя занятыя земли Русское государство было не въ силахъ, а потому по Ништадскому миру Петръ возвращалъ шведамъ Финляндію, оставивъ за собою Петербургъ и около него земли по берегу Финскаго залива. Но и за эти земли Русское государство обязывалось выплатить

очень крупную денежную сумму (кровь, пролитая русскими солдатами въ теченіе 20 лѣтъ, цѣнилась ни во что). Петръ праздновалъ миръ и былъ счастливъ, что Россія получила наконецъ свободный доступъ въ Западную Европу. Теперь это уже не было запертое со всѣхъ сторонъ отъ свѣта Московское государство, оно перестало уже такъ называться, п. ч. и столица была перенесена изъ Москвы въ Петербургъ, оно стало обширнымъ *Русскимъ* государствомъ въ ряду другихъ европейскихъ государствъ, которыя—по мѣрѣ побѣдъ русскихъ — все болѣе и болѣе уважали Петра, забывали свои насмѣшки надъ нимъ по поводу первыхъ неудачъ и перенесли ихъ на Карла. Въ 1721 г. сенатъ [1]) поднесъ Петру титулъ „императора". Этотъ титулъ для Петра имѣлъ значеніе только въ томъ случаѣ, если его признаютъ всѣ государи Западной Европы. Многіе дѣйствительно признали сразу Россію имперіей, называя ее Восточной и противополагая ее Западной—Германской имперіи.

Значеніе пріобрѣтенія Петербурга и финскаго побережья для Россіи было, конечно, громадно: Россія вошла въ общую жизнь европейскихъ государствъ. Эта жизнь заключается въ живомъ торговомъ обмѣнѣ съ болѣе культурными странами, откуда открылась возможность легко получать всѣ произведенія промышленности, а туда сбывать сырые продукты (хлѣбъ, пеньку и ленъ), и въ общеніи умственномъ—заимствованіи культуры и науки.

Петръ понималъ это значеніе и такъ увлекся достиженіемъ своей цѣли, что не принималъ во вниманіе, какихъ это жертвъ стоило странѣ, всему народу.

---

[1]) Сенатъ—высшее правительственное учрежденіе, основанное Петромъ въ 1711 году.

Мы теперь и перейдемъ къ обзору жизни народа за время безконечныхъ войнъ Петра, за все время его царствованія, такъ какъ войны продолжались до самой его смерти: едва кончилась Великая Сѣверная (шведская) война, какъ Петръ отправилъ войска на Персію, въ противоположный конецъ. Второй походъ окончился въ 1724 году взятіемъ Баку, что имѣло значеніе для торговли съ Востокомъ. А въ слѣдующемъ 1725 году Петръ умеръ.

Реформы войска.

Всѣ эти безпрерывныя трудныя войны—разумѣется—немыслимо было вести при старомъ устройствѣ войска. Ни помѣщичье войско, ни стрѣльцы въ этихъ войнахъ не участвовали. Уже въ Азовскихъ походахъ дѣйствовали только новые солдатскіе полки. Однако передъ началомъ Сѣверной войны Петръ нашелъ, что войска недостаточно и его всегда будетъ нехватать, если довольствоваться только „охочими“ людьми. Въ 1699 году Петръ объявилъ всобщій рекрутскій наборъ со всего служилаго и тяглаго населенія. При этомъ служилое сословіе обязывалось нести военную службу все цѣликомъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто занятъ былъ въ какихъ нибудь другихъ государственныхъ должностяхъ. Тяглое же сословіе обязывалось поставлять по рекруту съ каждыхъ 20 дворовъ (всѣхъ взять нельзя было, надо было кому нибудь работать, съ кого было бы можно брать подати). Первый рекрутскій наборъ далъ сорока тысячную армію, изъ которой 10 тысячъ погибло подъ Нарвой. Второй наборъ въ 1703 году далъ уже 52 тысячи. Наборы дѣлались не правильно: иногда черезъ 2,

3 года, иногда по 2 набора въ годъ. Забирали, конечно, самыхъ молодыхъ, здоровыхъ работниковъ въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, выхватывая ихъ изъ семьи навѣки, такъ какъ служба солдатская полагалась до смерти или до тяжкаго увѣчья. Увѣчныхъ государство не содержало, а поручало заботу о нихъ монастырямъ.

Содержаніе солдатскихъ полковъ въ XVII вѣкѣ было очень дорого казнѣ. Когда количество полковъ увеличилось съ введеніемъ рекрутской повинности, то содержаніе ихъ оказалось совершенно не по силамъ государству, и оно перенесло эту тяжесть съ казны непосредственно на тяглое населеніе. Въ 1709 году было введено новое административное дѣленіе по губерніямъ. Всѣ полки были расписаны по губерніямъ, и каждая губернія обязывалась доставлять всѣ средства для содержанія своего полка на войнѣ: одежду, провизію, деньги, лошадей. Въ мирное же время полки расквартировывались по своимъ губерніямъ. Въ городахъ должны были отводиться особыя квартиры, и въ деревняхъ крестьяне обязывались поставлять лѣсъ, мохъ и другіе строительные матеріалы, чтобы солдаты сами себѣ строили избы. Кромѣ солдатскихъ избъ крестьяне еще обязывались строить полковые дворы, въ которыхъ помѣщались госпиталь, изба для полкового врача, аптека, баня, конюшня и сараи для полковыхъ повозокъ.

Повинности.

Кромѣ рекрутской повинности при Петрѣ легла еще одна новая повинность на тяглое населеніе, это—постановка рабочихъ и содержаніе ихъ. Рабочіе эти нужны были для спѣшныхъ государственныхъ работъ.

Строились суда въ Архангельскѣ, Воронежѣ и Азовѣ. Для Воронежа находились добровольные рабочіе, такъ какъ это не была отдаленная невѣдомая страна. Въ Архангельскъ шло уже менѣе народу, а въ Азовъ, въ совершенно чужую землю, да еще при такомъ далекомъ пути, никто не шелъ. Труднѣе же всего было затащить рабочихъ на постройку Петербурга, такъ какъ, кромѣ неудобствъ и отдаленности пути въ новую только-что завоеванную землю, еще и сама работа была страшно тяжела. Около крѣпости Ніеншанцъ, отвоеванной русскими у шведовъ въ 1703 году, было болото, густо заросшее лѣсомъ. На берегу Невы изрѣдка виднѣлись бѣдные, наскоро сколоченные домики финновъ. Жители живо ихъ разбирали во время сильныхъ разливовъ Невы и перетаскивали ихъ въ другое, болѣе высокое мѣсто. И вотъ на этомъ-то болотѣ по желанію Петра долженъ былъ явиться городъ. Его манилъ доступъ къ морю, къ Западной Европѣ, которую онъ такъ любилъ и которой такъ хотѣлъ подражать во всемъ. Онъ горячо вѣрилъ въ то, что Россія черезъ это сближеніе станетъ быстро развиваться, промышленность и торговля будутъ совершенствоваться, заимствуется и европейская наука. Чтобы построить городъ на болотѣ, нужно было его поднять и осушить. Петръ видѣлъ, какъ это дѣлаютъ въ маленькой культурной странѣ Голландіи, гдѣ есть конечно всѣ приспособленія для подобныхъ работъ и гдѣ рабочіе живутъ въ обыкновенныхъ помѣщеніяхъ. Петръ рѣшилъ, что эту работу можно сдѣлать и въ Россіи. Онъ нанялъ иностранныхъ инженеровъ, которые должны были руководить работами, но работать-то должны были простые русскіе мужики прямо отъ сохи

или отъ какого-нибудь ремесла, видѣвшіе въ первый разъ въ жизни такую работу. Жить имъ пришлось въ землянкахъ на болотѣ, гдѣ они заболѣвали лихорадками. Болѣли и отъ несвѣжей пищи, которая не доходила до нихъ доброкачественною вслѣдствіе дальности разстоянія, такъ какъ всю провизію везли изнутри Россіи. Умирали рабочіе, какъ мухи, а то бѣжали. Бѣглыхъ ловили, заковывали въ кандалы и, какъ каторжниковъ, заставляли работать. Разумѣется на такую работу рабочихъ можно было достать только силой, и Петръ не задумался обложить тяглое населеніе новой повинностью: рабочіе брались съ тяглыхъ дворовъ такъ же, какъ и рекруты. Такимъ образомъ въ годъ набралось 40 тысячъ рабочихъ. Содержать этихъ рабочихъ обязывалось то же тяглое населеніе. Съ тѣхъ дворовъ, съ которыхъ не взятъ былъ рабочій, брались деньги, изъ этого сбора составилось 100 тысячъ рублей [1]).

Итакъ, расширялись земли Русскаго государства, обстраивались новыя завоеванныя мѣста, и на все это нужны были люди и деньги. Народъ поставлялъ ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ и солдатъ, кормилъ и одѣвалъ тѣхъ и другихъ на свои средства, но и этого было мало: государство требовало еще много, много денегъ. Проще всего ихъ было получить косвенными налогами, т. е. обложеніемъ пошлиной самыхъ необходимыхъ продуктовъ или казенною продажею ихъ. Этотъ способъ добыванія средствъ въ казну употреблялся—мы знаемъ—и до Петра, но Петръ дошелъ до необыкновенной изобрѣтательности. Въ 1705 году опять

---

[1]) По теперешнему счету это гораздо больше.

взята была продажа соли въ казну, при чемъ продавалась она вдвое дороже, чѣмъ поставщики брали съ казны. Кромѣ соли, казна продавала и другіе очень распространенные продукты: вино, деготь, мѣлъ, щетину, рыбій жиръ, табакъ. Немало дохода также приносили казнѣ откупа. Такъ отдавались на откупъ рыбныя ловли, постоялые дворы, торговыя пристани, мельницы, пчельники, бани, мосты, перевозы. Плата за откупъ была очень высока, такъ съ владѣльца мельницы полагалось $^1/_4$ всего его дохода. Понятно—на сколько дороже брали за помолъ муки противъ прежняго, когда мельницы не были на откупѣ. Отдавая на откупъ, правительство иногда разрѣшало имѣть и свои частныя заведенія для личнаго пользованія, напримѣръ, бани, но тогда облагало ихъ пошлиною. Съ чего только не придумывали брать пошлину? Даже дубовые гробы обложены были пошлиной, и продавались гораздо дороже обыкновенныхъ. Бралась пошлина съ каждаго въѣзжавшаго въ Москву воза. Очень цѣнились въ то время люди, которые придумывали, что бы еще можно было обложить налогомъ? Эти люди награждались отъ казны, они назывались „прибыльщиками". Прибыльщики придумали, напримѣръ, гербовую (клейменую) бумагу, которая продавалась отъ казны, на ней велено было писать прошенія и другія дѣла съ казною. Наложена была пошлина на торговыя сдѣлки, договоры, условія. Самъ царь былъ еще находчивѣе прибыльщиковъ. Онъ придумалъ налогъ не на продукты, не на потребности, а чуть что не на самое тѣло человѣка, онъ сталъ брать пошлины за ношеніе бороды. Русскіе люди того времени смотрѣли съ ужасомъ на иностранцевъ съ бритыми лицами, а духовенство

такъ прямо сравнивало ихъ съ псами и говорило, что кто брѣетъ бороду, тотъ теряетъ подобіе Божіе.

Царь послѣ своего путешествія заграницу велѣлъ всѣмъ брить бороды и носить короткіе нѣмецкіе кафтаны вмѣсто русской длинной и неуклюжей боярской одежды. Ему такъ ненавистны были всѣ русскіе обычаи, которые напоминали о старыхъ предразсудкахъ и русской неподвижности, ему казалось, что безъ бороды и въ европейской одеждѣ человѣкъ можетъ легко поддаться европейскому образованію—перемѣнивъ свой наружный видъ, перемѣнитъ свои нравы и взгляды. Болѣе подвижная молодежь легко поддавалась нововведеніямъ царя и даже еще раньше, при царѣ Алексѣѣ, по собственному почину щеголяла въ европейскомъ платьѣ. Другіе въ угоду царю, по привычкѣ повиноваться, или изъ страха передъ грознымъ самодержцемъ, разставались съ дѣдовскими обычаями, но много было и старыхъ бояръ и купцовъ, которые легче бы съ жизнью своей разстались, чѣмъ съ бородой. Петръ и рѣшилъ извлечь изъ этого пристрастія къ бородѣ доходъ казнѣ. Кто хотѣлъ носить бороду, долженъ былъ уплачивать пошлину. Этотъ налогъ касался не только бояръ и купцовъ, которые платили отъ 60 до 100 рублей въ годъ за право ношенія бороды, но даже и крестьянъ, которые не могли показаться въ городъ съ бородой, если не уплачивали при въѣздѣ 2 деньги. Такъ нельзя было ни продать, ни купить, ни хлѣба смолоть, ни поѣхать куда-нибудь, ни въ банѣ помыться, ни даже съ бородой въ городъ показаться, чтобы не платить за все, за каждый шагъ въ три-дорога.

Кромѣ добыванія средствъ новыми косвенными налогами, Петръ измѣнилъ и прямую подать, которая въ двухъ отношеніяхъ должна была быть государству выгоднѣе

прежней: во-первыхъ, она была выше прежней, а во-вторыхъ, предупреждала возможность уклониться отъ нея.

До Петра подати были очень разнообразны: такъ была подать на выкупъ плѣнныхъ (полоняничная), на содержаніе войска (стрѣлецкая), на содержаніе дорогъ (ямская). Для увеличенія казеннаго дохода правительство повышало то ту, то другую. Въ XVII вѣкѣ правительство измѣнило единицу обложенія крестьянъ, замѣнивъ посошную подворной. Но крестьяне ухитрялись уклоняться и отъ подворной подати.

Общинѣ было выгоднѣе, когда въ ней мало числилось дворовъ, а потому крестьяне забрасывали малосемейные дворы и соединялись по нѣскольку семействъ въ одномъ. Такимъ образомъ количество дворовъ въ общинѣ уменьшалось и государство получало меньше податей. Петръ старался придумать такой способъ взиманія податей, чтобы никто не могъ отъ нихъ укрыться. Для этого съ 1719 года онъ ввелъ „подушную“ подать. Эта подать взималась съ души мужескаго пола: былъ ли это здоровый работникъ, малый ребенокъ или безсильный старикъ Женщины же, хотя и взрослыя, не принимались въ разсчетъ. Подушная подать считалась по 74 копѣйки съ души крестьянъ и по 1 р. 20 копѣекъ съ души посадскаго населенія. Какъ и при подворной подати, подать считалась со всей общины, и уже дѣло общины было раскладывать ее по платежеспособности. Каждому плательщику приходилось платить гораздо больше назначеннаго, такъ какъ на всѣхъ раскладывалась подать, причитавшаяся съ бѣглыхъ и умершихъ, которыхъ не вычеркивали изъ списка до слѣдующей переписи.

Положеніе крестьянъ.

Для обложенія подушной податью нужно было произвести перепись всего тяглаго населенія. Для казны выгодно было, чтобы оказалось какъ можно больше тяглыхъ душъ, поэтому въ „ревизскія сказки", т. е. въ списки податныхъ, записано было много тѣхъ, кто никогда раньше податей не платилъ. Такъ записаны были холопы, которые съ этихъ поръ совершенно слились съ крѣпостными крестьянами. Сама жизнь уже давно уравняла холоповъ съ крѣпостными. По мѣрѣ закрѣпощенія крестьянъ, они все меньше и меньше отличались отъ холоповъ, теряя свои гражданскія права и переходя въ положеніе скота или вещи своего господина. Прежде всего исчезло различіе между холопами и крестьянами, заключавшееся въ томъ, что холопы составляли исключительно дворню, домашнихъ слугъ господина, а крестьяне были лишь земледѣльцами, работавшими на помѣщика. Господа брали крестьянскихъ дѣтей во дворъ, а холоповъ часто сажали на землю. Такимъ образомъ уже въ концѣ XVII вѣка крѣпостные крестьяне не пользовались никакими преимуществами передъ холопами. Зато у холоповъ оставалось два преимущества передъ крѣпостными: освобожденіе по смерти владѣльца, такъ какъ холопъ не могъ переходить по наслѣдству, и свобода отъ податей. Петръ уничтожилъ это послѣднее различіе: указомъ 1705 года о рекрутской повинности велѣно было брать рекрутъ съ холоповъ, сидѣвшихъ на землѣ, а указомъ 1718 года о переписи назначалась подушная подать со всѣхъ холоповъ, хотя бы и дворовыхъ. Помѣщики, разумѣется, сумѣли воспользоваться этимъ уравненіемъ и стали холоповъ, какъ крѣпостныхъ,

оставлять въ наслѣдство. Итакъ, съ 1718 года даже и въ законѣ всѣ различія между холопами и крѣпостными крестьянами были уничтожены. Слово „холопъ“ означаетъ съ тѣхъ поръ всякаго крѣпостного, но холоповъ уже въ прежнемъ смыслѣ слова не существуетъ.

Кромѣ холоповъ, попали въ ревизскія сказки еще вольные гулящіе люди. Правительство давно вело борьбу съ этимъ безпокойнымъ и безполезнымъ государству населеніемъ и старалось извлечь изъ него какую-нибудь выгоду: такъ, со времени введенія солдатскихъ полковъ, гулящихъ людей приспособили къ солдатской службѣ, но не силой, а по доброй волѣ. Петръ же поступилъ рѣшительнѣе. Во-первыхъ, онъ еще въ началѣ своего царствованія предпринялъ относительно бѣглыхъ мѣры, превосходившія строгостью всѣ прежнія: бѣглыхъ не только велѣно возвращать старому владѣльцу, но и бить за побѣгъ кнутомъ. Указомъ 1704 года велѣно кликать кличъ, нѣтъ ли у кого бѣглыхъ, спрашивать объ этомъ подъ присягою и за укрывательство предавать смертной казни. Затѣмъ, указомъ 1718 года о переписи онъ велѣлъ всѣмъ вольнымъ людямъ найти себѣ владѣльцевъ. Кто же не находилъ, того записывали за тѣмъ владѣльцемъ, который пожелаетъ. Запись за тѣмъ или инымъ владѣльцемъ имѣла тотъ смыслъ, что правительство отстраняло отъ себя сборъ подати непосредственно съ тяглаго населенія, признавъ свое полное безсиліе въ борьбѣ съ недоимщиками. Правительство сдѣлало посредникомъ между государственной казной и тяглымъ населеніемъ помѣщика, съ котораго и требовало уже уплаты опредѣленной суммы по числу записанныхъ за нимъ душъ. Правительству не было дѣла, какимъ способомъ помѣщикъ соберетъ подать со своихъ душъ, важно было

лишь, чтобы не было недоимки. Помѣщику же хотя и трудненько было иной разъ собрать подать безъ недоимокъ, зато въ его полной волѣ было брать съ крестьянъ все, что можно было взять и въ пользу государства и въ свою собственную. Самая раскладка подати на крѣпостныхъ зависѣла отъ помѣщика. Съ дворовыхъ, которые весь свой трудъ отдавали барину, взять было нечего, и числящуюся за ними подать помѣщикъ раскладывалъ на крестьянъ-земледѣльцевъ.

Записью вольныхъ людей увеличилось число крѣпостныхъ, что было очень выгодно помѣщикамъ.

Послѣ переписи 1718 года число крѣпостныхъ еще увеличилось. Такъ, въ 1723 году установленъ былъ церковный штатъ, опредѣляющій извѣстное число духовенства. Всѣхъ же лишнихъ дьячковъ, дѣтей поповъ и дьяконовъ велѣно было писать въ подушный окладъ, приписывая ихъ за тѣмъ помѣщикомъ, въ имѣньи котораго они находились.

Вся дѣятельность Петра по отношенію къ крестьянамъ была направлена на усиленіе крѣпостного права въ цѣляхъ государственной пользы, какъ ее понималъ Петръ. Такъ изданы указы въ 1722 и въ 1724 годахъ, предписывающіе помѣщикамъ отпускать отъ себя крестьянъ на время для работы не иначе, какъ съ отпускными письмами, письма эти должны быть подписаны, кромѣ помѣщика, еще государственнымъ чиновникомъ. Крестьяне, проживающіе гдѣ-нибудь дальше 30 верстъ отъ своей деревни безъ отпускныхъ писемъ, считались бѣглыми и возвращались къ владѣльцамъ, а лица, державшія ихъ, подвергались наказанію. Такъ положено было начало паспортамъ.

Преслѣдуя государственную пользу, Петръ казался

безпристрастнымъ: если онъ издавалъ указы, отягощающіе крестьянъ, то не поощрялъ и произвола помѣщиковъ. Такъ онъ запретилъ господамъ ставить вмѣсто себя на правежъ крестьянъ, причемъ онъ вѣрно разсчиталъ, что подвергая правежу самого помѣщика, можно скорѣе взыскать съ него, что слѣдовало. Затѣмъ, воеводамъ было предписано ограничивать распутныхъ помѣщиковъ въ ихъ разорительномъ обращеніи съ крестьянами. Причину этого предписанія Петръ объясняетъ такъ: „отъ такого обращенія крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгутъ и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается недоимка“. Изъ этого указа понятно, что позаботиться объ улучшеніи положенія крестьянъ Петру даже и въ голову не приходило, все дѣло было въ государственной казнѣ. Подтверждается это и другими указами. Такъ, стремясь уничтожить бродяжничество, Петръ обязалъ помѣщиковъ кормить и одѣвать своихъ неимущихъ крестьянъ, но не на свой счетъ, а собирая хлѣбъ и одежду съ болѣе достаточныхъ крестьянъ, а облагодѣтельствованныхъ, такимъ образомъ, заставлять работать на себя, „чтобы они даромъ хлѣбъ не ѣли“. Вполнѣ, конечно, очевидно, кто выигрывалъ въ этихъ мѣрахъ государственнаго спокойствія и благосостоянія: если не всегда прямо преслѣдовалась выгода помѣщиковъ и иногда для пользы государства имъ приходилось терпѣть нѣкоторыя неудобства, то ужъ крестьяне всегда приносились въ жертву государственнымъ интересамъ и никакія мѣры не шли имъ на пользу.

Такъ, въ 1720 году Петръ издалъ указъ, предоставляющій „всѣмъ рекрутамъ, которые взяты будутъ изъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей и дѣтей ихъ, кромѣ

шляхетства [1]), право покупать вмѣсто себя людей въ рекруты". Цѣль этого указа заключалась въ томъ, чтобы не отвлекать людей отъ гражданской службы въ различныхъ канцеляріяхъ, такъ какъ въ тѣ времена чувствовался сильный недостатокъ въ грамотныхъ и опытныхъ чиновникахъ. Землевладѣльцы, разумѣется, отъ этого выиграли, такъ какъ продажа крѣпостныхъ въ рекруты давала ммъ большой доходъ. Но въ слѣдующемъ же году Петръ ужаснулся тѣхъ послѣдствій, которыя навлекъ этотъ указъ: продажа людей въ розницу, какъ скота, производившаяся и раньше помѣщиками безъ одобренія закона, теперь поощренная имъ распространялась все больше и больше. Однако, самодержавный царь, признавая все безобразіе такой продажи, не рѣшился прямо запретить ее: указъ 1721 года гласилъ лишь слѣдующее: „государь указалъ оную продажу пресѣчь, а если невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то бы хотя и по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь". Разумѣется этотъ указъ не исполнялся, и торговля людьми не только продолжалась, но и распространялась все больше и больше.

Почти все то, что говорили мы о развитіи крѣпостного права относительно помѣщичьихъ крестьянъ, приходится сказать и о крестьянахъ дворцовыхъ, монастырскихъ, церковныхъ и патріаршихъ.

Наряду съ прекращеніемъ перехода крестьянъ помѣщичьихъ, въ срединѣ XVII вѣка, закрѣплены были и всѣ другіе владѣльческіе крестьяне. Для дворцовыхъ крестьянъ, управляющій ими чиновникъ былъ тѣмъ же,

---

[1]) Шляхетствомъ при Петрѣ стали называть служилыхъ землевладѣльцевъ.

чѣмъ для помѣщичьихъ—помѣщикъ. Такимъ же помѣщикомъ для монастырскихъ и церковныхъ былъ настоятель монастыря или церкви, для патріаршихъ—приказчикъ, поставленный патріархомъ.

Какъ помѣщичьи, такъ и всѣ другіе владѣльческіе крестьяне, кромѣ государственной подати, платили еще оброкъ владѣльцу или отбывали барщину, которая у монастырскихъ крестьянъ бывала иногда тяжеле, чѣмъ у помѣщичьихъ. Какъ помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ дворню для личныхъ услугъ, такъ и дворцовыхъ крестьянъ брали для разной службы, главнымъ образомъ черной работы, во дворецъ, патріаршихъ къ патріарху, а церковныхъ и монастырскихъ для услугъ при церкви и монастырѣ, и къ самимъ настоятелямъ. Монастырскіе, церковные и патріаршіе крестьяне отличались отъ другихъ владѣльческихъ тѣмъ, что ихъ не могли продавать безъ земли.

Кромѣ владѣльческихъ крестьянъ существовали изстари крестьяне государственные, которые сидѣли на государственной землѣ и распоряжались ею въ свою пользу, только не могли продавать ее. Распоряженіе землею было, какъ и у владѣльческихъ крестьянъ, общинное. Община распредѣляла между отдѣльными хозяевами ту землю, которая находилась въ ея пользованіи, и на рѣшеніе общины никто сверху не могъ повліять, какъ это было у владѣльческихъ. Община распредѣляла и государственную подать, и никто не могъ заставить ее платить лишнее, какъ заставляли владѣльческихъ крестьянъ платить за дворовыхъ. Повинности у государственныхъ крестьянъ были несравненно легче, чѣмъ у владѣльческихъ: кромѣ государственной подати, общей для всѣхъ крестьянъ, имъ приходилось давать лишь нѣкоторую часть продуктами

въ пользу государственнаго чиновника, собиравшаго съ нихъ подать, но это не могло сравниться съ тѣми поборами, которые производили помѣщики и монастыри сверхъ опредѣленнаго оброка или барщинной работы. Но въ 1722 году, Петръ уравнялъ въ повинностяхъ государственныхъ крестьянъ съ владѣльческими, обложивъ и государственныхъ оброкомъ въ пользу казны, приблизительно въ такомъ размѣрѣ, какъ платили владѣльческіе крестьяне. Кромѣ того, государственные крестьяне близко подходили къ крѣпостнымъ, потому что государство совершенно свободно распоряжалось ихъ судьбой, даря ихъ дворянамъ или монастырямъ, и такимъ образомъ, государственные крестьяне никогда не могли поручиться, что завтра они не сдѣлаются крѣпостными—частновладѣльческими. Затѣмъ, государственные крестьяне такъ же, какъ и частновладѣльческіе, никогда не могли выйти изъ своего крестьянскаго состоянія, а были прикрѣплены къ своему тяглу. Правда, нужно сказать, что прикрѣпленіе къ своему состоянію касалось не только крестьянъ, а всѣхъ русскихъ гражданъ. Это прикрѣпленіе началось въ государственныхъ цѣляхъ со времени образованія московскаго государства и достигло высшей точки своего развитія при Петрѣ.

Кромѣ владѣльческихъ и государственныхъ крестьянъ, были еще крестьяне фабричные и заводскіе. Особенно много такихъ крестьянъ появляется со времени Петра.

До Петра фабрикъ и заводовъ было такое ничтожное количество, что совершенно незамѣтно было нужды въ рабочихъ рукахъ. До XVIII вѣка всѣ издѣлія для домашняго обихода производились домашнимъ же способомъ, а болѣе тонкія, искусныя издѣлія—матеріи, предметы роскоши—покупались у заграничныхъ купцовъ—

благо и пошлина на нихъ была очень не высока. Правительство тоже предпочитало покупать оружіе заграницей, хотя и имѣло у себя нѣсколько заводовъ, производившихъ очень плохія пушки и ядра.

Во время непрерывныхъ войнъ Петра производство и оружія, и сукна, и холста для одеждъ понадобилось въ такомъ количествѣ и съ такою поспѣшностью, что явилась необходимость собственнаго производства. Петръ хотѣлъ насадить въ своемъ отечествѣ промышленность и всѣми способами поощрялъ появившуюся потребность. Устраивались казенные заводы, давалась помощь деньгами частнымъ предпринимателямъ, оказывались имъ различныя льготы: фабриканты (даже дѣти ихъ и мастера) освобождались отъ государственной службы и отъ податей, получали право безпошлиннаго провоза изъ-заграницы нужныхъ имъ инструментовъ. За сбытъ своихъ издѣлій фабрикантамъ и заводчикамъ нечего было безпокоиться: ихъ главнымъ покупателемъ была казна. Кромѣ того, правительство помогало еще сбыту товаровъ тѣмъ, что повысило ввозныя пошлины на заграничные товары и заставило этимъ обывателей покупать русскія издѣлія, хотя они были значительно хуже заграничныхъ. Затѣмъ, на нѣкоторыя издѣлія правительство предоставляло отдѣльнымъ фабрикантамъ монополію, т. е. запрещало другимъ имѣть предпріятіе этого рода. Всѣ эти мѣры способствовали росту фабрикъ и сбыту ихъ издѣлій, но имѣли и отрицательную сторону: они поощряли застой способа производства и давали ему возможность долгое время не совершенствоваться и далеко отставать отъ производства Западной Европы.

Увеличилось число фабрикъ и заводовъ, нужны были на нихъ и рабочія руки. Найти ихъ при томъ прикрѣ-

пленіи всего населенія къ своимъ занятіямъ, какое было въ XVIII вѣкѣ, было нелегкой задачей. Попробовали нанимать вольныхъ гулящихъ людей, но вѣдь большая часть изъ нихъ была изъ бѣглыхъ крестьянъ, которыхъ владѣлецъ усердно разыскивалъ, а разыскавши возвращалъ къ себѣ, да еще по узаконеніямъ Петра уличенные въ укрывательствѣ бѣглыхъ наказывались всевозможными способами вплоть до смертной казни. Такимъ образомъ, держать вольныхъ людей фабрикантамъ было не безопасно, и они громко роптали на отсутствіе рабочихъ рукъ. Петръ былъ поставленъ въ затрудненіе: какъ согласовать строгость сыска бѣглыхъ съ тѣмъ, чтобы не отнимать рабочихъ отъ фабричнаго производства, которое онъ такъ поощрялъ. Но онъ не задумался, какъ выйти изъ этого затрудненія: онъ поставилъ фабрикантовъ въ исключительное положеніе, не только освободивъ ихъ отъ наказаній, но даже разрѣшивъ не отбирать бѣглыхъ отъ фабрикантовъ, а заставить только рабочихъ платить оброкъ господамъ, которые предъявляли на нихъ свои права. Въ 1724 году съ изданіемъ указа объ отпускныхъ письмахъ Петръ сдѣлалъ также исключеніе для фабрикантовъ, предоставивъ имъ право не отдавать рабочихъ, живущихъ у нихъ безъ отпускныхъ писемъ, если работникъ, обучившись мастерству, очень полезенъ фабриканту, и только уплатить за него 50 рублей прежнему владѣльцу.

Но все же вольныхъ людей было слишкомъ недостаточно. Тогда Петръ рѣшилъ приспособить къ фабричному труду цѣлыя деревни крестьянъ. Такъ, ко всѣмъ казеннымъ заводамъ были приписаны многіе государственные крестьяне, напримѣръ, къ Тульскому оружейному заводу было приписано 3.562 души государствен-

ныхъ крестьянъ. А указомъ 1721 года разрѣшалось частнымъ фабрикантамъ покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Эти крестьяне считались собственностью не фабриканта, а фабрики, и оставались за нею, если она переходила въ руки другого хозяина. Несмотря на это, фабрикантъ обращался съ рабочими, какъ и всякій помѣщикъ со своими крѣпостными: могъ требовать работы отъ нихъ безъ всякаго ограниченія, а за всякій проступокъ подвергать какому угодно наказанію. Работа на фабрикахъ считалась самою трудною изъ всѣхъ работъ крѣпостныхъ, потому что, помимо тяжести и непомѣрности труда, требовалось и искусство, такъ какъ все производство тогда было ручное, машинъ вѣдь тогда не было.

Мы окончили обзоръ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ положеніи крестьянъ въ царствованіе Петра подъ вліяніемъ измѣнявшихся экономическихъ и политическихъ условій и тѣхъ реформъ, которыя Петръ производилъ чтобы приспособиться къ этимъ измѣняющимся условіямъ. Теперь перейдемъ къ обзору жизни городского тяглаго населенія.

Положеніе городского тяглаго населенія.

Въ городѣ населеніе дѣлилось на два главные слоя: жителей центра города—кремля, гдѣ были всѣ правительственныя учрежденія, и жителей окраинъ—посадовъ. Въ кремлѣ и около него жили служилые люди и духовенство, а на посадахъ—торговцы и ремесленники—городскіе тяглецы. Поэтому городское тяглое населеніе извѣстно подъ названіемъ посадскаго. Посадское населеніе было такимъ же крѣпостнымъ государ-

ства, какъ и государственные крестьяне, потому что посадское состояніе было наслѣдственнымъ и выйти изъ него не было никакой возможности. Но разница съ государственными крестьянами заключалась въ томъ, что посадскихъ людей никому не жаловали и слѣдовательно не могли обратить въ крѣпостныхъ — владѣльческихъ.

Посадское населеніе обложено было подушной податью и кромѣ того сборами на мірскія нужды, т. е. улучшеніе порядка и чистоты въ городѣ, устройство школъ, больницъ, аптекъ, содержаніе лѣкарей. Сборы на мірскія нужды правительство предоставляло собирать посадской общинѣ самообложеніемъ, которое устанавливали „мірскіе сходы". Мірскіе сходы были не очень щедры на эти сборы, потому что во-первыхъ— посадское населеніе и безъ того сильно было обременено государственными налогами и, во-вторыхъ правительство плохо удовлетворяло мірскія нужды, присылая негодныхъ лѣкарей, плохихъ аптекарей, а учителей хорошихъ такъ и совсѣмъ не было. Изъ этихъ же сборовъ посадская община должна была тратить совсѣмъ не на мѣстныя нужды: на расквартировку войскъ, на офицеровъ, посланныхъ для ревизій, на ссыльныхъ и плѣнныхъ.

Кромѣ податныхъ платежей посадское тягло составляли еще службы при разныхъ казенныхъ учрежденіяхъ счетчиками, оцѣнщиками, цѣловальниками, при продажѣ соли, при таможняхъ, при торговой и общей полиціи. Многія службы посылали посадскаго человѣка въ отъѣздъ, заставляя его бросать свои дѣла, домъ, семью. Въ этихъ отъѣзжихъ службахъ посадскій человѣкъ такъ же, какъ и служилый, находился въ пол-

номъ распоряженіи администраціи и перебрасывался, какъ и солдатъ, изъ конца въ конецъ государства. Большинство этихъ службъ касалось денежныхъ дѣлъ, и всѣ недочеты должны были пополняться изъ личныхъ средствъ посадскаго человѣка или мірскихъ средствъ общины. Понятно, что посадская община при такомъ порядкѣ очень дорожила богатыми купцами, на которыхъ могла сложить всѣ недоимки бѣдныхъ тяглецовъ. Эти богатые тяглецы пользовались тѣмъ, что община заискивала въ нихъ и забрали въ свои руки все распоряженіе городскими дѣлами. Дѣло въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ управленіе городомъ правительство передало въ руки самого посадскаго населенія, при чемъ, разумѣется, во всѣ наиболѣе важныя должности попали богатые тяглецы.

Петръ не издалъ указа, вводящаго сразу во всѣхъ городахъ самоуправленіе, но предоставилъ это право городамъ, которые этого захотятъ, при чемъ они облагались повышенной податью. Начало этому самоуправленію положилъ указъ Петра въ 1699 году, разрѣшающій торгово-промышленному населенію Москвы выбирать изъ своей среды „бурмистровъ“, чтобы „они вѣдали торгово-промышленныхъ людей во всѣхъ частныхъ гражданскихъ и торговыхъ дѣлахъ и собирали бы съ нихъ казенныя подати“. Собраніе бурмистровъ составляло „Бурмистерскую палату“, въ которой предсѣдательствовалъ каждый изъ бурмистровъ по очередно. Города не пожелавшіе ввести у себя самоуправленіе, оставались при старомъ и подчинялись областному управленію. Бурмистерскія палаты провинціальныхъ городовъ были подчинены Бурмистерской палатѣ Москвы. Эта палата не подчинялась никакому

правительственному учрежденію, а имѣла прямое отношеніе къ государю. Въ 1720 году Бурмистерскія палаты были нѣсколько измѣнены и получили названіе „Магистратовъ“, а главный Магистратъ находился уже не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ.

Члены Магистратовъ, какъ и раньше бурмистры, выбирались мірскими сходами, но не были защитниками интересовъ всей посадской общины, такъ какъ выборными попадали богатые тяглецы, а имъ, разумѣется, не было дѣла до неимущихъ посадскихъ жителей. Кромѣ того, они были отвѣтственными передъ правительствомъ, а не передъ своими избирателями, поэтому они чувствовали себя правительственными чиновниками. Такимъ образомъ и самоуправленіе не давало городамъ свободы дѣйствія въ кругу своихъ мѣстныхъ интересовъ, а только служило помощью правительству для взиманія казенныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Реформа областного управленія.

Итакъ, управленіе городомъ Петръ изъялъ изъ общаго провинціальнаго управленія, которое въ XVI и XVII вѣкахъ находилось въ вѣдѣніи воеводъ, земскихъ и губныхъ старостъ.

Воеводу назначало правительство, но содержало его населеніе на свой земскій счетъ. Воеводѣ подчинялся весь уѣздъ съ городомъ и сельскими обществами. На немъ прежде всего лежала военная защита города, и вначалѣ воеводы были только въ пограничныхъ городахъ, но со времени смуты, когда каждый городъ очутился на военномъ положеніи, воеводы назначаются во всѣ города. Затѣмъ, воевода вѣдалъ финансовое

управленіе, т. е. сборъ податей и пересылку ихъ высшему правительству въ Москву. Въ финансовомъ управленіи помощниками воеводы и его подчиненными были земскіе старосты, а помощниками старостъ головы и цѣловальники. Всѣ они завѣдывали сборомъ и доставкой воеводамъ государственныхъ податей, а также сборомъ различныхъ казенныхъ пошлинъ: питейной, торговой, банной, дорожной. Воеводу назначало правительство, но содержало его населеніе на свой земскій счетъ. Всѣ же остальныя должности были выборныя и безвозмездныя. Въ случаѣ недочета при сборѣ налоговъ за выборныхъ отвѣчалъ весь міръ его выбравшій, а выборные были отвѣтственны не передъ населеніемъ, а передъ правительствомъ.

Кромѣ финансоваго управленія, воевода вѣдалъ судъ и даже полицію. Но важнѣйшія уголовныя преступленія находились въ вѣдѣніи другой власти—губного [1]) старосты. Такими губными дѣлами считались: воровство, убійство, разбой, сводничество, поджогъ, отпаденіе отъ православія, лишеніе женщины ея чести, оскорбленіе родительской власти. Губной староста избирался населеніемъ изъ служилыхъ землевладѣльцевъ уѣзда, но увольняться безъ согласія правительства не могъ.

Выходило такъ: мѣстное населеніе давало средства и людей для управленія, отвѣчало за ихъ исправность передъ правительствомъ, а требовать отвѣта отъ своихъ выборныхъ не могло. Кромѣ того, всѣ выборные заняты были не только мѣстными дѣлами, а главнымъ образомъ общегосударственными.

---

[1]) Названіе губного старосты произошло отъ присяги, приложенія къ кресту губъ, такъ какъ дѣла, которыя вѣдалъ губной староста, требовали присяги.

Съ введеніемъ городского самоуправленія при Петрѣ, воеводское управленіе стало касаться лишь землевладѣльцевъ и крестьянъ. Въ 1708 году произведена была реформа областного управленія. Во-первыхъ, измѣнено было дѣленіе по округамъ. На мѣсто уѣзда административнымъ округомъ стала губернія, гораздо больше теперешней, такъ Московская губернія заключала въ себѣ нынѣшнія: Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Владимірскую, Костромскую и часть Ярославской. Каждая губернія дѣлилась на уѣзды (болѣе мелкіе, чѣмъ прежніе), а съ 1711 года нѣсколько уѣздовъ соединялись въ провинцію. Другой перемѣной въ управленіи было увеличеніе должностей и большая сложность всего устройства управленія. Въ пограничныхъ городахъ назначался правительствомъ генералъ-губернаторъ, а во внутреннихъ — губернаторъ, помощникомъ его вице-губернаторъ. Губернаторъ не могъ распоряжаться дѣлами одинъ, при немъ былъ совѣтъ, а онъ считался только предсѣдателемъ совѣта. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ выборныхъ отъ дворянства [1]), они назывались ландратами. Но дворянство, сильно отвлеченное войной отъ внутреннихъ дѣлъ, совсѣмъ не дорожило своими правами выбора и относилось къ нимъ настолько безучастно, что должности часто оставались незамѣщенными. Вскорѣ должность ландратовъ перестала быть выборной и губернаторъ самъ сталъ назначать ландратовъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Главной обязанностью ландратовъ было собираніе подати. Губерніи въ податномъ отношеніи были подѣлены на „доли“, и каждую долю вѣдалъ свой ландратъ. Съ 1719 года дѣленіе на губерніи нѣсколько из-

[1]) Въ XVIII вѣкѣ постепенно усваивается названіе „дворянъ“ за служилыми землевладѣльцами.

мѣняется и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается должность ландратовъ или вѣрнѣе—это названіе, такъ какъ обязанности ландратовъ—собираніе подушной подати—передаются „земскимъ комиссарамъ“, у которыхъ много еще и другого дѣла; такъ они должны были надзирать за откупщиками казенныхъ доходовъ, за дорогами, за исправностью отбыванія рекрутской повинности, даже за народнымъ образованіемъ и нравственностью жителей, чтобы „всѣ подданные страху Божьему и добродѣтели научены были“.

Перемѣнъ въ областномъ управленіи произошло много: дѣленіе округовъ, названія должностныхъ лицъ, сложность всего порядка областного управленія, содержаніе административныхъ лицъ отъ государства, а не отъ мѣстнаго населенія. Но задачи управленія не измѣнились. Главной задачей воеводъ было собираніе всевозможныхъ казенныхъ налоговъ. При Петрѣ нужды государства въ средствахъ не уменьшились, а наоборотъ, увеличились. Войны, длившіяся больше 20 лѣтъ, ставили главной задачей государства--добыть въ казну какъ можно больше денегъ. Главной цѣлью губерніи, какъ административнаго округа, было доставить средства для содержанія приписаннаго за ней полка. Отъ губернатора требовалось управленіе съ цѣлью добыть изъ населенія средства, а вовсе не въ интересахъ благосостоянія населенія. Управленіе существовало для казны, а не для населенія.

Реформы центральнаго управленія.

Старое московское центральное управленіе было не сложно, но безпорядочно и запутано. Къ концу XVII вѣка разрослось страшно много приказовъ, и правительство

стремилось соединить нѣсколько приказовъ въ одинъ, въ вѣдѣніе одного дьяка. Петръ старался ввести большій порядокъ въ управленіе: уменьшить количество вѣдомствъ и поручить отвѣтственность за веденіе дѣлъ, не одному лицу, а совѣту, собранію, значитъ, вмѣсто единоличнаго управленія ввести коллегіальное. Учрежденія, замѣнившія приказы, такъ и назывались „коллегіями". Отсюда происходятъ и названія теперешнихъ чиновъ: коллежскаго ассессора, коллежскаго секретаря. Коллегій было устроено въ 1718 году девять (позднѣе было добавлено). Вѣдомства раздѣлялись такъ: три коллегіи вѣдали иностранныя дѣла, три—финансовыя и три—промышленныя.

Измѣнилось и высшее государственное учрежденіе.

Въ XVII вѣкѣ совершенно теряется значеніе Боярской Думы, а къ концу этого вѣка не созываются и Земскіе Соборы. Петръ не созываетъ ни разу Земскаго Собора, не обращаетъ вниманія и на Боярскую Думу, которая и уничтожается сама собой. Въ 1711 году является новое высшее правительственное учрежденіе: Петръ учреждаетъ въ Петербургѣ Правительствующій Сенатъ „на время отлучекъ государевыхъ", но на самомъ дѣлѣ, Сенатъ существуетъ постоянно. Сенатъ отличался и отъ Думы и отъ Земскихъ Соборовъ прежде всего своимъ составомъ: въ него входили лица, только назначенныя самимъ государемъ. Поэтому, ни о какой оппозиціи государю, ни о какомъ отстаиваніи интересовъ населенія не могло быть и рѣчи. Сенатъ былъ послушнымъ бюрократическимъ [1]) орудіемъ въ рукахъ государя и имѣлъ зна-

---

[1]) Бюрократъ—чиновникъ, назначенный правительствомъ и отвѣтственный только передъ нимъ.

ченіе высшаго учрежденія, надзиравшаго за всѣми центральными и областными учрежденіями.

Всѣ должностныя лица, отъ самыхъ важныхъ до мелкихъ подъячихъ, въ старыя времена Московскаго государства брали взятки при каждомъ удобномъ случаѣ. Правительство смотрѣло на это сквозь пальцы, такъ какъ жалованье платило очень небольшое, а провинціальнымъ администраторамъ и совсѣмъ ничего не платило. Петръ сталъ преслѣдовать взятку. Всѣмъ чиновникамъ положенъ былъ опредѣленный окладъ жалованья. Но все же жалованья было недостаточно, да и привычка старая сильна. Взглядъ на взятку, какъ на безгрѣшный доходъ держался долго. Угрозы дѣйствовали мало, всѣ чиновники поголовно продолжали брать взятки. Съ болѣе близкими Петръ расправлялся самолично дубинкой, но и это мало помогало.

Табель о рангахъ.

Въ до-петровское время военную и гражданскую службу несли только служилые землевладѣльцы—дворяне. Со времени всеобщей рекрутской повинности податныя сословія тоже обязаны были нести военную службу. Каждый солдатъ, независимо отъ своего происхожденія могъ дослужиться, по истеченіи извѣстнаго срока, до офицерскаго чина и вмѣстѣ съ тѣмъ получить дворянство. Въ гражданскую службу стали допускать тоже всѣ сословія. Служба начиналась съ низшихъ чиновъ, а потомъ давалось повышеніе. Дослужившись до гражданскаго чина, соотвѣтствующаго офицерскому чину, чиновникъ получалъ дворянство.

Этотъ законъ о чинахъ по должностямъ называется

„Табелью о рангахъ“. Эти нововведенія противорѣчили стремленію государства закрѣпить всѣхъ за своимъ тягломъ, но Петръ сдѣлалъ это нарушеніе, потому что сознавалъ лѣнь и небрежность чиновниковъ изъ служилаго сословія и разсчитывалъ обновить составъ служащихъ притокомъ свѣжихъ силъ изъ податныхъ сословій. Онъ хотѣлъ поощрить ихъ усердіе обѣщаніемъ чиновъ и дворянства со всѣми его правами и преимуществами: освобожденіемъ отъ платежа податей, правомъ владѣть землею съ крестьянами.

Положеніе дворянъ.

Положеніе служилаго землевладѣльческаго сословія сильно измѣняется при Петрѣ. Прежде всего оно перестаетъ быть такимъ обособленнымъ отъ всего остального населенія, какъ было раньше. Такъ его право владѣть землею съ крестьянами перестаетъ быть исключительнымъ, при Петрѣ оно распространяется на купцовъ, владѣющихъ фабриками и заводами. Затѣмъ, является—какъ уже было указано—доступъ въ дворянство и изъ другихъ сословій. Много перемѣнъ произошло и въ самой жизни дворянъ землевладѣльцевъ. Съ введеніемъ рекрутской повинности помѣщики должны были разстаться съ своимъ привольнымъ житьемъ въ помѣстьяхъ. Раньше помѣщиковъ тревожили только въ военное время, а въ мирное они хозяйничали въ своей усадьбѣ, вкусно ѣли и пили и беззаботно вволю спали. Петръ разбудилъ ихъ и всѣхъ потребовалъ на дѣйствительную службу. Всѣ военные должны были находиться при полкахъ, заниматься военнымъ обученіемъ, подвергаться частымъ смотрамъ.

Каждый дворянинъ обязанъ былъ, какъ и его крѣпостной мужикъ, начинать свою службу съ нижняго чина, правда только въ однихъ полкахъ цѣликомъ дворянскихъ—гвардейскихъ. На службѣ рядового, дворянинъ исполнялъ тѣ же обязанности, какъ и всѣ прочіе солдаты, чистилъ амуницію, носилъ воду, приводилъ въ порядокъ дворъ и казарму.

До Петра служба военная и гражданская смѣшивались. Служилые люди въ промежуткахъ между походами получали назначеніе управлять какой нибудь областью или завѣдовать приказомъ. При Петрѣ явилась необходимость отдѣлить совершенно гражданскую службу отъ военной, такъ какъ военная стала непрерывной.

Часть дворянъ должна была поступать въ гражданскую службу. Но выборъ для дворянина не былъ свободенъ,—разрѣшалось, чтобы изъ семьи шло въ гражданскую службу не болѣе половины всѣхъ сыновей. Петръ строго взыскивалъ съ дворянъ за уклоненіе отъ службы: по указу 1714 года дворяне, достигшіе возраста для службы и не явившіеся (нѣтчики), наказывались кнутомъ и отобраніемъ имущества. Кромѣ того Петръ лишилъ возможности всѣхъ дворянскихъ дѣтей пользоваться вотчиною, ограничивъ переходъ земли по наслѣдству лишь однимъ изъ сыновей. Цѣль этого указа 1714 года—была двойная: сохранить крупныя имѣнья и заставить дворянскихъ дѣтей, лишенныхъ наслѣдства, искать средствъ существованія на службѣ.

Кромѣ служебной повинности на дворянъ наложена была Петромъ еще повинность, которой не было у другихп сословій. Это повинность обученія. Каждый дворянинъ обязывался выучиться къ извѣстноцу возрасту

дома или въ правительственной школѣ грамотѣ, ариѳметикѣ, геометріи и наукѣ мореплаванія. Правда этотъ курсъ ученья не особенно великъ, но онъ былъ труденъ, потому что преподаваніе было очень плохо. Обученіе имѣло въ виду подготовку къ военной службѣ. Другое образованіе получать дворянамъ запрещалось. Значитъ учиться дворяне должны были, но не тому, чему сами хотѣли, а тому что предписывало правительство. А правительство вовсе не заботилось о всестороннемъ умственномъ развитіи. Ему важно было имѣть достаточное количество приготовленныхъ офицеровъ и чиновниковъ.

Петръ придавалъ громадное значеніе техническимъ знаніямъ и посылалъ молодыхъ дворянъ заграницу учиться въ спеціальныхъ школахъ [1]), чтобы были свои русскіе инженеры, архитекторы и другіе техники. Посылались заграницу молодые дворяне и для общаго образованія въ расчетѣ, что развитые чиновники будутъ полезнѣе государству, чѣмъ полуграмотные, воспитавшіеся въ русскихъ школахъ. Эта насильственная посылка дворянъ заграницу считалась чуть ли не самой тяжелой повинностью.

Многіе не поддавались образованію и, расчитывая размыкать тоску по родинѣ, предавались пьянству. Но лучшіе, болѣе способные воспринимали науку и, полюбя культурный Западъ, уже неохотно возвращались на родину.

---

[1]) Спеціальными школами называются такія, въ которыхъ дается не общее образованіе, а подготовка къ одной опредѣленной дѣятельности; напримѣръ: техническія школы, музыкальныя, рисовальныя, духовныя.

Образованіе.

Какъ ни какъ западное образованіе стало проникать въ Россію и будить счастливыхъ въ своемъ невѣжествѣ.

Разумѣется сказался и вредъ этого наноснаго образованія.

Большинство воспринимало лишь внѣшность: манеры, одежду, разговоръ на иностранныхъ языкахъ, обычаи на пирахъ и тому подобное. Школъ было мало, а спросъ на образованіе явился. Иностранцы проживавшіе тогда въ Россіи—приглашенные на службу или плѣнные шведы—задумали приняться за школьное дѣло. Они стали открывать частныя школы и дворянскіе пансіоны, въ которыхъ обучали деревенскихъ увальней манерамъ, танцамъ и тѣмъ немногимъ наукамъ, которыхъ требовало правительство для каждаго дворянина.

Эти иностранцы не были хорошо образованы, но чувствовали свое превосходство надъ русскими и рѣшались обучать ихъ. Главной цѣлью этихъ учителей было, разумѣется—получить какъ можно больше денегъ, обученіе же шло очень плохо.

Для насажденія образованія въ Россіи Петръ перенялъ съ Запада въ 1724 году Академію Наукъ. Членами ея были конечно иностранцы, такъ какъ русскихъ людей научно-образованныхъ въ то время не было. Единственно научно-образованными людьми былъ кое-кто изъ малорусскаго духовенства, но ихъ наука была односторонняя—богословская. Малорусское духовенство обучалось по сосѣдству въ Польшѣ, или заимствовало свои познанія оттуда, обучаясь и въ Кіевской Духовной Академіи. Кіевскіе академики сильно отличались отъ великорусскаго духовенства грубаго и невѣжественнаго.

Церковная реформа.

Петръ очень цѣнилъ малорусское духовенство и выдвигалъ его на высшія духовныя должности. Самое видное мѣсто при Петрѣ занялъ преподаватель Кіевской Академіи Ѳеофанъ Прокоповичъ, который такъ понравился Петру, что онъ его сдѣлалъ Псковскимъ митрополитомъ, а потомъ перевелъ въ Петербургъ и слушался его совѣтовъ въ церковныхъ дѣлахъ. Петръ очень не любилъ великорусское духовенство, потому что оно не одобряло его нововведеній и настраивало противъ нихъ населеніе. Духовенство осуждало царя за его знакомство съ иностранцами, за бритье бороды, за несоблюденіе постовъ, за короткое иноземное платье. Патріархъ даже въ храмѣ обличалъ все это. Самостоятельному и властолюбивому Петру было очень не по душѣ видѣть рядомъ съ собою чуть что не равную себѣ власть, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ народа, да еще слышать себѣ порицаніе. Когда патріархъ Адріанъ умеръ, Петръ не велѣлъ избирать новаго, ничего не говоря прямо объ уничтоженіи патріаршаго престола. Назначенъ былъ „мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола“ Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, родомъ малороссъ, но образованный на болѣе старинный ладъ и не сочувствовавшій преобразованіямъ Петра. Когда царь познакомился съ Ѳеофаномъ, Стефанъ потерялъ всякое значеніе въ его глазахъ и долженъ былъ устраниться. Въ 1721 году было объявлено объ уничтоженіи патріаршаго престола, на мѣсто котораго учреждался Синодъ. Устройствомъ Синода и занялся Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Со времени этой церковной реформы царская власть

уже не могла встрѣчать отпора со стороны духовенства которое съ этихъ поръ становится особенно послушнымъ слугою самодержавія.

Оппозиція реформамъ Петра.

Не одно духовенство недовольно было реформами Петра. Оно возмущалось главнымъ образомъ нарушеніемъ старыхъ обычаевъ и предразсудковъ. Противодѣйствіе духовенства заключалось въ проповѣдяхъ въ церквахъ и агитаціи среди темнаго населенія.

Простому народу въ царствованіе Петра жилось еще тяжелѣе прежняго. Изъ податного населенія выжимались всѣ соки на военныя нужды, а смысла этихъ издержекъ простой народъ не понималъ: его вѣдь не спрашивали, нужно ли ему Финское побережье или Баку? Въ народной памяти жило преданіе, что особенно тяжело было тяглому населенію во время самозванцевъ, значитъ все зло отъ нихъ, а если теперь стало невыносимо, то ужъ не самозванецъ ли и Петръ? Ходило много разныхъ небылицъ, что Петръ погибъ заграницей, а дворяне вмѣсто него посадили латыша или нѣмца, и оттого все плохо. Подтверждали эти разсказы всегда какими нибудь обычаями Петра, его образомъ жизни, его неуваженіемъ къ старинѣ. Нѣкоторые шли дальше, особенно раскольники, которыхъ Петръ преслѣдовалъ, говорили, что настали послѣднія времена и Петръ—антихристъ. Не только сказками и небылицами протестовалъ простой народъ. Онъ нѣсколько разъ брался за свое обычное средство—бунтъ. Такъ были бунты: въ Астрахани въ 1705 году, на Дону такъ называемый Булавинскій бунтъ въ 1708 году. Для

усмиренія посылались войска и мятежи прекращались съ страшнымъ кровопролитіемъ и казнями.

Недовольно Петромъ было и дворянство. Оно было очень обижено закономъ 1714 года о единонаслѣдіи и тяготилось обязательностью службы, начинавшейся съ нижнихъ чиновъ.

Дворяне, въ своемъ протестѣ, обращались, такъ же какъ и простой народъ, къ своему старому средству— заговору противъ царя, съ цѣлью возвести на престолъ другого. Заговорщики соединялись около имени царевича Алексѣя, сына Петра, но онъ самъ стоялъ въ сторонѣ. Петръ же зорко слѣдилъ за заговорщиками и устроилъ даже особое учрежденіе—Преображенскій приказъ—съ цѣлью розыска заговоровъ. Всѣхъ заподозрѣнныхъ хватали и пытали въ Преображенскомъ приказѣ, нѣкоторыхъ послѣ этихъ разслѣдованій предавали казни. Обвиняли людей и совершено не замѣшанныхъ въ заговорѣ, а просто возмущавшихся новыми порядками. Этого уже было достаточно, чтобы обвинить въ принадлежности къ сторонникамъ Алексѣя.

Петръ относился къ Алексѣю враждебно за то, что сынъ составлялъ полную противоположность отцу. Слабовольный, бездарный и къ тому же дурно воспитанный, не получившій даже того образованія, какого Петръ требовалъ отъ каждаго дворянина, Алексѣй ненавидѣлъ отца и былъ весь на сторонѣ матери, обиженной отцомъ. Въ его понятіи отецъ соединялся съ нововведеніями, мать и ближайшіе друзья ея—со стариной. Изъ Алексѣя, вслѣдствіе различныхъ условій, вышелъ человѣкъ, неспособный не только къ управленію государствомъ, но даже къ личной здоровой и нормальной жизни. Петръ отлично понималъ это, но не пони-

малъ, что дѣло уже непоправимо и, обладая самъ несокрушимой силой воли, не вѣрилъ сыну, что тотъ не можетъ измѣниться.

Онъ нѣсколько разъ приказывалъ сыну „исправиться“ т. е. сдѣлаться другимъ человѣкомъ, какимъ долженъ быть — по мнѣнію Петра наслѣдникъ престола. Алексѣй конечно не „исправлялся“ и Петръ преслѣдовалъ сына. Алексѣй самъ не замышлялъ свергнуть отца, но о престолѣ очень мечталъ не изъ властолюбія, а просто желая самъ освободиться отъ тяжелой руки отца. Но всѣ его стремленія къ престолу сводились къ мечтѣ о смерти отца, которую онъ считалъ близкой, основываясь на болѣзни (припадки падучей) Петра. Пока же Алексѣй бѣжалъ заграницу съ своей возлюбленной. Но Петръ заманилъ его домой, обѣщая прощеніе за бѣгство. Когда же Алексѣй вернулся, Петръ обвинилъ его въ измѣнѣ и заточилъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ несчастный и умеръ послѣ пытокъ, въ которыхъ участвовалъ самъ царь — отецъ.

3. Время Дворцовыхъ переворотовъ.

Судьба престола по смерти Петра I.

Петръ ввелъ новый законъ о престолонаслѣдіи, предоставляющій право самому государю, помимо старшаго сына, назначать себѣ преемника. Онъ и собирался лишить престола Алексѣя назначивъ наслѣдникомъ своего младшаго сына Петра (отъ второй жены Екатерины), но тотъ умеръ ребенкомъ еще раньше Алексѣя. Вторую жену свою Екатерину Петръ короновалъ императорской короной, но наслѣдницей ее не объявилъ.

Умеръ Петръ неожиданно отъ простуды въ 1725 году, и рѣшить вопросъ о престолѣ пришлось Сенату. Наслѣдниками могли быть или потомки Петра или потомки Ивана. Оба государя царствовали и слѣдовательно и тѣ и другіе наслѣдники могли считаться законными.

Иванъ V — Петръ I

Екатерина и Анна (герцогиня Курляндская). Алексѣй, Анна и Елизавета

Анна Леопольдовна. — Петръ II. Петръ III.

Иванъ Антоновичъ.

Лица, возвышенныя Петромъ изъ незнатныхъ, явились и по смерти его сторонниками его жены Екатерины. Былъ и другой кандидатъ—Петръ Алексѣевичъ, еще ребенокъ. Его выдвигала знать. Но любимцы Петра Великаго, съ Меньшиковымъ во главѣ, на этотъ разъ побѣдили: на престолъ вступила Екатерина. Побѣдители поспѣшили прежде всего устранить отъ вліянія на государственыя дѣла Сенатъ, который могъ быть оппозиціей происхожденцамъ, такъ какъ состоялъ изъ дворянъ. Отъ Сената былъ отнятъ титулъ Правительствующаго и онъ былъ низведенъ на степень коллегій. На мѣсто его учрежденъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ изъ шести лицъ.

Екатерина назначила своимъ наслѣдникомъ Петра Алексѣевича, а Меньшиковъ обручилъ мальчика съ своей дочерью, обезпечивъ себѣ положеніе регента [1]) на случай смерти императрицы.

---

[1]) Регентъ—правитель государствомъ на время малолѣтства государя.

Екатерина умерла въ 1727 году, и регентствовать сталъ Верховный Тайный Совѣтъ, а во главѣ его Меньшиковъ.

Но вскорѣ побѣдила партія знати приверженная старинѣ и враждебная Петру I, а слѣдовательно и его любимцамъ. Меньшиковъ былъ сосланъ, а его мѣсто заняли Долгорукіе. Одинъ изъ нихъ обручилъ одиннадцатилѣтняго Петра съ своей дочерью.

Петра воспитывали въ забавахъ, а отъ государственныхъ дѣлъ устраняли. Ему такъ и не пришлось стать самостоятельнымъ государемъ. Онъ умеръ въ 1730 году отъ оспы, наканунѣ того дня, когда была назначена въ Москвѣ его свадьба.

Вопросъ о томъ кому, быть на престолѣ стали рѣшать совмѣстно Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ. Всѣ единогласно сошлись на той мысли, что необходимо добиться льготъ себѣ, т. е. высшему чиновничеству, состоявшему главнымъ образомъ изъ дворянства. Добиться какихъ нибудь уступокъ отъ государя можно было лишь въ томъ случаѣ, если пригласить на престолъ такое лицо, которое правъ своихъ не предъявляло, престола не ожидало и поэтому отъ внезапной радости могло пойти на всякія уступки. Всѣ это вѣрно расчитали и сошлись въ выборѣ такого лица: рѣшено было пригласить дочь Ивана Алексѣевича Анну, герцогиню Курляндскую. Верховный Тайный Совѣтъ послалъ приглашеніе Аннѣ и, уже не сговорившись, а только отъ себя, представилъ ей условія, въ случаѣ неисполненія которыхъ она лишалась престола. Условія эти были слѣдующія: не выходить замужъ и неназначать наслѣдника: Верховный Тайный Совѣтъ всегда содержать изъ восьми лицъ, безъ его согласія: не объ-

являть войны и не заключать мира, не налагать податей и не расходовать государственной казны, не жаловать вотчинъ и не отнимать имѣній у шляхетсва, не жаловать никого въ придворные и генеральскіе чины; гвардіи и всѣмъ прочимъ войскамъ быть въ вѣдѣніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не императрицы.

Эти условія ограничивали самодержавную власть только въ пользу одного учрежденія —Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ случаѣ же согласія Анны на представленные ей пункты верховники [1]) намѣревались представить ей для подписи болѣе разработанный и подробной проектъ конституціи [2]). Составителемъ этого проекта былъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ [3]), человѣкъ очень образованный, читавшій нѣмецкихъ политическихъ писателей. Онъ сочувствовалъ реформамъ Петра Великаго, такъ какъ понималъ, что онѣ ведутъ Россію впередъ, и былъ сторонникомъ подражанія болѣе культурнымъ государствамъ Западной Европы; вслѣдствіе этого онъ не могъ быть заодно со знатью, оппозиціонной Петру Великому.

Въ то же время онъ не любилъ и Петра за то, что тотъ хотѣлъ все сдѣлать по своему. Голицынъ хотѣлъ, чтобы Россія заимствовала отъ Западной Европы образъ правленія конституціонныхъ государствъ.

---

[1]) Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

[2]) Конституція—условіе между верховной властью и подданными, опредѣляющее такой порядокъ въ государствѣ, при которомъ глава государства не имѣетъ права издавать законовъ безъ учрежденія, состоящаго изъ представителей населенія.

[3]) Голицынъ принадлежалъ къ знатной боярской фамиліи, онъ былъ двоюроднымъ братомъ Василія Васильевича Голицына.

Онъ только долго колебался, какая конституція для Россіи больше подходитъ—англійская или шведская, наконецъ, при составленіи проекта остановился на шведской. Пункты посланные Аннѣ верховниками, онъ расчитывалъ добавить еще слѣдующими: кромѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, учреждается еще Сенатъ изъ 36 лицъ, который разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ Совѣтъ, и имѣетъ значеніе высшаго суда; затѣмъ Палата низшаго шляхетства изъ 200 членовъ для охраненія правъ дворянства въ случаѣ нарушенія ихъ Совѣтомъ; и наконецъ, Палата городскихъ представителей отъ недворянскаго городского населенія—по два отъ каждаго города.

Какъ видно, изъ этого проекта, Голицынъ не заботился исключительно о личныхъ интересахъ нѣсколькихъ лицъ, входившихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а боролся главнымъ образомъ съ самодержавіемъ, желая ограничить его политическими правами дворянства и отчасти торговаго населенія. Крестьяне, потерявшіе къ тому времени даже признаки гражданскихъ правъ, въ расчетъ не принимались.

Въ моментъ смерти Петра II въ Москвѣ собралось очень много дворянъ, пріѣхавшихъ на свадьбу государя, и попавшихъ на его похороны. Среди дворянства распространился слухъ о томъ, что верховники послали Аннѣ Ивановнѣ какіе то пункты, ограничивающіе самодержавіе исключительно въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта. Часть дворянъ возмутилась посягательствомъ на самодержавіе, но большинство ихъ, тяготившееся властною рукою Петра Великаго, отнявшаго у нихъ многія привиллегіи, не прочь было ограничить самодержавіе въ пользу дворянства. Верховный

Тайный Совѣтъ дворяне ненавидѣли, считая членовъ его выскочками и приверженцами нововведеній Петра, и хотѣли его уничтожить, а на его мѣсто выдвинуть Сенатъ, составленный изъ дворянства, и затѣмъ „собраніе шляхетства“, никакихъ же городскихъ представителей имъ — разумѣется — было не нужно. Въ такомъ смыслѣ и составилось нѣсколько проектовъ среди дворянъ. Верховники, узнавъ объ этомъ, задумали войти съ дворянами въ соглашеніе и, какъ только получили отвѣтъ отъ Анны съ полнымъ согласіемъ на все, созвали собраніе, на которое пригласили дворянъ, и сообщили имъ, что будто бы Анна сама добровольно ограничиваетъ свою власть. Между дворянами началось сильное движеніе, котораго верховники испугались и стали сами предлагать дворянамъ подавать свои проекты конституціи.

Верховники готовы были пойти на уступки, но разумѣется не могли уступить одного—уничтоженія самихъ себя, уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Дворяне представляли въ Совѣтъ проектъ за проектомъ но сами не успѣли сговориться на какомъ-нибудь одномъ и твердо отстоять его передъ императрицей. Какъ только Анна пріѣхала въ Москву, они поторопились внушить ей, чтобы она уничтожила пункты Верховнаго Тайнаго Совѣта, такъ какъ Совѣтъ представилъ ихъ безъ вѣдома дворянства. Анна, видя, что сила на сторонѣ дворянъ, рѣшилась разорвать пункты. Дворяне же поднесли ей нѣсколько челобитныхъ, которыя смутили ее и поставили втупикъ: которую изъ нихъ принять? Кого послушаться? И послушалась тѣхъ кто ей шепнулъ, чтобы она не приняла никакихъ ограниченій и объявила себя самодержавной.

Однако на челобитныя она обратила вниманіе и, не давъ политическихъ правъ дворянству, исполнила почти все, что касалось льготъ и привиллегій этого сословія, но не сразу, а постепенно отдѣльными указами втеченіе всего своего царствованія.

Дворяне не получили вліянія на управленіе государствомъ, хотя и былъ уничтоженъ ихъ ненавистный соперникъ—Верховный Тайный Совѣтъ. Вмѣсто него былъ учрежденъ Кабинетъ изъ трехъ лицъ. У власти встали иностранцы, и главное значеніе пріобрѣлъ фаворитъ [1]) императрицы, ея курляндскій конюхъ—Биронъ. Биронъ сталъ полновластнымъ царемъ, а всѣми дѣлами правилъ умный и ловкій Остерманъ, единственно уцѣлѣвшій отъ прежняго правительства. Правленіе Анны никого не удовлетворяло: ея случайные фавориты заботились только о своихъ личныхъ интересахъ, а дворяне терпѣли отъ нихъ всякія обиды хуже, чѣмъ при Петрѣ Великомъ.

Неугодившихъ чѣмъ нибудь Бирону или другимъ фаворитамъ ссылали въ Сибирь, заточали въ тюрьму. Особенный же ужасъ на всѣхъ наводила „Тайная канцелярія“, въ которой пытали всѣхъ, противъ кого было показано „слово и дѣло“, т. е. кто былъ уличенъ въ враждебномъ отношеніи къ временщикамъ [2]). Это учрежденіе не было изобрѣтено при Аннѣ, оно было лишь переименовано изъ Преображенскаго приказа, устроеннаго при Петрѣ съ цѣлью искорененія враждебнаго преобразованіямъ образа мыслей. Какъ ни

---

[1]) Фаворитъ—любимецъ, взысканный особенными милостями.

[2]) Временщиками называютъ людей, стоящихъ у власти не по праву, а по случайному капризу государя.

безсмысленно жестоко было это учрежденіе при Петрѣ, но цѣли его можно найти оправданіе—польза государства, какъ ее понималъ Петръ. Тайная же канцелярія преслѣдовала лишь личныхъ враговъ временщиковъ, до государства ей не было дѣла. Дворянство глухо роптало, несмотря на тѣ подачки, которыя бросала ему императрица, и подготовляло переворотъ, который и случился уже въ слѣдующее царствованіе.

Анна Ивановна умерла въ 1740 году, назначивъ наслѣдникомъ правнука Ивана Алексѣевича по женской линіи—годового Ивана Антоновича, а регентомъ Бирона. Отецъ же и мать ребенка были отстранены отъ правленія. Биронъ оставался по-прежнему полновластнымъ царькомъ, но такое положеніе не прочь были занять и другія лица, имѣвшія на это столько же права, сколько и Биронъ. Однимъ изъ такихъ соперниковъ Бирона сталъ Минихъ, начальникъ гвардіи. Онъ выступилъ какъ бы на защиту устраненной матери государя, Анны Леопольдовны. Минихъ, при помощи гвардіи, арестовалъ Бирона, паденію котораго всѣ были рады, и провозгласилъ правительницей Анну Леопольдовну. Разумѣется, она была только правительницей по имени, а всѣми дѣлами сталъ заправлять Минихъ. Эта смѣна временщиковъ была замѣтна лишь для лицъ—самыхъ близкихъ къ престолу. Въ широкихъ же кругахъ дворянства росло недовольство на этотъ захватъ власти немногими лицами. Дворянство стремилось встать у власти, какъ классъ землевладѣльцевъ, объединенный одними общими интересами, и направлять всю дѣятельность власти исключительно въ свою пользу.

Дворяне стали вести агитацію за дочь Петра I Елизавету, надѣясь на ея приверженность ко всему

русскому и нелюбовь къ нѣмцамъ, которые очень ужъ досадили дворянамъ за послѣднія царствованія. Расчитывали же больше всего дворяне на благодарность Елизаветы, если удастся возвести ее на престолъ. Не прошло года съ переворота Миниха въ 1740 г., какъ опять гвардія же свергла Ивана и возвела на престолъ Елизавету. Въ этомъ переворотѣ гвардія дѣйствовала гораздо уже сознательнѣе, чѣмъ въ переворотѣ 1740 г., гдѣ она была лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего начальника Миниха, ничего не ожидая отъ смѣны временщиковъ. Въ 1741 г. она выступила уже на защиту своихъ правъ, какъ объединенное дворянство [1]), въ надеждѣ, что Елизавета будетъ настоящей дворянской императрицей, и она угадала.

Елизавета вступила на престолъ съ невинными глазами, обѣщая не проливать ни капли русской крови, а маленькаго Ивана VI съ родителями сослала въ Архангельскую губернію позднѣе велѣла перевести въ Шлисельбургскую крѣпость и держала его тамъ въ теченіе всего своего царствованія. Это заточеніе довело Ивана до болѣзни, до полнаго идіотизма, такъ что онъ уже не былъ похожъ на человѣка, когда при Екатеринѣ II полковникъ Мировичъ задумалъ его освободить и возвести на престолъ Этимъ бунтомъ и кончилась жизнь невиннаго страдальца, потому что его убили по распоряженію Екатерины.

Елизавета сослала Миниха въ Сибирь и удалила всѣхъ стоявшихъ раньше близко къ престолу. Она окружила себя чистокровными дворянами, которые были

---

[1]) Со времени Петра I вся гвардія состояла изъ дворянъ.

теперь вполнѣ удовлетворены и предписывали императрицѣ различныя реформы выгодныя для дворянъ.

У Елизаветы были фавориты такъ же, какъ и у Анны но они не пытались имѣть вліяніе на государственныя дѣла и потому дворяне ихъ охотно терпѣли. Этими фаворитами были братья Разумовскіе, люди очень незнатнаго происхожденія. Они вполнѣ довольствовались личнымъ расположеніемъ императрицы и тѣми богатыми подарками и землями и деньгами, которыми она ихъ надѣляла. Дворяне нисколько не возмущались такимъ расходованіемъ государственной казны, потому что вѣдь не они ее наполняли, да и дворянъ Елизавета не забывала.

Благодѣтельствуя всѣми способами дворянъ, Елизавета совсѣмъ не походила на своего строгаго, но вполнѣ демократичнаго отца, которому все равно было бить мужика или барина, въ комъ оцѣнить умъ и сметку—въ крестьянинѣ или дворянинѣ. Однако она очень любила выставлять себя продолжательницей дѣлъ Петра Великаго. Она возстановила всѣ учрежденія Петра въ высшемъ управленіи, которыя были измѣнены при ея предшественницахъ: такъ, она уничтожила Кабинетъ, а Сенату возвратила то значеніе, какое ему было придано Петромъ. Тайная канцелярія, свирѣпствовавшая при Биронѣ, не была уничтожена закономъ, но она совсѣмъ перестала дѣйствовать, и ея никто не боялся. Не походила Елизавета на своего отца и тѣмъ, что не хотѣла и не умѣла держать общество подъ вѣчнымъ гнетомъ и страхомъ, заставляя всѣхъ на каждомъ шагу чувствовать свою власть. Наоборотъ, она всѣхъ очаровывала своей лаской, особенно въ началѣ царствованія. Если ей было лѣнь заниматься серьезными дѣ-

лами, и она по нѣскольку лѣтъ не могла собраться подписать указъ, то лѣнь было заниматься и розысками и наказаніями.

Самое главное въ ея жизни было веселиться, и при ней увеселенія при дворѣ напоминали время царя Алексѣя. Только цѣлое столѣтіе, отдѣляющее собой этихъ любителей веселья, наложило свой отпечатокъ на самый характеръ развлеченій: на придворной сценѣ не разыгрывалось уже „Пещное дѣйство", а ставились французскія комедіи, то по-французски, а то и въ переводѣ.

Ласкаяя самый сильный господствующій классъ— дворянство, Елизавета благополучно удержалась на престолѣ до самой смерти. Она приготовила себѣ заранѣе наслѣдника своего родного племянника Петра, сына сестры своей Анны Петровны, которая была замужемъ за однимъ изъ мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, герцогомъ Голштинскимъ.

Петръ III еще при жизни Елизаветы показалъ себя совсѣмъ неприспособленнымъ для управленія государствомъ. Онъ ни къ чему не умѣлъ относиться серьезно. Елизавета и сама ничего не понимала въ государственныхъ дѣлахъ, но всѣ церемоніи совершала съ самымъ серьезнымъ видомъ: принимала иностранныхъ пословъ присутствовала при богослуженіи и даже выслушивала доклады. Петръ же дурачился въ церкви, дурачился при иностранныхъ послахъ, и только серьезно относился къ игрушкамъ—серебрянымъ солдатикамъ, которыхъ онъ разставлялъ и обучалъ, какъ Фридрихъ Прусскій свои войска.

Когда Елизавета умерла и Петръ III вступилъ на престолъ въ 1761 г., онъ сталъ продолжать свою

игру въ солдатиковъ, но уже живыхъ. Все войско первымъ дѣломъ переодѣлъ въ прусскіе мундиры, мучилъ его на маршировкѣ и въ этомъ понималъ свою главную задачу. Во время Елизаветы войско было сильно распущено: офицеры предавались увеселеніямъ и кутежамъ къ службѣ же относились небрежно, зато и солдатамъ жилось полегче прежняго. Петръ не сумѣлъ конечно ввести настоящій порядокъ въ войско, но муштровка его сильно возбуждала противъ него всѣхъ военныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все дворянство. Хотя Петръ отдѣльными подачками и хотѣлъ привлечь на свою сторону дворянъ, но этого было уже недостаточно: они отвыкли, чтобы ими играли, какъ серебряными солдатиками, а привыкли сами руководить верховной властью. Всего ненавистнѣе русскому дворянству было то, что Петръ взялъ на военную службу голштинцевъ и отдавалъ имъ предпочтеніе передъ русскими. Духовенство тоже было сильно возбуждено противъ царя его вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. Такъ напримѣръ, онъ велѣлъ митрополиту заняться очищеніемъ церквей отъ нѣкоторыхъ иконъ и заставить священниковъ брить бороды. Всего же хуже для духовенства было то, что онъ отобралъ въ казну церковныя и монастырскія земли.

Внѣшнія дѣла Петра III довершили ненависть къ нему дворянъ. Дѣло въ томъ, что его предшественница въ союзѣ съ Австріей и Франціей, вела войну съ Пруссіей и очень удачно. Дворяне были очень довольны этой войной, такъ какъ высшіе чины получили награды и ордена, вся тяжесть же походовъ легла, какъ всегда на солдатъ, а до нихъ дворянамъ дѣла было мало. Петръ же чуть не молился на Фридриха Прус-

скаго и поэтому сразу прекратилъ съ нимъ вражду, заключилъ даже съ нимъ союзъ и хотѣлъ ему помогать противъ Австріи и Франціи. Эта игра русскимъ войскомъ переполнила чашу терпѣнія русскаго дворянства, и оно очень охотно допустило переворотъ, совершенный нѣсколькими лицами въ пользу жены Петра Екатерины.

Елизавета еще задолго до своей смерти, огорченная своимъ неудачнымъ выборомъ наслѣдника, постаралась найти ему умную жену въ надеждѣ, что она будетъ имѣть хорошее вліяніе на мужа. Елизавета, хоть и не любила нѣмцевъ, женила племянника на нѣмкѣ, одной изъ бѣдныхъ принцессъ—Ангольтъ-Цербтской названной въ православіи Екатериной. Екатерина очень быстро и охотно стала учиться русскому языку, православнымъ обрядамъ, изучала внимательно всѣ русскіе обычаи и казалась окружающимъ болѣе русской, чѣмъ сама императрица Елизавета. Это возбуждало пріязнь къ ней особенно по сравненію съ мужемъ, который не только пренебрегалъ русскими обычаями, а прямо глумился надъ ними. Кромѣ того Екатерина была обходительной, ласковой и внимательной со всѣми окружающими, начиная отъ высшихъ сановниковъ и кончая домашней прислугой. Она входила во всѣ семейныя горя окружающихъ, откровенничала съ ними и о своихъ огорченіяхъ. А огорченій много было у великой княгини. Мужъ былъ гораздо глупѣе и ниже ея во всѣхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ позволялъ себѣ обращаться съ нею грубо, даже при постороннихъ. Любить шута—разумѣется—умная Екатерина не могла. Не могла она найти себѣ утѣшенія и въ дѣтяхъ, потому что ея единственнаго сына

Павла Елизавета отобрала отъ родителей съ самаго рожденія и допускала къ нему мать не больше двухъ разъ въ годъ. Со смертью императрицы положеніе Екатерины стало еще тяжелѣе. Екатеринѣ оставалось только уйти въ книги и въ переписку со своими иностранными друзьями. А этими друзьями были свѣтила французской литературы. У Екатерины было много досуга для чтенія, и она съ увлеченіемъ читала новѣйшихъ французскихъ политическихъ и философскихъ мыслителей. Екатерина особенно увлекалась политическими сочиненіями, гдѣ писалось о томъ, каково должно быть управленіе государствомъ, какъ долженъ относиться къ своимъ обязанностямъ государь, каковы должны быть права и обязанности гражданъ. Самымъ любимымъ ея изъ этихъ писателей былъ Монтескьё. Въ его сочиненіяхъ говорилось, что государь долженъ прежде всего заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, о богатствѣ страны, о просвѣщеніи гражданъ, что государь не долженъ издавать законовъ одинъ, самовластно, а слушать представителей отъ всѣхъ гражданъ, что въ государствѣ должны быть только свободные граждане, такъ какъ положеніе раба несовмѣстимо съ званіемъ человѣка. Екатерина читала и думала, думала много наединѣ о томъ, что когда-нибудь можетъ и она быть на русскомъ престолѣ, и тогда она будетъ управлять государствомъ такъ, какъ пишутъ французскіе философы. Россію она сдѣлаетъ страною культурной и просвѣщенной, освободитъ крѣпостныхъ, созоветъ народныхъ представителей, которые, подъ ея руководствомъ и воспринявъ ея мысли, будутъ писать для Россіи законы. У Екатерины были близкіе друзья изъ знатной военной молодежи, были друзья и не такіе близкіе — враги ея мужа, но все же такіе

друзья, которые хотѣли ее видѣть на престолѣ вмѣсто сумасброднаго „голштинца“, какъ они называли Петра. Удачи дворцовыхъ переворотовъ еще не совсѣмъ забылись. И вотъ два повода: предстоящая война въ союзѣ съ ненавистной Пруссіей и оскорбленіе мужемъ любимой всѣми государыни—дали толчокъ къ перевороту. Два брата Орловы, самые близкіе друзья Екатерины, арестовали Петра, заставили его подписать отреченіе отъ престола, провозгласили Екатерину императрицей, а маленькаго Павла наслѣдникомъ. Алексѣй Орловъ опасаясь возмущенія, поторопился отправить Петра на тотъ свѣтъ, а народу объявлено было, что государь Петръ Ѳедоровичъ волею Божьею скончался.

Состояніе государства за время Дворцовыхъ переворотовъ.

Средина XVIII вѣка, время отъ смерти Петра I до Екатерины II, извѣстно, какъ время Дворцовыхъ переворотовъ.

Мы видѣли, что все это время происходила борьба между дворянствомъ, какъ классомъ, и нѣсколькими лицами, успѣвшими приблизиться къ власти. Дворянство постепенно все болѣе и болѣе организовывалось, все настойчивѣе и опредѣленнѣе добивалось своей цѣли—направлять дѣятельность власти, руководить ею.

Посмотримъ теперь, какова же была за это время дѣятельность правительства, руководимая дворянами?

Съ царствованія Анны Ивановны начались льготы дворянству, состоявшія въ отмѣнѣ стѣсненій, наложенныхъ на дворянъ Петромъ. Такъ въ 1731 году уничтоженъ былъ законъ о единонаслѣдіи. Затѣмъ дана была возможность дворянамъ обходить солдатскую службу:

гой—рожденіемъ. И вотъ въ 1760 году постановленіе Сената лишило личныхъ дворянъ права пріобрѣтать деревни. Потомственные дворяне со слезами умиленія благодарили свою любимую государыню за всѣ милости.

А крестьянъ ласковая царица отдавала все больше во власть ихъ господамъ. Уже при вступленіи своемъ на престолъ, Елизавета однимъ лишь пропускомъ въ манифестѣ о приведеніи къ присягѣ крестьянъ, лишила ихъ гражданской личности: не присягаютъ въ государствѣ лишь рабы [1]). А позднѣе, въ 1760 году помѣщики получили право ссылать на поселеніе въ Сибирь своихъ крестьянъ за преступленія противъ господина, а то и просто за дурное поведеніе: пьянство, драчливость. Часто это дурное поведеніе опредѣлялось просто тѣмъ, что какой-нибудь крестьянинъ былъ помѣхой барину, которому пришлась по вкусу его жена. Эти сосланные зачитались помѣщику за рекрутовъ. Это было очень удобно помѣщику, такъ какъ онъ могъ оставлять у себя лучшихъ работниковъ, ссылая въ Сибирь не только пьяницъ, но и больныхъ, негодныхъ къ работѣ, потому что законъ опредѣлялъ лишь возрастъ: не старше 45 лѣтъ.

Итакъ, за время Дворцовыхъ переворотовъ, мы видѣли, что правительство заботилось лишь объ одномъ сословіи въ государствѣ—о дворянствѣ. Другою заботою его было изысканіе средствъ для пополненія казны. Это была старая задача во всѣ времена, но раньше расходы казны шли на государственныя нужды, какъ ихъ понимало правительство. Во время же Двор-

---

[1]) Не присягаютъ также женщины, но онѣ и до сихъ поръ въ большинствѣ государствъ считаются лишь на половину гражданами.

цовыхъ переворотовъ, средства казны нужны были, главнымъ образомъ, для наполненія необъятныхъ кармановъ временщиковъ. А казна послѣ Петра Великаго оставалась очень неполной. Между тѣмъ, для пополненія ея увеличивать налоги было невозможно, тянуть съ народа было нечего. Пришлось даже уничтожить нѣкоторые косвенные налоги, напримѣръ: на соль, на табакъ, потому что они вслѣдствіе обнищанія населенія не приносили уже никакого дохода. Мало того, правительство сложило очень крупную недоимку по прямымъ налогамъ, такъ какъ не было никакой надежды получить хоть часть ея. Наконецъ, правительство приняло политику бережливости — сокращенія расходовъ. Для этого уменьшено было жалованье чиновникамъ, и сокращены административныя должности соединеніемъ нѣсколькихъ должностей въ одну. Въ областяхъ многія должности были уничтожены, а дѣла перешли въ вѣдѣніе губернаторовъ, губернаторамъ же подчинены были городскіе суды и магистраты.

Такимъ образомъ учрежденія Петра I по управленію сильно измѣнились за время Дворцовыхъ переворотовъ.

Пришлось также правительству обратить вниманіе на нѣкоторые законы, изданные Петромъ I относительно торговли и промышленности. Такъ напримѣръ, отмѣнено было запрещеніе Петра ткать узкіе холсты. Этотъ законъ Петра разорилъ сѣверныхъ крестьянъ, занимавшихся ткацкими промыслами, потому что они не имѣли средствъ завести станки для широкихъ холстовъ, да и за границей охотнѣе принимались узкіе. Затѣмъ Петръ требовалъ, чтобы внѣшняя морская торговля шла черезъ Петербургъ, а не черезъ Архан-

гельскъ, а потому закрылъ Архангельскій портъ. Но жизнь и тутъ, какъ съ узкими холстами, взяла свое и заставлла слабое правительство встать на болѣе правильный путь—открыть, существовавшій издавна портъ.

Такъ управлялась Россія послѣ Петра безъ опредѣленнаго плана, безъ системы, какъ толкала жизнь.

Однако, мечты Петра Великаго объ умныхъ и по заграничному образованныхъ государственныхъ дѣятеляхъ сбылись при Елизаветѣ, когда въ Петербургѣ всѣ вздохнули свободнѣе. Въ то время, какъ въ Петербургѣ свирѣпствовали временщики, заграницей обучались разнымъ наукамъ молодые дворяне, посланные туда Петромъ. Многіе изъ этихъ подневольныхъ студентовъ погибли: одни бѣжали, не сумѣвъ преодолѣть русско-дворянскую лѣнь, другіе спились, но лучшіе изъ нихъ выдержали и тяжелый образъ жизни и упорный трудъ. Они вернулись въ Россію при Елизаветѣ съ готовностью служить государству. Елизавета всегда любила подчеркивать, что она продолжательница дѣлъ Петра I, она обласкала этихъ новыхъ людей и дала имъ возможность занять отвѣтственныя должности въ государственномъ управленіи. Такъ выдвинулись Бестужевъ-Рюминъ по дѣламъ иностранной политики и братья Шуваловы. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ и большимъ любителемъ науки. Онъ сознавалъ необходимость образованія для русской молодежи и занялся проектомъ устройства университета. Образцомъ онъ взялъ нѣмецкіе университеты. Въ 1755 году былъ открытъ въ Москвѣ университетъ, и преподавателями въ него были приглашены иностранцы за неимѣніемъ русскихъ уче-

ныхъ людей. Профессора читали лекціи каждый на своемъ языкѣ, что̀ конечно очень затрудняло слушателей.

Кромѣ того и сами предметы были не по силамъ студентамъ, получившимъ предварительно образованіе въ дворянскихъ пансіонахъ, гдѣ чуть не самымъ главнымъ предметомъ были танцы. По проекту же Шувалова при Университетѣ открыты были двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, но не податныхъ, которымъ тогда большого образованія не полагалось.

Внѣшнія дѣла.

Мы разсмотрѣли внутреннюю жизнь государства за время дворцовыхъ переворотовъ. Посмотримъ теперь, какъ шли внѣшнія дѣла?

Цѣною страшныхъ народныхъ бѣдствій и гибельнаго разоренія Россія при Петрѣ I поднялась очень высоко въ ряду Европейскихъ государствъ. Бѣдствія народа и разореніе страны во время Дворцовыхъ переворотовъ не только не уменьшились, но увеличились, правительство было очень слабо, а между тѣмъ внѣшнее положеніе Россіи не пошатнулось за это время, благодаря тому мнѣнѣю, которое составилось въ Западной Европѣ о Россіи при Петрѣ Великомъ. Только въ 1742 году шведы сдѣлали попытку отнять ту часть Финляндіи, которая осталась за Россіей по Ништадскому миру. Но при Елизаветѣ правительство стало уже крѣпче, Швеція же еще недостаточно оправилась, и Россія вышла побѣдительницей. Удалось отстоять не только принадлежавшія уже раньше области, но даже пріобрѣсти Кюменегорскую провинцію. Въ концѣ своего

царствованія Елизавета рѣшилась повести наступательную войну. Еще до ея вступленія на престолъ она была въ большой дружбѣ съ французскимъ дворомъ. Дружба эта продолжалась и до конца ея жизни. Елизавета вступила въ союзъ съ Франціей и дружественной ей Австріей. Австрія и Франція начали войну съ Пруссіей. Россія, какъ союзница должна была имъ помогать. Русскія войска совершили нѣсколько побѣдоносныхъ походовъ на Пруссію, заняли даже ея столицу Берлинъ въ 1760 году. Въ этихъ походахъ отличался Суворовъ, который такъ прославился позднѣе, при Екатеринѣ II.

Всѣ эти побѣдоносныя шествія привели только къ громаднымъ потерямъ русскихъ солдатъ, къ большимъ затратамъ русскихъ народныхъ денегъ, но не дали Россіи ни клочка земли, ни выгоднаго договора. Прекратилось участіе Россіи въ этой Семилѣтней войнѣ [1]) только вслѣдствіе смерти Елизаветы въ 1761 году, а преемникъ Елизаветы, Петръ III, какъ мы уже говорили, совершенно измѣнилъ политику Россіи, вступивъ въ союзъ съ Пруссіей. Продолжать участіе въ Семилѣтней войнѣ, но уже на другой сторонѣ, противъ своихъ прежнихъ союзниковъ русскимъ не пришлось, помѣшалъ переворотъ 1762 года.

4. Время Екатерины II.

Переворотъ 1762 года возвелъ Екатерину на престолъ. Давнишняя мечта ея исполнилась. Старанія быть всѣми любимой увѣнчались успѣхомъ, но нужно было ту же

---

[1]) Эта война названа Семилѣтней, потому что длилась семь лѣтъ между Франціей, Австріей и Пруссіей.

политику вести и дальше, такъ какъ Екатерина не чувствовала себя прочно на престолѣ: кто такъ легко возвелъ ее, тотъ такъ же легко могъ и свергнуть. Нужно было рѣзче подчеркнуть разницу съ предыдущимъ царствованіемъ и показать заботу обо всемъ государствѣ. Ограничиться простымъ увеличеніемъ привилегій господствующаго класса—дворянъ, какъ дѣлали предшественницы Екатерины, было уже недостаточно; нестроеній въ государствѣ накопилось слишкомъ много,—это отлично понимала Екатерина. Она приписывала всѣ эти нестроенія недостаткомъ законодательства, а потому и рѣшила приступить къ составленію новаго Уложенія.

Комиссія 1767 года.

Екатерина хотѣла поручить составленіе Уложенія выборной комиссіи, но не предоставляя ей простора въ работѣ, а подъ своимъ руководствомъ. Она написала Наказъ, съ которымъ Комиссія должна была сообразовать свою дѣятельность.

Екатерина два года писала свой Наказъ Комиссіи и въ немъ изложила мысли французскаго писателя Монтескье и итальянскаго Беккаріа. Она говоритъ въ Наказѣ о равенствѣ всѣхъ людей передъ закономъ, о гнусности рабства, о просвѣщенномъ государѣ, который существуетъ для заботъ о благѣ своихъ подданныхъ. Таковы были слова, можетъ быть и мысли императрицы, но не то сказали ея дѣла. Екатерина не могла идти вразрѣзъ съ интересами господствующаго класса—дворянъ, такъ какъ власть ея опиралась на этотъ классъ, она должна была прислушиваться къ голосу главнымъ образомъ этого класса. Послушаемъ же, что говорили дворяне въ Комиссіи, созванной въ 1767 году.

Обратимъ прежде всего вниманіе на самый составъ Комиссіи. Выборы были сословные. Дворяне выбирали прямымъ голосованіемъ отъ каждаго уѣзда по депутату. Горожане и низшіе служилые люди выбирали сначала выборщиковъ отъ города, выборщики же отъ всѣхъ городовъ провинціи депутата отъ всей провинціи. Государственные крестьяне посылали депутата трехстепеннымъ голосованіемъ: сначала они выбирали выборщиковъ отъ волостей, эти выборщики посылали выборщиковъ въ провинцію и уже отъ всей провинціи избирался депутатъ въ Комиссію. Кромѣ того полагался еще одинъ депутатъ отъ каждаго изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій: синода, коллегій.

Провинціальное духовенство и крѣпостные крестьяне не посылали депутатовъ. Между тѣмъ однимъ изъ важныхъ вопросовъ въ Комиссіи былъ крестьянскій. Интересовъ крѣпостныхъ крестьянъ отстаивать было некому, такъ какъ преобладающее число депутатовъ составлялъ враждебный имъ классъ помѣщиковъ. Не было сельскаго духовенства, которое было угнетено помѣщиками и было заодно съ крѣпостными крестьянами противъ ихъ общаго врага—дворянъ. Однако крестьянскій вопросъ возбужденъ былъ въ Комиссіи самими дворянами. Мы уже видѣли, какъ въ теченіе вѣка, со второй половины XVII и всю первую половину XVIII столѣтія, шагъ за шагомъ усиливалось крѣпостное право, какъ указъ за указомъ отнималъ права у крестьянъ и отдавалъ ихъ во власть помѣщиковъ. И ни одинъ законъ, ни одинъ указъ не ограничивалъ произвола господъ въ отношеніи къ крестьянамъ: не опредѣлялись закономъ ни повинности крестьянъ, ни обращеніе съ ними помѣщиковъ. Крестьяне терпѣли, но иногда терпѣніе лопа-

лось, и они протестовали: поджигали усадьбы, убивали ненавистныхъ баръ, но чаще покончивали съ собой самоубійствомъ или убѣгали. Вотъ эти-то побѣги, наносившіе много ущерба въ хозяйствѣ помѣщиковъ, и заставили ихъ поднять вопросъ въ Комиссіи о крѣпостныхъ крестьянахъ, вопросъ собственно о томъ, какими мѣрами пресѣчь побѣги? Нѣкоторые помѣщики разсудительно признавали, что никакія наказанія не дѣйствительны, что побѣги происходятъ отъ жестокаго и разорительнаго обращенія помѣщиковъ со своими крестьянами, что слѣдовательно отъ побѣговъ нужно принять новыя мѣры, а именно: опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и такимъ образомъ уничтожить всѣ лишніе поборы, разорявшіе крестьянъ.

Нѣсколько словъ раздалось и въ защиту правъ крѣпостныхъ со стороны государственныхъ крестьянъ, но эти одинокіе голоса покрылись гуломъ дворянскихъ голосовъ крѣпостниковъ, которымъ такъ тяжело было разстаться со своимъ правомъ произвола съ подданными, что они не могли даже понять разумныхъ доводовъ своихъ болѣе просвѣщенныхъ собратовъ, видѣвшихъ въ огражденіи этого произвола лишь пользу дворянскому же хозяйству. Крѣпостники торжественно заговорили, что всякія послабленія крестьянамъ опасны для спокойствія государства, что вполнѣ справедливы привиллегіи дворянства, „которое оказало столько услугъ государству“. Крестьянскій вопросъ кончился въ комиссіи ничѣмъ, какъ ничѣмъ кончились и всѣ вопросы, за которые только Комиссія принималась.

Причина такой неудачи работы Комиссіи заключалась въ томъ невозможномъ положеніи, въ которое ее поставила Екатерина: Комиссія сознавала себя пред-

Обратимъ прежде всего вниманіе на самый составъ Комиссіи. Выборы были сословные. Дворяне выбирали прямымъ голосованіемъ отъ каждаго уѣзда по депутату. Горожане и низшіе служилые люди выбирали сначала выборщиковъ отъ города, выборщики же отъ всѣхъ городовъ провинціи депутата отъ всей провинціи. Государственные крестьяне посылали депутата трехстепеннымъ голосованіемъ: сначала они выбирали выборщиковъ отъ волостей, эти выборщики посылали выборщиковъ въ провинцію и уже отъ всей провинціи избирался депутатъ въ Комиссію. Кромѣ того полагался еще одинъ депутатъ отъ каждаго изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій: синода, коллегій.

Провинціальное духовенство и крѣпостные крестьяне не посылали депутатовъ. Между тѣмъ однимъ изъ важныхъ вопросовъ въ Комиссіи былъ крестьянскій. Интересовъ крѣпостныхъ крестьянъ отстаивать было некому, такъ какъ преобладающее число депутатовъ составлялъ враждебный имъ классъ помѣщиковъ. Не было сельскаго духовенства, которое было угнетено помѣщиками и было заодно съ крѣпостными крестьянами противъ ихъ общаго врага—дворянъ. Однако крестьянскій вопросъ возбужденъ былъ въ Комиссіи самими дворянами. Мы уже видѣли, какъ въ теченіе вѣка, со второй половины XVII и всю первую половину XVIII столѣтія, шагъ за шагомъ усиливалось крѣпостное право, какъ указъ за указомъ отнималъ права у крестьянъ и отдавалъ ихъ во власть помѣщиковъ. И ни одинъ законъ, ни одинъ указъ не ограничивалъ произвола господъ въ отношеніи къ крестьянамъ: не опредѣлялись закономъ ни повинности крестьянъ, ни обращеніе съ ними помѣщиковъ. Крестьяне терпѣли, но иногда терпѣніе лопа-

Въ теченіе XVIII вѣка установилось два рода повинностей крѣпостныхъ крестьянъ своему владѣльцу: оброкъ и барщина. Оброчные крестьяне получали отъ помѣщика приблизительно десятинъ 10 на душу [1]) и за это уплачивали ему опредѣленную сумму денегъ въ годъ съ души. Размѣръ душевого оброка въ теченіе XVIII вѣка постепенно увеличивался, такъ въ первой половинѣ вѣка обычный размѣръ его былъ рубль, а въ шестидесятыхъ годахъ уже два и три, позднѣе, за время царствованія Екатерины, дошелъ до пяти рублей. Это повышеніе оброка зависѣло очень много отъ повышенія цѣны на хлѣбъ: помѣщикъ никогда не допускалъ выгоды крестьянина, если тому удалось продать дороже хлѣбъ, онъ долженъ больше уплатить и оброку. Надѣлъ оброчнаго крестьянина былъ большей частью хуже барщиннаго, но зато положеніе его всегда считалось лучше, потому что онъ былъ свободенъ въ своемъ хозяйствѣ и могъ даже, взявъ отпускное письмо, уходить въ городъ на заработки, вообще оброчнымъ жилось въ родѣ того, какъ государственнымъ. Самое же главное отличіе оброчныхъ крестьянъ отъ барщинныхъ было въ томъ, что они не чувствовали каждую минуту надъ собой произвольную, капризную власть барина.

---

[1]) Ревизской душой для уплаты подушной подати считался каждый человѣкъ мужескаго пола, хотя бы грудной ребенокъ, женщины же не принимались въ разсчетъ. Однако подать раскладывалась общиной иначе, по числу работниковъ. То же было и съ земельными надѣлами. Государство государственнымъ крестьянамъ, а помѣщикъ своимъ опредѣляли по числу ревизскихъ душъ количество земли на общину. Община же надѣляла семью по рабочей силѣ и по количеству членовъ семьи, давая надѣлъ на душу, на 1/2 души и даже на 1/4 души.

*

Барщинные крестьяне получали надѣлъ лучше, чѣмъ оброчные, но меньше, приблизительно десятинъ 8 на душу. Деньгами они ничего не платили помѣщику, а обрабатывали его землю и поставляли ему различные продукты. Работа барщинныхъ крестьянъ была различной въ различныхъ мѣстностяхъ. Иногда барщина состояла въ томъ, что на каждое тягло (пара взрослыхъ работниковъ—мужчина и женщина) опредѣлялся „урокъ", т. е. обработка опредѣленнаго количества помѣщичьей земли. Обычный урокъ равнялся $1^1/_2$ десятинѣ въ полѣ. Эта барщина считалась самой легкой. Затѣмъ была трехдневная барщина, т. е. обязанность каждаго крестьянина работать три дня въ недѣлю на помѣщика. Это считалось труднѣе, такъ какъ крестьянинъ уже совсѣмъ не могъ располагать своимъ временемъ въ рабочій день и находился постоянно подъ надзоромъ приказчика. Но еще тяжелѣе было для крестьянъ, когда помѣщикъ дѣлилъ весь годъ пополамъ и предоставлялъ самому себѣ выбирать—какіе дни въ году заставить крестьянъ исполнять господскую работу. Тогда бывало такъ, что крестьяне безпрерывно сначала работали на барина, а на себя по окончаніи этихъ работъ, значитъ выходило, что хорошее время для полевыхъ работъ шло для помѣщичьяго сѣнокоса или жатвы, а свое сѣно или хлѣбъ крестьянамъ приходилось убирать уже въ дождь. Бывало и еще худшее положеніе барщинныхъ крестьянъ, когда помѣщикъ обращалъ ихъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, не давая имъ совершенно времени работать на себя, отбирая у нихъ всю землю и употребляя ихъ всѣхъ на барщинную работу круглый годъ, на содержаніе же

ихъ давалъ имъ „мѣсячину“, т. е. провизію на мѣсяцъ для всей семьи.

При всякомъ родѣ барщинной работы помѣщикъ никогда не ограничивался только работой, онъ требовалъ еще всевозможныхъ продуктовъ. Крестьяне обязывались доставлять опредѣленную часть приплода скота, извѣстное количество рыбы, дичи, различныхъ продуктовъ скотоводства, земледѣлія и птицеводства—шерсти, молока, масла, готоваго сукна, холста, меду, овощей, яицъ, даже дѣти несли свою повинность, доставляя на барскій дворъ ягоды и грибы. Такимъ образомъ помѣщики налагали повинности на всѣхъ членовъ крестьянской семьи. Если господская семья съ громаднымъ количествомъ различныхъ приживальщиковъ и многочисленной дворней не могли поглотить всѣхъ этихъ продуктовъ, то излишекъ ихъ отправлялся на рынокъ и продавался—разумѣется въ пользу помѣщика.

Кромѣ всѣхъ этихъ повинностей, крестьяне обязаны были доставлять для различныхъ нуждъ помѣщика лошадей съ подводами. Самъ помѣщикъ разъѣзжалъ на своихъ сытыхъ холеныхъ лошадкахъ, но приходилось перевозить кладь и многочисленныхъ слугъ при переселеніяхъ помѣщичьей семьи изъ усадьбы въ городъ и обратно, или доставлять въ городъ продукты на продажу. Затѣмъ починка дорогъ, мостовъ, заборовъ лежала тоже на крестьянахъ.

Намъ уже приходилось говорить, что всѣ повинности крестьянъ опредѣлялись не закономъ, а обычаемъ. А обычаю—разумѣется—помѣщикъ всегда могъ измѣнить въ свою пользу. Такъ, не только всевозможные поборы съ крестьянъ, господа увеличивали иногда до нестерпимыхъ размѣровъ, не только трехдневную

Барщинные крестьяне получали надѣлъ лучше, чѣмъ оброчные, но меньше, приблизительно десятинъ 8 на душу. Деньгами они ничего не платили помѣщику, а обрабатывали его землю и поставляли ему различные продукты. Работа барщинныхъ крестьянъ была различной въ различныхъ мѣстностяхъ. Иногда барщина состояла въ томъ, что на каждое тягло (пара взрослыхъ работниковъ—мужчина и женщина) опредѣлялся „урокъ", т. е. обработка опредѣленнаго количества помѣщичьей земли. Обычный урокъ равнялся $1^1/_2$ десятинѣ въ полѣ. Эта барщина считалась самой легкой. Затѣмъ была трехдневная барщина, т. е. обязанность каждаго крестьянина работать три дня въ недѣлю на помѣщика. Это считалось труднѣе, такъ какъ крестьянинъ уже совсѣмъ не могъ располагать своимъ временемъ въ рабочій день и находился постоянно подъ надзоромъ приказчика. Но еще тяжелѣе было для крестьянъ, когда помѣщикъ дѣлилъ весь годъ пополамъ и предоставлялъ самому себѣ выбирать—какіе дни въ году заставить крестьянъ исполнять господскую работу. Тогда бывало такъ, что крестьяне безпрерывно сначала работали на барина, а на себя по окончаніи этихъ работъ, значитъ выходило, что хорошее время для полевыхъ работъ шло для помѣщичьяго сѣнокоса или жатвы, а свое сѣно или хлѣбъ крестьянамъ приходилось убирать уже въ дождь. Бывало и еще худшее положеніе барщинныхъ крестьянъ, когда помѣщикъ обращалъ ихъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, не давая имъ совершенно времени работать на себя, отбирая у нихъ всю землю и употребляя ихъ всѣхъ на барщинную работу круглый годъ, на содержаніе же

кто не могъ вмѣшиваться. Если помѣщикъ былъ добръ и не жаденъ, то крестьянамъ его—особенно если это были оброчные—жилось лучше, чѣмъ очень многимъ въ настоящее время, такъ какъ ихъ земельные надѣлы были значительно больше теперешнихъ и заключали въ себѣ, кромѣ пахотной земли и луговой, еще и лѣсъ. Подушная же подать и умѣренный оброкъ ни въ какомъ случаѣ не превышали всѣхъ современныхъ крестьянскихъ податей. Зато у очень многихъ помѣщиковъ крестьяне приходили въ полное разореніе и даже бѣжали, не снеся его, какъ говорилось въ Комиссіи 1767 года. Разсмотримъ теперь, какъ обращался помѣщикъ - властелинъ со своими подданными—крѣпостными.

Помѣщики были въ полной увѣренности, что они не только имѣютъ право, но и обязаны распоряжаться и вмѣшиваться въ личную жизнь крестьянъ, что они никому, кромѣ Бога, не отвѣтственны за свое обращеніе съ ними; даже многіе искренно вѣрили, что они отъ Бога предназначены искоренять лѣность и строптивость крестьянъ, они очень любили говорить, что имъ придется передъ Богомъ отвѣчать за своихъ лѣнтяевъ и пьяницъ, и при этомъ набожно вздыхали. Конечно они никогда не задавались вопросомъ, придется ли имъ отвѣчать передъ Богомъ за тотъ непосильный трудъ, который они налагали на крѣпостныхъ, и за тѣ нравственныя оскорбленія и тѣлесныя истязанія, которымъ они подвергали своихъ рабовъ. Но до „страшнаго суда“ еще было долго, а при жизни такъ заманчиво было и доходовъ получить побольше, и поиздѣваться надъ безотвѣтными рабами. Богъ же при жизни былъ несомнѣнно на сторонѣ господъ: бо-

гослуженія совершались, когда это было удобно господамъ, на обѣднѣ поминали поименно всю барскую семью и духовенство было въ полномъ подчиненіи у помѣщика: священникъ даже не вѣнчалъ крестьянъ безъ разрѣшенія барина. А баринъ былъ увѣренъ, что вмѣшиваться въ браки крѣпостныхъ его обязанность. Онъ не только давалъ разрѣшеніе или запрещалъ, но очень часто самъ выбиралъ жениха или невѣсту. Часто при этомъ онъ руководствовался хозяйственными соображеніями, но не рѣдко дѣйствовалъ и просто барскій капризъ. Разумѣется, это вмѣшательство касалось больше всего дворовыхъ.

Помѣщики считали себя въ правѣ отбирать у крестьянъ ихъ маленькихъ дѣтей не только себѣ въ домъ, въ услуженіе, но даже посылать ихъ безъ воли родителей въ городъ для обученія какому-нубудь мастерству, или искусству. Многіе помѣщики тратили на это большія деньги, и—разумѣется—обученіе крѣпостныхъ дѣлалось не для ихъ пользы, а для удовлетворенія разныхъ потребностей барина, даже его забавы. Такъ у помѣщиковъ водились дома свои столяры, портные, сапожники, парикмахеры, даже живописцы, актеры и музыканты. Помѣщики старались перещеголять другъ друга оркестромъ или хоромъ крѣпостныхъ, а искуснымъ поваромъ хвалились, какъ породистой лошадью; бывали даже случаи, когда помѣщики вымѣнивали другъ у друга повара или музыканта на рысака или гончую.

Итакъ, помѣщики употребляли крѣпостныхъ не только для всевозможной работы на себя, но и для увеселенія. Многіе шли дальше и требовали крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ для разврата, нѣкоторые даже устанавливали у себя право первой ночи.

А правительство не только не вмѣшивалось ни въ какое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, но передало господамъ даже судъ надъ крестьянами по всѣмъ преступленіямъ, кромѣ убійства, поджога и грабежа, за которые крестьяне подлежали общему суду. Обвинятъ ли крестьянина въ воровствѣ или въ дракѣ, или въ иномъ какомъ преступленіи, вовсе не касающемся помѣщика—все равно судитъ онъ. Судъ бывалъ простъ. Помѣщику вовсе неинтересно было разбираться въ подробностяхъ дѣла, и онъ рѣшалъ такъ, какъ подшепнетъ ему приказчикъ или любимецъ слуга - пролаза. Наказанія судомъ помѣщика налагались самыя разнообразныя. Иногда онъ отправлялъ къ властямъ съ указаніемъ на преступленіе и предоставлялъ имъ подвергнуть крестьянина аресту или тѣлесному наказанію.

Мы уже говорили, что при „добрѣйшей“ императрицѣ Елизаветѣ помѣщики получили право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, при „просвѣщенной“ же императрицѣ Екатеринѣ могли даже назначать имъ ссылку въ каторожныя работы, а власти обязаны были исполнять это рѣшеніе помѣщичьяго суда, не справляясь о преступленіи ссылаемаго. Правительство поощряло ссылку вслѣдствіе стремленія заселить Сибирь и выдавало помѣщикамъ рекрутскія квитанціи за сосланныхъ.

Очень часто помѣщики расправлялись съ провинившимися домашними средствами, отправляя ихъ на конюшню сѣчь. Многіе помѣщики отъ праздности и бездѣлья находили развлеченіе въ изобрѣтеніи наказаній, при чемъ, если недостаточно жестоко и искусно выполняли ихъ распоряженія, они подвергали наказанію

исполнителей. Многіе помѣщики находили наслажденіе смотрѣть, какъ исполнялось ихъ распоряженіе. а нѣкоторые такъ воодушевлялись, что истязали крестьянъ собственноручно. До самой большой изобрѣтательности доходили женщины-помѣщицы. Особенно прославилась своими подвигами истязанія Салтыкова въ царствованіе Елизаветы. Это дѣло вскрылось, потому что крестьяне какъ-то добрались до императрицы Елизаветы и подали ей жалобу. Императрица сама побуждала вести разслѣдованіе какъ можно тщательнѣе. До тѣхъ поръ жалобы крестьянъ кончались ничѣмъ, такъ какъ всѣ мѣстныя власти состояли на жалованьи у Салтыковой, и она хвасталась тѣмъ, что ее не смѣютъ тронуть. Но теперь, побуждаемые свыше, они волей неволей вели разслѣдованіе, стараясь его всѣми силами замедлить. Дѣло тянулось цѣлыхъ шесть лѣтъ и кончилось обвиненіемъ Салтыковой въ убійствѣ 38 человѣкъ навѣрное и 26 сомнительно. Салтыкова была лишена правъ состоянія и посажена въ монастырскую тюрьму. Подробности разслѣдованія выяснили, что всѣ убійства и пытки, которыя совершала Салтыкова, не могли быть вслѣдствіе несдержанности или горячности характера. Всѣ мученія производились помѣщицей съ наслажденіемъ, съ упоеніемъ видомъ истязаемыхъ, съ тонкимъ расчетомъ. Она ставила крестьянъ босыми ногами на ледъ и держала такъ всю ночь, выщипывала собственноручно волосы, прикладывала къ тѣлу каленое желѣзо, истязала дѣтей, глумилась надъ убитыми. Поводы къ наказаніямъ были самые пустые: плохо вымытый полъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Дѣло Салтыковой вскрылось, но большей частью все сохранялось шито-крыто, и помѣщики-истязатели

оставались безнаказанными, потому что мѣстныхъ властей всегда можно было подкупить, если же дѣло доходило до Сената, то и тамъ относились очень снисходительно къ своему брату—дворянину, такъ какъ каждый сенаторъ чувствовалъ, что и за нимъ найдутся такіе же грѣшки. При Екатеринѣ уничтожено было сенатскимъ указомъ даже самое право жалобы крѣпостныхъ на своихъ господъ, и подавшимъ жалобу грозило наказаніе кнутомъ и безсрочной каторгой съ зачетомъ въ рекруты владѣльцамъ. И это было въ 1767 году, какъ разъ послѣ того, какъ поднимался въ Комиссіи вопросъ объ ограниченіи произвола помѣщиковъ.

Итакъ, если законъ совершенно отказывалъ крестьянамъ въ защитѣ, то имъ приходилось искать другихъ способовъ выхода изъ своего невыносимаго положенія. Способы были старинные: побѣги и бунты, поджоги и убійства помѣщиковъ и самоубійства крестьянъ. Но бѣжали теперь крестьяне не въ южныя степи, гдѣ уже не было вольнаго казачества, а заграницу—въ Польшу. Это было особенно непріятно помѣщикамъ и правительству, и именно это обстоятельство и побудило заговорить въ Комиссіи объ ограниченіи произвола помѣщиковъ законодательствомъ. Бунты большею частью прекращались быстро военною силою, и затѣмъ наступала расправа надъ колѣнопреклоненными и просящими уже прощенія бунтовщиками.

Но въ 1774 году разразился такой бунтъ, какого не видала Россія со временъ Стеньки Разина. Это былъ бунтъ Пугачева.

Броженіе началось между уральскими казаками, которые за послѣднее время потеряли свои вольности, такъ какъ правительство уничтожило ихъ прежнее сво-

исполнителей. Многіе помѣщики находили наслажденіе смотрѣть, какъ исполнялось ихъ распоряженіе. а нѣкоторые такъ воодушевлялись, что истязали крестьянъ собственноручно. До самой большой изобрѣтательности доходили женщины-помѣщицы. Особенно прославилась своими подвигами истязанія Салтыкова въ царствованіе Елизаветы. Это дѣло вскрылось, потому что крестьяне какъ-то добрались до императрицы Елизаветы и подали ей жалобу. Императрица сама побуждала вести разслѣдованіе какъ можно тщательнѣе. До тѣхъ поръ жалобы крестьянъ кончались ничѣмъ, такъ какъ всѣ мѣстныя власти состояли на жалованьи у Салтыковой, и она хвасталась тѣмъ, что ее не смѣютъ тронуть. Но теперь, побуждаемые свыше, они волей неволей вели разслѣдованіе, стараясь его всѣми силами замедлить. Дѣло тянулось цѣлыхъ шесть лѣтъ и кончилось обвиненіемъ Салтыковой въ убійствѣ 38 человѣкъ навѣрное и 26 сомнительно. Салтыкова была лишена правъ состоянія и посажена въ монастырскую тюрьму. Подробности разслѣдованія выяснили, что всѣ убійства и пытки, которыя совершала Салтыкова, не могли быть вслѣдствіе несдержанности или горячности характера. Всѣ мученія производились помѣщицей съ наслажденіемъ, съ упоеніемъ видомъ истязаемыхъ, съ тонкимъ расчетомъ. Она ставила крестьянъ босыми ногами на ледъ и держала такъ всю ночь, выщипывала собственноручно волосы, прикладывала къ тѣлу каленое желѣзо, истязала дѣтей, глумилась надъ убитыми. Поводы къ наказаніямъ были самые пустые: плохо вымытый полъ или что нибудь въ этомъ родѣ.

Дѣло Салтыковой вскрылось, но большей частью все сохранялось шито-крыто, и помѣщики-истязатели

оставались безнаказанными, потому что мѣстныхъ властей всегда можно было подкупить, если же дѣло доходило до Сената, то и тамъ относились очень снисходительно къ своему брату—дворянину, такъ какъ каждый сенаторъ чувствовалъ, что и за нимъ найдутся такіе же грѣшки. При Екатеринѣ уничтожено было сенатскимъ указомъ даже самое право жалобы крѣпостныхъ на своихъ господъ, и подавшимъ жалобу грозило наказаніе кнутомъ и безсрочной каторгой съ зачетомъ въ рекруты владѣльцамъ. И это было въ 1767 году, какъ разъ послѣ того, какъ поднимался въ Комиссіи вопросъ объ ограниченіи произвола помѣщиковъ.

Итакъ, если законъ совершенно отказывалъ крестьянамъ въ защитѣ, то имъ приходилось искать другихъ способовъ выхода изъ своего невыносимаго положенія. Способы были старинные: побѣги и бунты, поджоги и убійства помѣщиковъ и самоубійства крестьянъ. Но бѣжали теперь крестьяне не въ южныя степи, гдѣ уже не было вольнаго казачества, а заграницу—въ Польшу. Это было особенно непріятно помѣщикамъ и правительству, и именно это обстоятельство и побудило заговорить въ Комиссіи объ ограниченіи произвола помѣщиковъ законодательствомъ. Бунты большею частью прекращались быстро военною силою, и затѣмъ наступала расправа надъ колѣнопреклоненными и просящими уже прощенія бунтовщиками.

Но въ 1774 году разразился такой бунтъ, какого не видала Россія со временъ Стеньки Разина. Это былъ бунтъ Пугачева.

Броженіе началось между уральскими казаками, которые за послѣднее время потеряли свои вольности, такъ какъ правительство уничтожило ихъ прежнее сво-

бодное военное устройство и ввело обычную солдатчину. Кромѣ того правительство преслѣдовало раскольниковъ, а всѣ уральскіе казаки крѣпко держались старой вѣры. Между ними прошелъ слухъ, что царь Петръ III спасся отъ дворянъ, которые ненавидѣли его будто бы за то, что онъ хотѣлъ дать волю крестьянамъ. Такъ они толковали указъ Петра III, запрещающій покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Этотъ слухъ сталъ распространяться между заводскими крестьянами, которыхъ на Уралѣ было очень много. Имъ жилось въ матеріальномъ отношеніи еще тяжелѣе помѣщичьихъ, потому что тринадцати и даже шестнадцатичасовой рабочій день на заводѣ не давалъ имъ возможности обрабатыватъ землю и имъ приходилось питаться покупными продуктами, при чемъ главную пищу ихъ составляла рыба. Вслѣдствіе этого они потребляли много соли, и налогъ на нее ощущался сильнѣе, чѣмъ у другихъ крестьянъ. Соль въ то время доходила до 80 копѣекъ за пудъ.

Стали говорить все громче и громче, что Петръ III скрывается среди казаковъ и призываетъ народъ возстать на дворянъ и дворянскую императрицу. Имя Петра III взялъ на себя казакъ Пугачевъ, побывавшій уже бѣглымъ въ Польшѣ и въ тюрьмѣ посидѣвшій, но совсѣмъ необразованный, даже неграмотный. Около же него находились люди не только съ нѣкоторымъ образованіемъ, но и отлично понимавшіе, чѣмъ можно поднять крестьянство. Пугачевъ выпустилъ манифестъ, призывающій къ нему всѣхъ крестьянъ и обѣщающій сложеніе подушной подати, уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, рекрутской повинности, полную волю отъ помѣщиковъ и фабикантовъ. Крестьянамъ такъ тяжело жилось, что охотно вѣрилось въ истину спасенія Петра III

и въ возможность осуществленія того счастья, которое сулилъ манифестъ. Мѣры борьбы съ Екатериной и дворянами Пугачевъ предлагалъ простыя, но жестокія, а именно—избіеніе всѣхъ дворянъ. Онъ требовалъ, чтобы возставшіе хватали помѣщиковъ и приводили къ нему на „судъ“, а онъ ихъ приказывалъ вѣшать. Иногда крестьяне и сами расправлялись съ своими господами пугачевскимъ судомъ. Нѣкоторыхъ помѣщиковъ, о которыхъ всѣ ихъ крестьяне отзывались хорошо, миловали подъ условіемъ вѣрности „царю Петру Ѳедоровичу“. Но въ общемъ расправа съ помѣщиками не была простою местью за понесенныя притѣсненія и обиды, а сознательнымъ истребленіемъ всего дворянскаго сословія, такъ какъ пугачевцы убивали малолѣтнихъ дворянскихъ дѣтей, а иногда брали ихъ на воспитаніе въ крестьянскія семьи съ цѣлью, чтобы они забыли о своемъ происхожденіи. Пугачевскій бунтъ былъ вполнѣ опредѣленнымъ походомъ угнетенныхъ крѣпостныхъ крестьянъ на классъ своихъ угнетателей-помѣщиковъ съ мечтою и надеждою учредить крестьянское царство, гдѣ не будетъ ни господъ, ни рабовъ. За время бунта погибло до 1.570 человѣкъ дворянъ-мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Правительство было безсильно прекратить бунтъ, такъ какъ все крестьянское населеніе, если и не принимало дѣятельнаго участія въ возстаніи, то и не мѣшало возставшимъ, не защищало своихъ господъ. Войска тоже не всегда дѣйствовали противъ пугачевцевъ: между солдатами шли разговоры, что царь дѣйствительно живъ и обѣщаетъ волю крестьянамъ и уничтоженіе рекрутчины.

Какъ ни жестока была расправа пугачевцевъ съ дворянами, но она была нисколько не ужаснѣе того, какъ поступали помѣщики съ крѣпостными и до и послѣ пуга-

чевскаго бунта. Не легче расправилось и правительство съ бунтовщиками, когда бунтъ былъ прекращенъ и когда возставшіе оказались въ рукахъ „правосудія“. Крестьянъ разстрѣливали, вѣшали, рѣзали имъ уши и вырывали ноздри, при чемъ не требовалось доказательствъ, что именно эти принимали участіе въ бунтѣ. Когда уже совсѣмъ нельзя было разобрать, кто бунтовалъ, а кто нѣтъ, разстрѣливали наудачу десятаго, третьяго.

Пугачевскій бунтъ вскрылъ много недостатковъ административнаго устройства Россіи: плохи были администраторы, плоха была полиція, плохи были и дороги, по которымъ приходилось двигаться войскамъ, изъ-за чего войска являлись на мѣста возстанія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ ихъ посылали.

Ужасы пугачевскаго бунта навели правительство лишь на мысль, что необходимо произвести административныя реформы. Екатерина не вникла въ главную причину безпорядковъ—утнетеніе и разореніе крестьянъ на ряду съ привилегіями дворянъ. Она усмотрѣла лишь то, что администрація въ правинціяхъ такъ плоха, что не въ состояніи противостать народному возстанію и подавить мятежъ. Она не приняла мѣръ для устраненія причинъ возстанія, но постаралась создать силу, которая могла бы подавить возстаніе.

Административная реформа.

Со времени Петра Великаго провинціальное управленіе измѣнилось: судъ опять соединился съ администраціей, совершенно уничтожилось выборное начало.

Екатерина хотѣла строго провести раздѣленіе властей, т. е. отдѣлить судъ отъ администраціи, возстановить

выборное начало, котораго требовали въ наказахъ, данныхъ депутатамъ Комиссіи, но она не намѣревалась выпустить управленіе губерніями изъ рукъ коронныхъ чиновниковъ.

Произведено было новое дѣленіе на губерніи по количеству жителей. Губерній было 50, въ каждой губерніи по 300—400 тысячъ жителей, въ каждомъ уѣздѣ по 20—30 тысячъ. Администрація, финансы и судъ строго раздѣлялись, какъ въ губернскомъ городѣ, такъ и въ уѣздномъ. Въ губернскомъ городѣ для администраціи учреждено было губернское правленіе съ губернаторомъ во главѣ. Губернское правленіе вѣдало дѣла всей губерніи. Для высшаго суда во всей губерніи—палата уголовная и гражданская. Для финансовъ во всей губерніи—палата казенная. Всѣ эти учрежденія были коллегіальныя, составъ ихъ бюрократическій, т. е. не изъ выборныхъ, а назначенныхъ правительствомъ чиновниковъ. Вѣдали они дѣла всѣхъ сословій. Кромѣ высшаго суда учреждался еще сословный судъ: верхній земскій судъ для суда надъ дворянами и ихъ тяжбъ, губернскій магистратъ—судъ для городскихъ сословій по ихъ искамъ и верхняя расправа—судъ для государственныхъ крестьянъ. Эти учрежденія были тоже коллегіальныя, но составъ ихъ полубюрократическій, полувыборный: предсѣдатели—коронные чиновники, засѣдатели выборные отъ своего сословія. Вѣдали они дѣла своего сословія. Затѣмъ еще третій родъ суда: совѣстный судъ—для полюбовнаго рѣшенія тяжбъ, для суда надъ невмѣняемыми преступниками и по непреднамѣреннымъ преступленіямъ. Учрежденіе это—коллегіальное, вѣдало дѣла всѣхъ сословій, составъ его—полубюрократическій, полувыборный: предсѣдатели коронные

чиновники, засѣдатели—выборные отъ всѣхъ сословій. Въ уѣздномъ городѣ для администраціи—нижній земскій судъ, вѣдающій уѣздную полицію, во главѣ которой—исправникъ, выбранный отъ дворянъ, это исполнительный органъ губернскаго правленія. Для суда надъ дворянами—уѣздный судъ, надъ горожанами—городской магистратъ, надъ государственными крестьянами—нижняя расправа. Затѣмъ сословныя учрежденія: дворянская опека и сиротскій судъ.

Такимъ образомъ при Екатеринѣ дворяне пріобрѣли еще больше значенія. Раньше они были самыми крупными землевладѣльцами въ уѣздѣ и господами своихъ крѣпостныхъ, со времени же административной реформы стали начальствомъ надъ всѣмъ населеніемъ губерніи, такъ какъ они являлись администраторами и судьями въ уѣздѣ. Однако Екатерина не хотѣла дать все цѣликомъ управленіе губерніи въ руки мѣстныхъ землевладѣльцевъ, она хотѣла установить крѣпкую связь съ центральнымъ правительствомъ и потому во всѣхъ учрежденіяхъ, кромѣ мѣстныхъ дворянъ или другихъ выборныхъ, посажены были и коронные чиновники изъ Петербурга. Такъ если, все уѣздное управленіе было въ рукахъ дворянъ, то надъ нимъ тяготѣло губернское правленіе чисто чиновничье по своему составу.

Жалованная грамота дворянству.

Итакъ, дворяне при Екатеринѣ получаютъ все больше и больше привиллегій. Наконецъ въ 1785 году она дала „Жалованную грамоту дворянству“, по которой: дворянина нельзя иначе, какъ по суду, лишить званія дворянинъ передаетъ свое званіе женѣ и дѣтямъ,

судится только равными себѣ, свободенъ отъ тѣлесныхъ наказаній, владѣетъ, какъ неотъемлемой собственностью, всѣмъ находящимся въ его имѣніи (слѣдовательно и, имуществомъ своихъ крѣпостныхъ), свободенъ отъ государственной службы, но не можетъ занимать выборной должности, если не имѣетъ офицерскаго чина.

Такимъ образомъ дворяне, возвращая во время Дворцовыхъ переворотовъ тѣ свои права, которыя были отняты Петромъ I, достигли при Екатеринѣ полнаго торжества, получивъ такія привиллегіи, какія служилымъ людямъ XVII вѣка и во снѣ не снились. До Петра I уклоненіе отъ службы вело за собой и лишеніе помѣстья, при Екатеринѣ же служба совсѣмъ не связывалась съ землевладѣніемъ, и дворяне, получивъ свободу не служить,—увеличивали все больше и больше свои земельныя богатства. А Екатерина способствовала этому обогащенію.

Въ теченіе всего XVIII вѣка много государственныхъ земель было пожаловано дворянамъ, при Екатеринѣ же это раздариванье государственныхъ земель и отдача съ ними государственныхъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость достигло необычайныхъ размѣровъ.

При пожалованіи имѣній умная и просвѣщенная Екатерина была ничуть не разборчивѣе веселой и простоватой Елизаветы. Дарились земли съ крестьянами различнымъ администраторамъ и военачальникамъ, указывалась при этомъ и причина — заслуга государству. Такъ за побѣду надъ турками въ 1770 г. Румянцеву пожаловано въ Малороссіи болѣе 1640 десятинъ земли съ 5740 душами крестьянъ: „за знаменитыя побѣды надъ непріятелемъ“ и „для увеселенія его“ деревни въ Бѣлоруссіи съ 5000 душъ крестьянъ. Тому же Румян-

цеву въ разное время и подъ разными предлогами роздано было еще много имѣній. Голицыну за пораженіе Пугачева 1.260 душъ крестьянъ. Жаловались имѣнья вдовамъ и дѣтямъ за заслуги умершаго вельможи. Услуги цѣнились очень щедро и личныя назывались государственными. Такъ Панинъ получилъ за воспитаніе наслѣдника, Павла Петровича, конечно сверхъ обычнаго жалованья, еще 8412 душъ крестьянъ. Превознося заслуги Панина, Екатерина на самомъ дѣлѣ его терпѣть не могла и побаивалась, а чтобы онъ былъ доволенъ ею—задаривала его.

Еще щедрѣе одаривала Екатерина своихъ любимцевъ часто не находя даже предлога за что, такъ Григорій Орловъ съ братьями въ разное время получилъ 24000 душъ крестьянъ, а Зубовъ 13669 душъ. Часто вельможи безъ всякихъ причинъ выпрашивали у Екатерины земли въ подарокъ, и она не отказывала, такъ какъ цѣлью ея было быть любимой всѣми, не видѣть недовольныхъ лицъ, не подозрѣвать, что есть причины быть ею недовольными.

И дворяне были довольны императрицей. Они получили отъ нея право не служить и многіе прожигали свою жизнь или въ столицахъ, или заграницей въ кутежахъ и развратѣ. Деньги же на такую жизнь они получали изъ своихъ помѣстій отъ труда крѣпостныхъ. И деньги эти были неизсякаемы, такъ какъ владѣнія дворянъ все росли и изобрѣтательность ихъ способовъ извлеченія доходовъ изъ крѣпостныхъ все увеличивалась.

Жалованная грамота городамъ.

Сознавая, что развитіе промышленности необходимо для благосостоянія государства, а оно связано съ лучшимъ положеніемъ торговаго и промышленнаго класса,

Екатерина позаботилась и о немъ. При введеніи административной реформы купечество и мѣщанство получили право участія въ мѣстномъ судѣ, кромѣ того, богатое купечество, подѣленное на три гильдіи, освобождено было отъ подушной подати съ замѣной уплаты сотой части съ заявленнаго по совѣсти капитала. Городское самоуправленіе было утрачено послѣ Петра Великаго. Екатерина его возстановила, но въ измѣненномъ видѣ. Почти одновременно съ жалованной грамотой дворянству она издала „Жалованную грамоту городамъ". По этой грамотѣ городскіе обыватели раздѣлены были на шесть разрядовъ: 1) „настоящіе городскіе обыватели", имѣющіе недвижимую собственность въ городѣ, 2) „купцы" трехъ гильдій, 3) „ремесленники", вписавшіеся въ цехи, 4) „иногородніе и иностранные гости", приписанные къ городу для промышленныхъ занятій, 5) „именитые граждане", занимающіе высшія должности по городскому управленію, капиталисты съ капиталомъ не менѣе 50,000 рублей, лица съ высшимъ образованіемъ, 6) „посадскіе"—чернорабочіе, не записанные ни въ какіе цехи. Городское самоуправленіе касалось обывателей всѣхъ этихъ разрядовъ. Они собирались разъ въ три года на общее городское собраніе для выборовъ членовъ сословнаго суда—магистрата и городского головы—предсѣдателя въ городскомъ управленіи. Кромѣ того, горожане выбирали „общую думу", въ которую входили „гласные" отъ всѣхъ разрядовъ городского населенія.

Общая дума выбирала среди гласныхъ по одному изъ каждаго разряда въ „шестигласную думу", которая и вѣдала всѣ текущія дѣла городского хозяйственнаго управленія. Она засѣдала постоянно, тогда какъ „общая дума" собиралась по мѣрѣ надобности и имѣла распоря-

дительное значеніе. Предсѣдателемъ обѣихъ думъ былъ городской голова.

Отъ городского самоуправленія выиграли всѣ городскія сословія, но больше всѣхъ льготъ въ царствованіе Екатерины получило богатое купечество. Освобожденіе отъ подушной подати очень замѣтно его выдвинуло надъ сѣрой массой городскихъ тяглецовъ, затѣмъ оно получило и другое преимущество: купцы первой и второй гильдіи освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній и въ этомъ отношеніи сравнялись съ дворянами.

Вообще къ концу XVIII вѣка выдѣляется новое привиллегированное сословіе—владѣльцы капитала—и стремится сравняться въ своихъ правахъ съ дворянами.

Внѣшнія дѣла.

Внѣшними дѣлами Россіи Екатерина особенно гордилась и щеголяла успѣхомъ передъ европейскими государями. Дѣйствительно Россія одержала много побѣдъ во всѣхъ войнахъ и пріобрѣла много земель за время тридцатипятилѣтняго царствованія Екатерины. Побѣды всегда даютъ славу государю и предводителямъ войскъ. И при Екатеринѣ прославились Румянцевъ, Орловъ, Суворовъ, Потемкинъ, ихъ имена стали извѣстны потомству, попали въ учебники и грошовые разсказы, заучивались дѣтьми, повторялись взрослыми. Забывалось всегда только при этомъ о той цѣнѣ, которою досталась эта слава отдѣльнымъ немногимъ личностямъ, о томъ морѣ русской „простой“ не дворянской крови, которая пролилась для того, чтобы прославить Екатерину и военныхъ вождей. Бываютъ войны, на которыя толкаетъ необходимость—ростъ народныхъ силъ, потребность новыхъ

доступовъ къ торговлѣ. Такой войной можно считать Великую Сѣверную войну, правда ужасную по своему кровопролитію и истощенію народныхъ средствъ, но все же явившуюся не по капризу Петра: еще оживленная новгородская торговля указала древней Руси путь въ Западную Европу, объединенное Московское государство все время тяготѣло къ Балтійскому морю, на что указываютъ войны со шведами со временъ Ивана Грознаго. Такимъ образомъ, русская торговля искала доступа въ Западную Европу и Великая Сѣверная война дала ей этотъ доступъ. Послѣ—мы знаемъ, что бывали войны и просто по капризу государей или ихъ совѣтчиковъ, какъ, напримѣръ, при Елизаветѣ, онѣ ровно ничего не давали государству, хотя и были удачны. Теперь, посмотримъ, что и кому доставили войны Екатерины?

Въ 1764 году Екатерина вмѣшалась въ дѣла Польши по выборамъ на престолъ короля. Выборъ былъ именно такой, какого желала Екатерина. Затѣмъ Россія приняла участіе въ спорахъ въ Польшѣ изъ-за правъ иновѣрцевъ—„диссидентовъ". Здѣсь Екатерина выступила, какъ защитница православныхъ въ Польшѣ и для этой защиты понадобилось держать въ Варшавѣ, столицѣ Польши, русскія войска.

Въ 1768 году Турція объявила Россіи войну. Сначала Россія имѣла успѣхъ: Румянцевъ гналъ турокъ на югъ и занялъ нѣсколько крѣпостей. Греки въ это время готовили возстаніе противъ турокъ. Россія послала имъ въ помощь свой флотъ изъ Петербурга, который, обогнувъ Западную Европу по Атлантическому океану, явился въ Средиземномъ морѣ. Произошелъ „Чесменскій бой", въ которомъ прославился Орловъ, но русскому флоту пришлось отступить.

Успѣхъ русскихъ возобновился въ 1771 году, когда мѣсто военныхъ дѣйствій опять было перенесено на сушу. Занятъ былъ даже Крымъ и Россія стала требовать отъ Турціи мира, по которому Турція должна была признать отъ себя независимыми славянскія государства—Молдавію и Валахію и отдать Россіи Крымъ. Но такое усиленіе Россіи на счетъ Турціи было невыгодно Австріи и Пруссіи, которыя предложили Россіи вмѣсто Крыма вознаградить себя на счетъ Польши. Екатерина согласилась, и такимъ образомъ побѣжденная Турція осталась почти цѣлой и невредимой, а за ея пораженіе поплатилась Польша, часть которой просто на просто подѣлили между собою Пруссія, Австрія и Россія. Россія по этому раздѣлу въ 1772 году получила часть Бѣлоруссіи. Отъ Турціи же Россія получила немного сравнительно съ своей побѣдой: возвращенъ былъ Азовъ и заключены нѣкоторыя выгодныя торговыя условія, затѣмъ признанъ императорскій титулъ за Екатериной [1]). Остальныя же уступки Турціи никакого отношенія къ Россіи не имѣли: независимость крымскихъ татаръ и прощеніе возставшихъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ, подвластныхъ туркамъ. Эти уступки Турціи дали лишь славу Екатеринѣ, которая очень любила выставлять себя защитницей угнетенныхъ. Однако изъ защиты крымскихъ татаръ въ 1783 году Россія извлекла себѣ выгоду, и здѣсь уже Екатерина не сострадала угнетеннымъ. Воспользовавшись слабостью независимымъ татаръ, Россія присоединила Крымъ себѣ. Изъ-за этого Турція объявила Россіи вторую войну въ 1787 году. Иностранныя

---

[1]) Петра не всѣ державы признали императоромъ, въ числѣ ихъ была также Турція.

державы пытались помѣшать Россіи, Швеція даже объявила ей войну. Но въ дѣлахъ съ турками Россія уже стояла на твердой почвѣ и одержала блестящую побѣду. Въ 1790 году Суворовъ прославился взятіемъ крѣпости Измаила.

Миръ былъ заключенъ въ Яссахъ (въ Молдавіи) въ 1791 году, и Россія извлекла уже для себя настоящія выгоды: ей отошелъ Крымъ, все черноморское побережье и крѣпость Очаковъ. Пріобрѣтеніе Крыма, необыкновенно богатаго своей природой, обильнаго виноградомъ и всякими фруктами, могло принести большую пользу государственному хозяйству Россіи, но большая часть земель въ Крыму была роздана лицамъ царской фамиліи и дворянамъ, чѣмъ-нибудь особенно угодившимъ Екатеринѣ. Татарскія деревни, виноградники и поля были оттѣснены на вершины горъ, на безплодныя скалы, а великолѣпныя долины и лѣсистыя склоны горъ попали въ руки немногихъ счастливцевъ, которые настроили тамъ дворцы и сады.

Едва успѣла Россія заключить миръ съ Турціей, какъ опять ей понадобилось вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши. Результатомъ этого вмѣшательства былъ второй раздѣлъ Польши, по которому Россія получила еще прирѣзку—Волынь, Подолію и остальную часть Бѣлоруссіи.

Въ 1794 году въ Польшѣ началось возстаніе за возстановленіе своихъ прежнихъ границъ подъ начальствомъ генерала Костюшко. Противъ возставшихъ Екатерина отправила войска подъ начальствомъ турецкаго побѣдителя—Суворова. Польша была побѣждена, и сосѣди ее окончательно подѣлили въ 1795 году. Россія получила по этому третьему раздѣлу Литву.

Такимъ образомъ въ царствованіе Екатерины пре-

дѣлы Россіи значительно увеличились, и въ Западной Европѣ съ Россіей стали считаться, какъ съ могучей державой, а Екатерину осыпали лестью и похвалами.

Итакъ, что же дали войны при Екатеринѣ государству въ его цѣломъ и отдѣльнымъ слоямъ населенія? Расширивъ владѣнія Россіи и доставивъ ей Черное море, Екатерининскія войны подняли торговыя сношенія государства, а давъ ему славу, укрѣпили царскую власть.

Доставивъ славу и награды военнымъ вождямъ и помѣстья дворянамъ въ новыхъ завоеванныхъ областяхъ, пошли на пользу господствующему классу—дворянству.

Проливая въ изобиліи кровь солдатъ и вытягивая изъ податного населенія средства всевозможными налогами, не дали ничего ни крестьянамъ, ни городскому непривиллегированному трудящемуся населенію.

Просвѣщеніе.

Много темныхъ сторонъ было въ русской жизни въ это блестящее по виду царствованіе Екатерины.

Иностранные писатели восхваляли русскую императрицу, не проникая въ глубину жизни всего народа. Они судили лишь по внешнему блеску побѣдъ русскихъ войскъ надъ турками и поляками и по расцвѣту русской литературы, который они принимали за распространеніе просвѣщенія, не думая о томъ, что масса народная такъ же темна, какъ и столѣтіе тому назадъ.

Дѣйствительно царствованіе Екатерины можно считать временемъ успѣха образованія, но не народа въ въ его цѣломъ, а общества, тѣхъ верхнихъ слоевъ народа, которые легко могутъ заниматься наукой и литературой, благодаря своему обезпеченному положенію.

При Екатеринѣ не только растутъ мужскія учебныя заведенія, разумѣется для дворянъ, но даже появляются и женскіе дворянскіе институты. Екатерина находила, что русская дѣвушка получаетъ безобразное воспитаніе въ невѣжественной семьѣ, а потому рѣшила, что образованіе можетъ хорошо привиться только тогда, когда вся окружающая обстановка будетъ иная. Поэтому Екатерина устроила институты закрытыми учебными заведеніями, куда принимались маленькія дѣвочки и не выпускались оттуда домой ни лѣтомъ, ни на праздники до самаго окончанія курса. Конечно нельзя сказать, чтобы Екатерина достигла своей цѣли: обстановка институтовъ не была образцовой. Главное зло было въ томъ, что дѣти совсѣмъ отдалялись отъ жизни и, окончивъ институтъ, не знали самыхъ простыхъ жизненныыъ вещей, которыя доступны были каждой простой дѣвушкѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе сословности институтовъ, дѣти, видя рядомъ съ собой лишь „благородныхъ“, проникались понятіями, что онѣ составляютъ особую породу людей. Дворянамъ конечно только этого и надо было.

Чтобы перейти къ обзору литературы и науки въ царствованіе Екатерины, необходимо вернуться назадъ, къ началу XVIII вѣка и посмотрѣть, какъ постепенно развивалась русская умственная жизнь. Намъ приходилось уже говорить, что въ XVII вѣкѣ русская литература была очень скудна и несамостоятельна. Слѣдующій вѣкъ вначалѣ не принесъ ничего новаго въ поэтическомъ творчествѣ, зато далъ научныя сочиненія. Всѣ люди первой четверти XVIII вѣка жили какой-то торопливой, напряженной, дѣловой жизнью. И эта особенность отразилась—разумѣется—и на умственной жизни. Произведенія писателей этого времени имѣютъ

дѣловой характеръ. Такимъ дѣловымъ писателемъ былъ Посошковъ. Онъ былъ достаточнымъ крестьяниномъ и образованіе свое получилъ почти самоучкой. Во взглядахъ Посошкова, выраженныхъ главнымъ образомъ въ двухъ произведеніяхъ—„Завѣщаніе Отеческое“ и „О скудости и богатствѣ“, замѣчается соединеніе приверженности старинѣ съ сочувствіемъ совершенно новымъ стремленіямъ. Такъ онъ осуждаетъ роскошь и кутежи на иностранный ладъ и противопоставляетъ этому старое русское благочестіе, находя весь корень зла въ подражаніи иностранцамъ. Въ то же время онъ не только не боится просвѣщенія, но, наоборотъ въ немъ видитъ все спасеніе отечества, а въ невѣжествѣ всѣ его бѣды. Особенно онъ нападаетъ на невѣжество духовенства и считаетъ нужнымъ двѣ мѣры: не принимать въ духовный санъ людей малограмотныхъ и назначить отъ правительства жалованье, чтобы духовенство имѣло время развивать свой умъ, не добывая себѣ хлѣба тяжелой работой наряду съ крестьянами.

Въ своей вѣрѣ въ необходимость просвѣщенія Посошковъ ушелъ дальше очень многихъ людей XX вѣка: онъ считаетъ нужнымъ ввести всеобщее обученіе и для крестьянъ, но, какъ истый современникъ Петра Великаго, предлагаетъ не ограничиться устройствомъ достаточнаго количества школъ, но и заставлять крестьянъ отдавать дѣтей учиться подъ страхомъ наказанія за ослушаніе. Посошковъ вникаетъ и въ финансовую политику правительства: онъ находитъ введеніе подушной подати неудачнымъ, и для улучшенія благосостоянія страны предлагаетъ эту подать, лежащую только на тягломъ населеніи, замѣнить земельнымъ обложеніемъ всѣхъ землевладѣльцевъ.

Критикуетъ Посошковъ и судебное устройство, считая лучшимъ судъ одинаковый для всѣхъ сословій.

Посошковъ представилъ Петру I свое сочиненіе „О скудости и богатствѣ“ въ 1725 году, но видно—и въ то время нельзя было безнаказанно говорить о необходимости государственныхъ реформъ, такъ какъ черезъ годъ послѣ этого—уже по смерти Петра—Посошкова неизвѣстно за что заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ.

Изъ научныхъ сочиненій другого рода появилось много историческихъ воспоминаній—„мемуаровъ“, такъ напримѣръ, воспоминанія о стрѣлецкомъ бунтѣ. Но гораздо важнѣе по исторіи былъ трудъ Татищева, который собралъ много историческаго матеріала. Татищевъ былъ очень образованнымъ по тому времени человѣкомъ, знакомымъ съ трудами современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ. Онъ задумалъ написать русскую исторію, но для такой работы не хватило его жизни: надо было начинать со сбора матеріала. Теперь историку часто бываетъ достаточно забраться въ архивъ, и передъ нимъ воскресаетъ вся старина,—тогда нужно было и составлять этотъ архивъ. Татищевъ ѣздилъ по городамъ и монастырямъ, скупалъ лѣтописи и вообще разныя рукописи, приводилъ все это въ порядокъ и, наконецъ, издалъ сводъ русской лѣтописи. Этимъ сводомъ пользовались всѣ послѣдующіе историки.

Кромѣ историческихъ сочиненій научный характеръ носили еще описанія путешествій. Путешествія заграницу при посольствахъ, или по своему желанію, давали матеріалъ для описанія чужихъ странъ. Кромѣ описанія, видѣннаго путешественники выражаютъ въ описаніяхъ и свои мнѣнія, даютъ объясненія, иногда

высказываютъ пожеланія, чтобы и на родинѣ были тѣ же порядки, что въ чужихъ странахъ.

Вотъ почти и все, что было самостоятельнаго въ литературѣ и наукѣ времени Петра Великаго.

За время всеобщаго угнетенія и застоя въ царствованіе Анны Ивановны — разумѣется — образованіе не могло двигаться впередъ. Устроенныя при Петрѣ I школы немного пробудились только во второй половинѣ XVIII вѣка, при Елизаветѣ. Въ это время появляется геніальный самородокъ—Ломоносовъ, сынъ Холмогорскаго крестьянина. Онъ научился какимъ-то чудомъ грамотѣ, и добылъ у себя въ деревнѣ нѣсколько учебныхъ книгъ. Съ этимъ запасомъ знаній, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, онъ пришелъ съ обозомъ рыботорговцевъ въ Москву и съ помощью добрыхъ людей поступилъ въ Заиконоспасскую школу. Его тамъ замѣтили, какъ талантливаго ученика, и по окончаніи курса отправили на казенный счетъ въ Петербургъ въ Духовную Академію, а затѣмъ—по обычаю, заведенному Петромъ I отправлять лучшихъ учениковъ доканчивать образованіе за границу, Ломоносовъ попалъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Проучившись тамъ не до конца курса изъ-за бѣдственнаго положенія, Ломоносовъ вернулся въ Россію. Его сдѣлали членомъ Академіи Наукъ, основанной Петромъ и наполненный до тѣхъ поръ нѣмцами, которымъ не было никакого дѣла до русскаго просвѣщенія и которые ничего не дѣлали. Ломоносовъ оживилъ дѣятельность Академіи и поднялъ ея значеніе. Въ Россіи въ то время было такъ мало образованныхъ людей, что Ломоносовъ, сознавая этотъ недостатокъ, брался за все. Онъ былъ физикомъ, химикомъ, знатокомъ гор-

наго дѣла, писалъ грамматику, ариѳметику, сочинялъ торжественно-философскія стихотворенія—„оды“. Въ физикѣ онъ былъ настоящимъ ученымъ и даже сдѣлалъ одно открытіе — громоотводъ, которымъ и прославилъ свое имя въ западной Европѣ.

Учебники и оды его очень плохи съ нашей теперешней точки зрѣніи, но тогда учебники его были почти единственными, и много народу по нимъ училось до появленія лучшихъ. Оды же онъ сталъ писать въ Россіи впервые, заимствуя съ иностранныхъ стихотвореній. Въ одахъ своихъ Ломоносовъ разсуждаетъ о различныхъ явленіяхъ природы и преклоняется передъ величіемъ Творца. Затѣмъ, по обычаю того времени онъ пишетъ и хвалебныя оды императрицѣ („На день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы“), но въ нихъ замѣчательно отражается практическій, дѣловой характеръ писателей времени Петра Великаго. Этимъ Ломоносовъ рѣзко отличается отъ другихъ современныхъ писателей.

Писателей стихотвореній и драматическихъ произведеній при Елизаветѣ является нѣсколько, но это все люди не чета Ломоносову. Всѣ они выросли въ холѣ и нѣгѣ на даровомъ крѣпостномъ трудѣ, образованіе получали легко, безъ тѣхъ лишеній и упорнаго труда, какъ Ломоносовъ, и занимались литературой для развлеченія въ промежутки своей военной или гражданской службы.

Елизавета, какъ мы уже говорили, была любительницей развлеченій, и при ней процвѣталъ придворный театръ. Писанье комедій вошло въ моду, однако своего ничего не могли придумать и такъ грубо подра-

жали иностраннымъ произведеніямъ, что трудно было разобрать: переводъ это или сочиненіе?

Литературный языкъ замѣтно измѣняется въ это время. Разговорный языкъ въ XVIII вѣкѣ значительно уже отличался отъ церковно-славянскаго, но писатели по-прежнему придерживались церковно-славянскаго языка, считая его болѣе серьезнымъ и научнымъ. Ломоносовъ сильно прикрашиваетъ этотъ языкъ иностранными словами, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше писатели употребляютъ французскихъ и нѣмецкихъ словъ, придѣлывая лишь русскія окончанія.

Такимъ образомъ литературный языкъ второй половины XVIII вѣка представляетъ собою смѣсь церковно-славянскаго съ иностранными и сильно отличался отъ простой разговорной рѣчи.

Интересъ къ чтенію росъ среди дворянъ, а русскихъ книгъ было мало. Выучившись съ грѣхомъ пополамъ французскому языку отъ своихъ невѣжественныхъ гувернеровъ изъ парикмахеровъ или лакеевъ, молодые дворяне развивались почти исключительно на французской литературѣ, читая все безъ руководства.

Со времени Елизаветы на русскихъ нравахъ сильно отражается французское вліяніе и держится оно очень долго. Изъ Франціи заимствовали все: и вычурныя манеры съ притворной любезностью въ обращеніи, и торжественно-льстивый тонъ въ стихотвореніяхъ, и легкую насмѣшку въ обличительныхъ произведеніяхъ — „сатирахъ“.

При Екатеринѣ первую извѣстность пріобрѣлъ Державинъ, какъ писатель одъ, въ которыхъ онъ тонко льстилъ Екатеринѣ, восхваляя иносказательно ея не-

существующія добродѣтели. Онъ съ замѣчательнымъ проворствомъ нанизывалъ торжественный наборъ словъ для выраженія своего преклоненія передъ величіемъ Бога. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ императрицы, которая нѣтъ-нѣтъ да и преподносила ему подарки: то золотую табакерку, а то и просто деньги. И Державинъ очень прозрачно лгалъ въ своей одѣ: „Видѣніе мурзы“, увѣряя, что онъ восхваляетъ Екатерину не изъ корыстныхъ цѣлей:

.....И всѣ твои красы примѣтя,
„Не мни, чтобъ шапки илъ бешметя
За нихъ я отъ тебя желалъ“.

Льстивыя оды Державина составляютъ полную противоположность одамъ его предшественника Ломоносова; которыя больше походили на научные трактаты, чѣмъ на произведенія изящной литературы.

Поученія и сатиры любила писать сама Екатерина. Какъ остроумный, наблюдательный человѣкъ, она ловко подмѣчала смѣшныя стороны внѣшняго лоска дворянъ, прикрывавшаго ихъ грубую и жадную сущность. Она даже издавала, правда скрывая свое имя, сатирическій журналъ „Всякая всячина“, но зато сатиры на себя и своихъ фаворитовъ она не переносила и преслѣдовала сатирическіе журналы, издававшіеся другими лицами.

Среди шума и треска этой пустой литературы съ торжественными восхваленіями и легкой сатирой прорывались изрѣдка болѣе серьезныя сочиненія. Такъ вышло произведеніе Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Оно было написано дѣйствительно подъ видомъ дневника путешественника, но въ немъ вы не найдете описаній, въ немъ все почти сплошь раз-

сужденія... и о чемъ же? Не о божьемъ величіи, не о добродѣтеляхъ императрицы, не о блескѣ побѣдъ русскихъ войскъ, а о положеніи Россіи: экономическомъ, политическомъ и нравственномъ. Въ этомъ сочиненіи рѣзко порицается весь внѣшній блескъ Екатерининскаго общества и вскрывается, на чемъ покоится этотъ блескъ: затрагивается крестьянскій вопросъ, говорится о разореніи крѣпостныхъ, о несправедливомъ пользованіи ихъ трудомъ дворянами, о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крѣпостными и даже представляется проектъ освобожденія крестьянъ съ землею. Объ этомъ тогда никто не думалъ, и мы видѣли, что въ Комиссіи 1767 года казались страшными даже тѣ мнѣнія, которыя отстаивали огражденіе закономъ правъ крестьянъ отъ произвола помѣщика. О крестьянскомъ вопросѣ толковать разрѣшалось лишь въ замкнутыхъ правительственныхъ кругахъ, а писать лишь по запросу Вольнаго Экономическаго Общества [1]), этого ученаго учрежденія подъ строгимъ надзоромъ правительства, но выносить этотъ вопросъ въ широкую публику въ литературномъ произведеніи казалось совершенно невозможнымъ. Сама императрица, мечтавшая когда-то объ „освобожденіи рабовъ“, прочитавъ „Путешествіе“, пришла въ ярость и приказала разыскать автора. А авторъ—Радищевъ набрался такихъ страшныхъ мыслей, учась въ заграничномъ университетѣ. Онъ получилъ очень хорошее по тому времени образованіе и совсѣмъ не походилъ на русскихъ дворянчиковъ-щеголей и невѣждъ. Когда онъ, окончивъ науку, возвращался въ Россію, ему страстно хотѣлось отдать всѣ свои силы на благо ро-

[1]) Основано Екатериной.

дины. Но скоро ему пришлось горько разочароваться; на государственной службѣ онъ остался одинокимъ, такъ какъ никто не думалъ ни о какомъ благѣ родины, всѣ просто на просто „служили“, получали жалованье, чины, награды, предавались роскоши, которая была такъ доступна, и воображали, что все обстоитъ благополучно. Примѣнить же силы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ государственной службы, въ то время было невозможно. И вотъ все свое разочарованіе русскими образованными людьми, всю горечь отъ сознанія свего безсилія сдѣлать что-нибудь для несчастной родины — онъ вылилъ въ своемъ сочиненіи, которое и писалъ не перомъ, а кровью своего сердца.

По приказу императрицы автора нашли и посадили въ тюрьму, а потомъ отправили въ ссылку въ глухую Сибирь, гдѣ онъ и пробылъ до слѣдующаго царствованія.

Что касается науки, то замѣтно и она сдѣлала шагъ впередъ въ Россіи къ концу XVIII вѣка.

Трудъ Татищева не пропалъ даромъ, и являются попытки написать связную русскую исторію.

Одинъ изъ этихъ историковъ, болѣе талантливый— князь Щербатовъ. Онъ принимаетъ на вѣру всѣ факты, изложенные въ лѣтописи, не подвергая ихъ критической провѣркѣ, и только пытается дать имъ объясненіе съ точки зрѣнія разума. Въ его трудѣ сильно замѣтно вліяніе французскихъ философовъ XVIII вѣка: по его мнѣнію, исторію дѣлаютъ отдѣльныя личности, руководимыя какою-нибудь опредѣленною идеею. Такимъ образомъ, его русская исторія заключала въ себѣ не исторію русскаго народа, а исторію русскихъ царей. Развитіе и объясненіе идей, руководившихъ историческими лич-

ностями, и составляло главную задачу труда Щербатова. Совершенно другіе взгляды, уже гораздо болѣе научные, были у Болтина, который отнесся критически къ исторіи Щербатова. Болтинъ связываетъ исторію съ географіей и климатъ страны считаетъ одною изъ главныхъ причинъ того или иного хода исторіи. Его главнымъ источникомъ служатъ изслѣдованія по исторической географіи Россіи Татищева.

Какъ литература вызывалась сверху самой Екатериной, такъ и исторія писалась по распоряженію правительства, но это были первые шаги, а дальнѣйшіе не всегда совпадали съ желаніемъ власти. Какъ въ литературѣ сатира держалась уже не въ тѣхъ рамкахъ, какія ей опредѣлялись сверху, а „Путешествіе“ Радищева перешагнуло уже всѣ предѣлы желаемаго, такъ и въ исторіи взглядъ Щербатова вполнѣ соотвѣтствовалъ взглядамъ самой императрицы, но Болтинъ пришелся уже менѣе по вкусу.

Въ изслѣдованіи государственнаго хозяйства начало было тоже положено сверху. Передъ засѣданіемъ Комиссіи 1767 года Вольное Экономическое Общество предложило темы по самому тогда насущному вопросу— крестьянскому. Сочиненій по этому вопросу получено было очень много какъ отъ русскихъ, такъ и иностранцевъ.

Иностранцы совершенно не входили въ настоящее хозяйственное положеніе Россіи, а разсуждали на основаніи общихъ идей. Такъ напримѣръ: Беарде-де-Лабей, котораго выше всѣхъ оцѣнило Вольное Экономическое Общество, утверждаетъ прежде всего мысль, что для государственнаго хозяйства свободный трудъ гораздо полезнѣе рабскаго, а потому—дѣлаетъ онъ выводъ—крестьяне въ Россіи должны быть освобождены,но при этомъ

сейчасъ же слѣдуетъ оговорка, что освобожденіе вредно, пока крестьяне не будутъ приготовлены къ свободѣ, а потому предлагается помѣщикамъ добровольно и постепенно отпускать на свободу крѣпостныхъ въ награду за усердный трудъ. Такой отвѣтъ какъ нельзя болѣе пришелся по вкусу Екатеринѣ: и много словъ хорошихъ о свободѣ и объ уничтоженіи рабства сказано, и дѣлать ничего для этого не нужно. Совершенно безъ вниманія оставило Вольное Экономическое Общество не такой блестящій трудъ Полѣнова, въ которомъ не говорится ни одного громкаго слова о свободѣ и рабствѣ и даже не упоминается объ освобожденіи крестьянъ, а дѣловито и прямо предлагается немедленно же приступить къ мѣрамъ для улучшенія положенія крестьянъ: огражденіе закономъ земельнаго владѣнія крестьянъ, опредѣленіе повинностей помѣщику въ размѣрѣ десятой части валового дохода и одного дня въ недѣлю барщины, запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли. Кромѣ того, онъ считаетъ нужнымъ, чтобы правительство и помѣщики озаботились о просвѣщеніи крестьянъ.

Среди отвѣтовъ русскихъ проектъ Полѣнова былъ одинокимъ, всѣ же остальные такъ рѣшительно и откровенно возстали противъ всякаго улучшенія положенія крестьянъ, что въ широкой публикѣ только это общее мнѣніе и было слышно.

Такимъ образомъ вопросы государственнаго хозяйства такъ тѣсно сплетались съ классовыми интересами составителей проектовъ, что не могли рѣшаться научно-безпристрастно.

Кромѣ литературной и научной дѣятельности въ концѣ XVIII вѣка зарождается и общественная дѣятельность среди наиболѣе просвѣщенныхъ людей. Про-

исхожденіе этой общественной дѣятельности нужно искать тоже въ заимствованіи съ Запада. Въ XVIII вѣкѣ въ Западной Европѣ получили широкое распространеніе общества „масоновъ". Масоны (по-русски каменщики) вели свое происхожденіе отъ союза взаимопомощи каменщиковъ, но самыя общества масоновъ не имѣли никакой связи съ этими союзами трудящихся людей. Они состояли исключительно изъ людей образованныхъ, очень часто богачей и аристократовъ, а потому матеріальная поддержка другъ друга имъ была совершенно не нужна. Цѣль общества масоновъ была совсѣмъ иная Масоны объединялись идеей всеобщаго равенства и братства между людьми безъ различія религій и на основѣ этой всеобщей братской любви хотѣли создать новую общую религію.

Общество это было тайное, членами принимались туда только послѣ испытанія, самый пріемъ, или „посвященіе" въ масонство сопровождались таинственными обрядами, имѣвшими особый смыслъ и указывавшими на происхожденіе [1]) общества и его цѣль—самосовершенствованіе и отрѣшеніе отъ земныхъ наслажденій. Масонскія общества заграницей вели очень полезную благотворительную дѣятельность. Въ Росеіи идеи масонства появились еще при Елизаветѣ, но широкое распространеніе получили онѣ уже въ царствованіе Екатерины среди высшаго общества, какъ бы въ противовѣсъ другому господствовавшему тамъ направленію—легкомысленному и эгоистическому. Общественная же благотворительная дѣятельность масоновъ въ Россіи впервые проявилась въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка.

---

[1]) Напримѣръ: ударъ по различнымъ частямъ тѣла орудіемъ каменщиковъ—молоткомъ.

Нашими первыми общественными дѣятелями были Новиковъ и Шварцъ. Новиковъ въ молодости, оставивъ военную службу, предался цѣликомъ литературной дѣятельности. Онъ издавалъ сатирическіе журналы: „Трутень“ и Живописецъ“, самые серьезные и ѣдкіе изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ того времени. За свою мѣткость и ядовитость они подверглись даже одно время гоненію со стороны власти, но публика читала ихъ очень охотно. Новиковъ оставилъ свою журнальную дѣятельность и занялся въ Москвѣ издательствомъ книгъ научнаго и религіозно-нравственнаго содержанія и, кромѣ того, взялъ въ аренду издательство одной изъ немногихъ газетъ того времени „Московскія Вѣдомости“, печатавшейся при университетѣ. Въ этой газетѣ онъ проводилъ свои идеи любви къ человѣчеству и осуждалъ пороки, особенно господствовавшіе въ то время—угодничество и невѣжество. Какъ прибавленіе къ газетѣ, Новиковъ издавалъ еще „Дѣтское Чтеніе“—первый дѣтскій журналъ.

Дѣятельность Новикова стала расширяться еще больше, когда онъ подружился съ Шварцомъ, университетскимъ преподавателемъ нѣмецкаго языка. Шварцъ стремился поднять развитіе университетской молодежи и читалъ имъ частнымъ образомъ лекціи по философіи. По его же настоянію была основана Педагогическая семинарія для подготовки учителей.

Тамъ могли обучаться люди совсѣмъ бѣдные, такъ какъ Новиковъ и Шварцъ, жертвуя свои деньги, привлекали также многихъ богачей, которые охотно давали средства на ихъ предпріятія. Вмѣстѣ съ Шварцемъ Новиковъ основалъ „Дружеское Ученое Общество“, цѣлью котораго было распространеніе просвѣ-

щенія въ самыхъ широкихъ слояхъ народа, какъ путемъ устройства школъ и библіотекъ, такъ и продажей книгъ въ различныхъ городахъ Россіи. Членами „Дружескаго Ученаго Общества“ были просвѣщеннѣйшіе люди того времени, большею частью масоны. Это общество преслѣдовало не только просвѣтительныя, но и благотворительныя цѣли. Оно устраивало безплатныя больницы, аптеки для бѣдныхъ, наконецъ приняло на себя заботу о голодающихъ во время голода въ 1787 году. Лучшая часть русскаго общества очень отзывчиво отнеслась къ дѣятельности Дружескаго Общества, помогала ему, вслѣдствіе чего оно и обладало очень большими средствами. Но много было людей въ высшемъ обществѣ и среди правительства, которымъ, какъ бѣльмо на глазу была благотворительная и просвѣтительная дѣятельность и они стали нашептывать императрицѣ объ опасности для государственнаго порядка дѣятельности Новикова (Шварцъ уже въ то время умеръ). Доходили даже до гнусныхъ намековъ, что Новиковъ занимается выдѣлкою фальшивыхъ денегъ, чѣмъ и объясняли неизсякаемость средствъ Общества. Екатерина вначалѣ очень покровительствовала Новикову, такъ какъ въ его издательской дѣятельности находила лишній предлогъ для хвастовства передъ Западной Европой просвѣщеніемъ Россіи. Но когда она увидѣла, что просвѣщеніе дѣйствительно идетъ въ глубь страны, она испугалась. Екатерина не любила масоновъ за таинственный характеръ ихъ собраній, находя, что если есть какая-нибудь тайна, значитъ, тамъ есть и злой умыселъ противъ правительства, противъ нея. Кромѣ того, до нея дошли слухи, что массоны хотятъ привлечь на свою сторону наслѣдника престола Павла Петровича. Это об-

стоятельство въ ея глазахъ придало уже совершенно заговорщическій характеръ Обществу, гдѣ членами были масоны, и она стала преслѣдовать масоновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и открытую благотворительную дѣятельность Дружескаго Общества. Она подбиралась къ самому Новикову, поручивъ московскому митрополиту Платону испытать православіе Новикова. Побесѣдовавъ съ Новиковымъ, Платонъ не нашелъ у него никакихъ идей, вредныхъ православію. 1789 годъ во Франціи (начало французской революціи) такъ напугалъ Екатерину, что она стала дѣйствовать болѣе рѣшительно и противъ масонскихъ обществъ и противъ просвѣтительной дѣятельности Дружескаго Общества, которыя ей казались опасными для государственнаго порядка.

Благотворительная же дѣятельность Новикова ей не нравилась потому, что создавала особенную любовь къ Новикову и распространяла его извѣстность въ очень широкихъ слояхъ народа. Она начала со всевозможныхъ препятствій книгоиздательству Новикова. Затѣмъ ему было отказано въ издательствѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Наконецъ, въ 1792 году закрыты были всѣ книжныя лавки, основанныя Дружескимъ Обществомъ. Убивъ дѣятельность Общества, Екатерина не пощадила и его основателя. Новиковъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и пробылъ до вступленія на престолъ Павла. Другіе члены Дружескаго Общества были высланы изъ Москвы.

Такова была судьба перваго въ Россіи общественнаго учрежденія, заботившагося о благѣ простого народа, такова была судьба людей, попробовавшихъ поставить своей цѣлью жизни не интересы своего желудка, а общественное благо.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подведемъ теперь итоги всему сказанному о состояніи государства за время царствованія Екатерины II.

Сравнивая дѣятельность правительства Петра I съ дѣятельностью правительства конца XVIII вѣка, замѣчаемъ, что она стала гораздо сложнѣе. При Петрѣ во всѣхъ мѣропріятіяхъ правительства откровенно сквозила задача фиска, т. е. извлеченія изъ населенія средствъ для государственной казны. При Екатеринѣ задача эта ничуть не измѣняется, но очень тщательно прикрывается заботою о благѣ народа. Такъ, административныя реформы какъ будто всецѣло имѣютъ въ виду спокойствіе и удобство всѣхъ гражданъ, на самомъ же дѣлѣ служатъ лишь для спокойствія и удобства только высшихъ слоевъ населенія—землевладѣльцевъ и владѣльцевъ капитала. Въ ихъ интересахъ новое административное устройство должно было оказаться въ силахъ предупреждать и сдерживать всякое движеніе низшихъ слоевъ народа.

Всѣ извлеченныя изъ народа средства при Петрѣ I опредѣленно и ясно назначались на веденіе войнъ въ цѣляхъ расширенія границъ государства и главнымъ образомъ развитія торговыхъ сношеній. Незначительная часть казенныхъ доходовъ тратилась на внутреннія реформы съ цѣлью большаго упорядоченія казенныхъ сборовъ. При Екатеринѣ II расходъ государственной казны услож-

нился. Большая часть его приходилась также на войны, затѣмъ на внутреннія реформы, которыя производились въ цѣляхъ благополучія одной части населенія на счетъ угнетенія другой, и, наконецъ, очень большая часть государственнаго дохода тратилась на подачки дворянству и иностранцамъ и на пышность двора.

Такова была дѣятельность правительства. Что же можно сказать о жизни народа?

Мы видѣли, что все развивавшееся въ теченіе XVI и XVII вѣка закрѣпощеніе всего населенія государству дошло, наконецъ, до своей высшей точки при Петрѣ I. Послѣ Петра тотъ классъ, который владѣлъ главнымъ богатствомъ страны—землей,—дворяне начинаетъ борьбу за свое освобожденіе, которая и кончается полнымъ успѣхомъ при Екатеринѣ II, но цѣною еще большаго закрѣпощенія крестьянъ. Съ развитіемъ торговли и промышленности понемногу начинаютъ приподымать голову и владѣльцы капитала, вышедшіе изъ купечества, и при Екатеринѣ тоже получаютъ привиллегіи за счетъ мелкаго торговаго и ремесленнаго городского населенія.

Умственная жизнь Россіи ко второй половинѣ XVIII вѣка замѣтно двинулась впередъ: не только развились различные виды литературнаго творчества и явились научныя сочиненія, но просвѣщеніе начало проникать и въ низы народа при помощи издательской дѣятельности Дружескаго Ученаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 1

I. Кіевская Русь 5

Древнѣйшій бытъ славянъ 5
Начало государственной власти 9
Умственная жизнь древнихъ славянъ 15
Хозяйственный и политическій строй 21
Административный и общественный строй. . . 25
Запустѣніе Кіевской Руси 29

II. Сѣверо-восточная Русь 32

Хозяйственный и административный строй . . 32
Политическій строй. 34
Татарское иго 36
Перемѣщеніе столицы изъ Владиміра въ Москву. 41
Объединеніе Руси Москвою 46

III. Московская Русь 52

Утвержденія единовластія 52
Несоотвѣтствіе самодержавія съ политическою властью боярства. 54
Управленіе Московскимъ государствомъ въ XVI вѣкѣ 59
Сословія въ Московскомъ государствѣ. . . . 60
Смутное время. 64
Время Земскихъ Соборовъ. 78
Умственная жизнь Московской Руси 94
Судьба Московскаго престола послѣ Алексѣя 103

стр.

IV. Россійская Имперія въ XVIII вѣкѣ 110

1. Воспитаніе Петра 110
2. Время Петра I. 113
   а) Внѣшнія дѣла 113
   б) Реформы войска 121
   в) Повинности. 122
   г) Положеніе крестьянъ. 128
   д) Положеніе городского тяглаго населенія 137
   е) Реформа областнаго управленія 140
   ж) Реформа центральнаго управленія. . . . 143
   з) Табель о рангахъ 145
   и) Положеніе дворянъ 146
   к) Образованіе 149
   л) Церковная реформа 150
   м) Оппозиція реформамъ Петра 151
3. Время Дворцовыхъ переворотовъ. 153
   а) Судьба престола по смерти Петра I. . . 153
   б) Состояніе государства за время Дворцовыхъ переворотовъ 167
   в) Внѣшнія дѣла 173
4. Время Екатерины II. 174
   а) Комиссія 1767 года 175
   б) Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. . . . 178
   в) Административная реформа 190
   г) Жалованная грамота дворянству 192
   д) Жалованная грамота городамъ. 194
   е) Внѣшнія дѣла 196
   ж) Просвѣщеніе 200
   з) Заключеніе. 216

---

*PB-43409-SB
5-14
CC
BT

Stanford University Libraries
3 6105 013 534 719

41
P5
v.1

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.